

Pro et Contra

№ 3–4 (63), май — август 2014

УКРАИНСКИЙ КРИЗИС И РОССИЯ

Украина: неутраченные иллюзии

Татьяна Ворожейкина

Россия в 2014-м: скатывание в воронку

Николай Петров

Экономика России к началу эпохи «после Путина»

Сергей Алексашенко

Посткрымский политический режим

Борис Макаренко

Дефицит ресурсов и отношения между центром
и регионами

Наталья Зубаревич

Путинский рецидив тоталитаризма

Лев Гудков

Pro et Contra

№ 3–4 (63), май — август 2014

Том 18

ЖУРНАЛ РОССИЙСКОЙ ВНУТРЕННЕЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

Издается с августа 1996 г.

Выходит шесть раз в год

Главный редактор

Мария Липман

Заместитель

главного редактора

Александр Стариков

Редактор

Наталья Марголис

Ответственный

секретарь

Надежда Ражукова

Дизайн

Лидия Левина

Верстка

Никита Очагов

Проверка и корректура

Ирина Хазанова

Консультационный совет

Владимир Барановский

Борис Дубин

Фарид Закария

Томас Карозерс

Эндрю Качинс

Анатолий Ливен

Мари Мендрас

Вадим Радаев

Кирилл Рогов

Дмитрий Тренин

Лилия Шевцова

Константин фон Эггерт

Евгений Ясин

Учредитель

Фонд Карнеги

за Международный Мир

(Carnegie Endowment

for International Peace)

Издание осуществляется

при материальной

поддержке

Фонда Макартуров

Журнал «PRO et CONTRA» (ЗА и ПРОТИВ)

Адрес редакции: 125009, Москва, ул. Тверская, 16/2, Московский Центр Карнеги

Телефон: (495) 935-8904. Факс: (495) 935-8906. E-mail: editor@carnegie.ru

Электронные версии: <http://www.carnegie.ru/proetcontra>

ISSN 1560-8913. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-28240 от 18 мая 2007 г. Выдано Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.

Распространяется бесплатно. Подписано в печать 5.08.2014 года. Дата выхода в свет: 8.09.2014 года

Формат 60x90¹/₈. Усл. печ. л. 11. Тираж 2 000 экз.

Издательство «ARTCODEX». Москва, ул. Андроньевская Б., д.25/33. Типография ОАО ИПО «Лев Толстой». Тула, ул. Ф. Энгельса, 70. Заказ № 2715

© Carnegie Endowment for International Peace, 2014

Нынешний номер *Pro et Contra* — последний. Журнал прекращает свое существование в том виде, в котором он уже много лет знаком читателям.

В начале 2004 года, когда я стала главным редактором *Pro et Contra*, важнейшим событием оказалась «оранжевая революция» в Украине;

ей и другим «цветным революциям» мы посвятили свой первый номер. Тема последнего выпуска — вновь украинский кризис, новый Майдан, новая революция и тревожные последствия этих драматических обстоятельств для нашей страны.

За эти десять лет среди сюжетов *Pro et Contra* были развитие в России гражданского общества и взаимоотношения Церкви, общества и государства; идеологизация российского телевидения (о котором наши авторы писали еще в 2006-м) и проблемы национализма в России; историческая политика, энергетические ресурсы и муниципальная реформа. Наши интересы не ограничивались только Россией: отдельные номера *Pro et Contra* были посвящены Китаю, Афганистану, Ирану, постсоветским конфликтам, кризису европейского единства, а также эволюции мирового порядка в целом.

Сквозным сюжетом, к которому мы неоднократно возвращались за последние годы, стали сценарии развития России. В первый раз мы предложили нашим читателям взгляд на российские перспективы перед президентскими выборами 2008 года. Наш тогдашний номер назывался «Бремя преемника»: отказавшись гадать о том, кто именно встанет во главе России после двух сроков Путина и не останется ли он сам на третий срок, мы сосредоточились на том, какие проблемы предстоит решать будущему президенту.

В тот момент растущие цены на нефть позволяли обеспечивать процветание элитам и повышение уровня жизни зависимому от государства большинству; при этом у более творческой

и предприимчивой части общества сохранялись возможности самореализации. В этих условиях приструнить конкурирующие элиты и отстранить граждан от участия в политике не составляло труда. Вместо острого и агрессивного противостояния 1990-х политика превратилась в неконкурентную, безбурную сферу. Конструкция, построенная из монопольной власти и централизованного контроля, казалась устойчивой и как будто устраивала всех. Но в «Бремени преемника» мы писали о том, что засилье государства в политике и экономике ведет к неизбежному снижению эффективности государственного управления; о катастрофически высоком уровне коррупции и низкой конкурентоспособности и производительности труда, а также о том, что закрепление патерналистской модели препятствует модернизации страны.

Впоследствии оказалось, что 2007—2008 годы стали пиком российского благополучия и стабильности. Вскоре Россию настиг мировой экономический кризис, и на его фоне стало очевидно, что внутренние источники экономического роста в значительной мере исчерпаны, а издержки кремлевского политического курса продолжают расти.

Мы возвращались к теме сценариев в 2010 и 2011 году. Наши авторы отмечали тревожные тенденции: граждане были раздражены полицейским произволом, коррупцией, несправедливостью и неравенством, в стране усугублялись ксенофобные и националистические настроения, но российское руководство по-прежнему считало главным внутривнутриполитическим приоритетом удержание власти. Тем не менее в материалах *Pro et Contra* рассматривались различные пути развития страны — коридор возможностей в то время представлялся относительно широким.

Наш последний номер продолжает — и вынужденно завершает — попытки заглянуть в будущее России. Теперь события развиваются в ответ на украинский кризис — на фоне надвигающейся рецессии, жесткой конфронтации с Западом и экономических санкций. Владимиру

Путину, вернувшемуся в Кремль в 2012 году и ставшему собственным преемником, предстоит нести тяжелое бремя. В обозримом будущем хороших перспектив не видно; авторы последнего выпуска *Pro et Contra* рассчитывают, в лучшем случае, на силу инерции. Наш номер открывается статьями об Украине. **Татьяна Ворожейкина** напоминает читателям о том, как украинский кризис перерос в революцию, «смысл которой был не только в протесте отчаявшегося населения против авторитарного коррумпированного режима, но и в очевидном стремлении общества установить новые отношения между собой и властью». **Владимир Фесенко** описывает общественные настроения украинцев и то, какую роль в кризисе сыграла неоднородность украинского общества. **Алексей Макаркин** пишет о последствиях кризиса для Русской православной церкви и ее положении в Украине. **Александр Гольц** анализирует состояние украинской армии, а также то, как показали себя российские вооруженные силы во «взятии Крыма». **Николай Петров** считает, что в результате событий в Украине в нашей стране «начался переход к мобилизационной модели ... предполагающей самоизоляцию и риторику осажденной крепости в целях консолидации элит и граждан». Статья **Павла Баева** посвящена внешней политике России и тому, насколько расходятся образы будущего с западной и российской точки зрения. Тема **Бориса Макаренко** — перспективы политической системы России в условиях «падения эффективности, эрозии легитимности и проблем с преемствен-

ностью власти». **Сергей Алексашенко** рассматривает различные варианты развития российской экономики. **Наталья Зубаревич** рассуждает о том, как в ближайшие годы будут развиваться отношения между Центром и регионами. Автор полагает, что нас ждет усиление «централизации и унитаризации системы государственного управления, в которую фактически будут включены муниципалитеты». **Лев Гудков** убежден, что «массовая поддержка Путина позволит режиму надолго законсервировать ситуацию, используя весь репрессивный аппарат органов безопасности, суда, прокуратуры», а также СМИ, Церковь, систему образования и культуры. В материале **Ксении Демаковой, Светланы Маковецкой и Елены Скрыжковой** речь идет о неполитическом активизме в России.

Прощаясь с нашими читателями, мы надеемся, что России удастся прожить ближайшие годы без трагических катаклизмов. Мы признательны всем, кто был причастен к жизни нашего журнала. В первую очередь, его основательнице и первому главному редактору Марине Павловой-Сильванской и сотрудникам нашей редакции, а также нашим издателям — Фонду Карнеги за Международный мир и Московскому Центру Карнеги — и грантодателям, прежде всего, Фонду Макартуров, который поддерживал журнал со дня основания и до самого конца. Мы благодарим наших многочисленных авторов и жалеем, что наше сотрудничество с ними завершилось. Спасибо всем, кто нас читал.

Мария Липман, главный редактор

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕМА НОМЕРА

УКРАИНСКИЙ КРИЗИС И РОССИЯ

6 Украина: неутраченные иллюзии

ТАТЬЯНА ВОРОЖЕЙКИНА

«Смысл украинской революции заключается не только в протесте отчаявшегося населения против авторитарного коррумпированного режима, но и в стремлении общества установить новые отношения между собой и властью. Гражданское общество в Украине на наших глазах предприняло колоссальный рывок — попыталось перейти от положения поданных полновластного государства к отношениям полноправных граждан с подотчетной им властью».

26 Кризис в Украине в восприятии украинцев

ВЛАДИМИР ФЕСЕНКО

«Важнейшей предпосылкой кризиса была этнокультурная неоднородность украинского общества: идентичность и политические установки украинских граждан существенно отличались в зависимости от региона проживания. Западная часть Украины и, отчасти, ее центральные области исторически ориентированы, на европейскую цивилизацию, тогда как восточные и южные регионы сохраняют преимущественную ориентацию на российскую цивилизацию».

36 Патриарх Кирилл и «постмайданная» Украина

АЛЕКСЕЙ МАКАРКИН

«Украинский кризис показал, что российское государство не носит клерикального характера. РПЦ действительно обладает в нем влиянием большим, чем другие конфессии, и государство при необходимости охотно апеллирует к православным ценностям. Но когда речь идет о государственных интересах, приоритеты Церкви не принимаются в расчет, и свои проблемы в украинском кризисе патриарху Кириллу пришлось решать самостоятельно».

45 Четвертое взятие Крыма

АЛЕКСАНДР ГОЛЫЦ

«Еще недавно казалось: после завершения холодной войны в Европе уже избыточны соглашения,

которые гарантируют, что ни одна из стран не сможет сконцентрировать достаточно сил для внезапной агрессии. Теперь же выясняется: в ситуации, когда Россия просто игнорирует основные принципы европейской безопасности, сложившиеся в постсоветский период, Западу остается полагаться на принципы и логику эпохи холодной войны».

57 Россия в 2014-м: скатывание в воронку

НИКОЛАЙ ПЕТРОВ

«Драматические события, развивавшиеся в Украине с начала 2014 года, ввели Россию в ситуацию острого кризиса и трансформации политического режима по сценарию, который теперь уже следует обозначить как Сталин-medium. Россия начала переход к мобилизационной модели в экономике и обществе в целом, предполагающей самоизоляцию и риторику «осажденной крепости» в целях консолидации элит и граждан».

73 Геополитика самоизоляции

ПАВЕЛ БАЕВ

«Аннексия Крыма показала разительную несовместимость двух образов желаемого будущего. Для политиков западного мейнстрима эта перекройка границ является попыткой применить практики XIX века в уникально институционализированном регионе мира, где не должно быть места “жесткой силе”. Для российских лидеров эта блестящая операция стала прорывом в будущее, принадлежащее динамичным и хорошо вооруженным хищникам».

87 Посткрымский политический режим

БОРИС МАКАРЕНКО

«Возрастные болезни режимов, подобных российскому, хорошо известны и образуют “букет” взаимосвязанных заболеваний: падение эффективности, эрозия легитимности, проблемы с преемственностью власти. Ослабление легитимности представляется ключевым симптомом: в нем отражаются пред-

ставления граждан и об эффективности власти, и о символическом лидерстве, от которого зависит вопрос преемственности. С известным упрощением проблему легитимности можно свести к двум составляющим: как нами правят и насколько правители заслуживают доверия».

104 Экономика России к началу эпохи «после Путина»

СЕРГЕЙ АЛЕКСАШЕНКО

«В рамках данного сценария можно предположить, что в середине прогнозного периода (2018–2019 годы) в России происходят серьезные политические изменения, которые приводят к тому, что власть начинает реагировать на накопившиеся экономические проблемы и радикально меняет экономическую политику. Очевидно, что эти изменения могут быть направлены как на усиление административного контроля за экономикой, так и на постепенное преодоление коренных причин нынешнего положения дел».

118 Пространство России после Крыма и на фоне кризиса

НАТАЛЬЯ ЗУБАРЕВИЧ

«Финансовые запасы будут исчерпаны из-за длительной экономической стагнации или рецессии. Еще более усилится централизация и унитаризация системы государственного управления, в которую фактически будут включены муниципалитеты. Если власти не начнут еще одну маленькую победоносную войну для поднятия рейтинга президента, то придется опираться на жесткую политическую систему, но без достаточных рычагов экономического давления или стимулирования».

129 Путинский рецидив тоталитаризма

ЛЕВ ГУДКОВ

«Хотя поднятая патриотическая волна через полгода спадет, обеспеченная ею массовая поддержка Путина позволит режиму надолго законсервировать ситуацию, используя весь репрессивный аппарат органов госбезопасности, суда, прокуратуры, а также СМИ, систему образования и культуры, церковь. Вероятные последствия этой политики – усиление геронтократии, сокращение вертикальной мобильности, негативная селекция кадров управления и архаизация массового сознания».

148 Неполитический активизм в России

КСЕНИЯ ДЕМАКОВА, СВЕТЛАНА

МАКОВЕЦКАЯ, ЕЛЕНА СКРЯКОВА

«Активистские инициативы нужно рассматривать с учетом динамики развития; в ряде случаев такие инициативы носят проектный, незавершенный, открытый характер. Наши наблюдения свидетельствуют о том, что активистская деятельность проходит через определенные этапы, своего рода «жизненный цикл». Каждый этап характеризуется достижением специфических результатов и требует определенных ресурсов, дефицит которых может оказаться фатальным».

РЕЦЕНЗИИ

164 The Thaw: Soviet Society and Culture in 1950s and 1960s / D. Kozlov, E. Gilburd (eds).

ДМИТРИЙ КОЗЛОВ

173 Наши авторы

174 Contents and Summaries

Украина: неутраченные иллюзии

Украина плохо использовала возможности, которые открылись перед ней в 1991-м и в 2004 году. Быть может, на этот раз изменение взаимоотношений между властью и обществом не останется «великой» иллюзией | **ТАТЬЯНА ВОРОЖЕЙКИНА**

От того или иного исхода украинского кризиса будет зависеть не только судьба и целостность украинского государства, но и способность Европы и Запада в целом отстаивать те ценности, которые они провозгласили и защищали после Второй мировой войны, а также доверие к этим ценностям в мире. От исхода украинского кризиса будет в решающей мере зависеть и судьба модернизации российского общества: сохранятся ли в нем те, пока еще слабые и фрагментарные тенденции к самоорганизации и отделению от государства, которые наметились в последние два десятилетия, или же возрождение имперской политики и шовинистическая консолидация населения вокруг самодержавной власти в очередной раз эти тенденции разрушит.

Предлагаемый вниманию читателя текст представляет собой сугубо предварительную попытку понять происходящее в Украине под углом зрения центральной для становления современного общества проблемы — его взаимоотношений с государством. Смысл украинской революции, как он видится многим ее участникам и наблюдателям, заключается не только в протесте отчаявшегося населения (или значительной его части ¹) против авторитарного коррумпированного режима, но и в очевидном стремлении общества установить новые отношения между собой

и властью. Гражданское общество в Украине на наших глазах предприняло колоссальный рывок — попыталось перейти от положения подданных полновластного государства, по собственному произволу распоряжающегося экономикой страны и судьбами людей, к отношениям полноправных граждан с подотчетной им властью. С самого начала противостояния в Киеве осознанной целью протестующих было коренное изменение политической системы, создание прозрачных и проницаемых государственных институтов и правил игры, одинаковых для всех. Майдан, по мнению Юлии Мостовой, представлял собой беспрецедентный в истории страны опыт самоорганизации: незнакомые люди, говорящие на разных языках, с разными политическими убеждениями вышли на улицу для того, чтобы изменить характер отношений между людьми и государством. Различия — политические, лингвистические, религиозные и иные — не стали препятствием для коллективного гражданского действия. Защита достоинства граждан и вера в демократию как способ отстоять это достоинство и составили главную человеческую доминанту Евромайдана ².

По своему гражданскому, демократическому содержанию киевский Майдан ноября 2013 — февраля 2014-го является важнейшей составной частью общемирового феномена,

суть которого в самоорганизации общества, выступающего против политической системы, неспособной выражать интересы этого общества. В 2011–2014 годах протестные выступления такого типа, хотя и с разной степенью интенсивности, распространились от Рио-де-Жанейро, Сан-Пауло и Каракаса до Мадрида, Туниса, Каира, Софии, Стамбула, Москвы и Бангкока. Все эти протестные движения объединяло острое недовольство сложившимися институтами, которые не позволяют людям добиваться своих целей с помощью легальных политических каналов. Это коснулось как авторитарных (в Венесуэле, Украине, России и арабских странах), так и демократических (в Бразилии и Испании) политических режимов. В большинстве случаев протест против коррупции, пронизывающей государственные институты и правящие группы, становился важнейшим фактором, объединявшим тех, кто вышел на улицы. В этом протесте слились самые разные требования — от социальной справедливости и большего равенства до демократии и честных выборов. Описываемые движения невозможно адекватно понять в традиционной «право-левой» системе координат. Десятки, а то и сотни тысяч людей выходят на улицу, побуждаемые в первую очередь острым чувством неприятия политического устройства, в котором они, по сути дела, лишены права голоса. Непроницаемость политики для человека, отсутствие его в политической системе повсеместно и, как правило, неожиданно, начали приводить к массовому присутствию людей на улицах. Людей, которые добиваются, чтобы их признали полноправными акторами и протагонистами политики, а их цели и интересы — общественно значимыми.

Очевидно вместе с тем, что киевский Майдан представляет собой уникальное явление на фоне этих, общемировых тенденций. Во-первых, большинство этих движений, за исключение Туниса и Египта, не смогли

достичь своих целей. Как отмечает венесуэльский публицист Мойсес Наим, «существует огромная диспропорция между колоссальной политической энергией этих демонстраций и их крайне незначительными практическими результатами»³. В Украине результат налицо — протестующие свергли авторитарный режим, добились смены политической власти в стране. Во-вторых, киевский Майдан оказался самым долговременным и, наверное, самым массовым из подобных движений: он три месяца успешно противостоял давлению и насилию со стороны представителей власти, привлекая в моменты наивысшего подъема от полумиллиона до миллиона человек. В-третьих, именно в Киеве люди продемонстрировали исключительное упорство и стойкость, массовую готовность идти до конца и даже умирать за свои цели, что, в конечном счете, и решило исход противостояния с режимом президента Виктора Януковича.

Почему это произошло? В чем заключается специфика украинской ситуации, позволившая привести украинскую революцию к победе, по крайней мере, на ее первом этапе, и свергнуть старый режим?

Ясно, что кризис постсоветской модели развития — сочетание электорального авторитаризма с фактической приватизацией государства правящими и господствующими группами, ничем не ограниченной коррупцией, деградацией государственных и общественных институтов и нарастающей полицейщиной в качестве средства воздействия власти на общество — принял в Украине наиболее острые формы. Вот как описывает этот процесс украинский исследователь Ярослав Пилинский: «После распада СССР государственные институты, созданные в советский период, стали постепенно деградировать. Началась тотальная коммерциализация всех и вся. Во времена президентства Кучмы, когда в стране начали появляться

первые олигархи, стало ясно, что буквально все в государстве продается — даже высшие государственные посты и должности в правоохранительных органах. По сути, украинское государство добровольно утратило — или скорее продало — монополию на насилие. Чиновники высшего эшелона делегировали или продали часть этого права в низшие инстанции — районные суды, райотделы милиции, районные прокуратуры, в налоговую, таможенную и т. д. После того как прокуратура, суды и милиция превратились в

конкурентного выяснения их сравнительного влияния в обществе. Поэтому президентские выборы в Украине стали средством смены, чередования различных политических и олигархических групп у власти, что ни разу не удалось сделать в России. Здесь преемственность власти с 1999-го обеспечивалась гораздо более грубым способом — назначением преемника действующим президентом, а согласование интересов правящих и господствующих групп — путем вертикального соподчинения и «выстраивания» элит.

“При всей слабости политической системы выборы в Украине выполняли свою функцию — механизма обезличенного, публичного согласования интересов внутри правящих групп”.

коммерческие структуры, а соответствующие должности стали источником обогащения, право перестало выполнять функцию обеспечения безопасности, свободы, собственности и жизни граждан, а поэтому перешло в свою противоположность. Теперь любой, у кого больше денег, получил возможность безнаказанно посягать на свободу, собственность или даже жизнь гражданина Украины»⁴.

Очевидно, что эта картина всеобщей продажности и бесправия не слишком отличается от российской как в 1990-е, так и в 2000-е годы. Важнейшее и принципиальное отличие от России состоит, однако, в плюрализме правящих и господствующих групп, который сохранялся в Украине на протяжении всего периода независимости. Исполнительной власти не удалось поставить под контроль украинские элиты как политические, так и экономические — ни при Кучме, ни при Ющенко, ни при Януковиче. При всей слабости политической системы выборы в Украине в целом выполняли свою важнейшую «шумперианскую» функцию — механизма обезличенного, публичного согласования интересов внутри правящих и господствующих групп и

Попытка президента Леонида Кучмы в 2004 году организовать передачу власти по российскому сценарию плебисцитарного одобрения назначенного преемника обернулась политическим кризисом и «оранжевой революцией». Майдан 2004-го был организован сторонниками Виктора Ющенко и Юлии Тимошенко; смена элит у власти, в целом, показалась участникам протеста достаточным результатом. Это, однако, не привело в 2005–2009 годах к сколько-нибудь существенным реформам, созданию эффективных государственных институтов, обеспечению правовой защиты для граждан и предпринимателей⁵. Напротив, ожесточенная борьба между двумя главными фигурами режима и бесконечные коррупционные скандалы фактически блокировали проведение политических и институциональных реформ. Отсутствие реформ власти пытались компенсировать символическими действиями — своей основной задачей Ющенко сделал укоренение исторической памяти о Голодоморе 1932–1933 годов⁶. Надежды тех, кто в 2004-м поддержал «оранжевую» коалицию, не сбылись; последствием стало разочарование и дезо-

ориентация сторонников демократических реформ в Украине — и победа, хотя и с минимальным перевесом, Виктора Януковича на президентских выборах 2010 года.

При Януковиче, как отмечают украинские исследователи, коррупция стала безудержной и тотальной. Покупка должностей и парламентских мандатов превратилась в обычную практику, обеспечивающую бенефициарам выгодные государственные контракты. Более того, президент и его семья в нарушение всех негласных межэлитных соглашений и правил начали ускоренно подминать под себя наиболее прибыльные сферы экономической деятельности, а также силовые структуры, налоговую службу, судебную систему. Старший сын президента за год стал одним из пяти богатейших людей Украины. В условиях экономической стагнации, низкого жизненного уровня и просто бедности, выталкивающей за границу десятки тысяч украинских мужчин и женщин в поисках заработка, зачастую очень тяжелого ⁷, столь неприкрытое обогащение клана Януковича за счет государственного бюджета неизбежно порождало яростное и все более отчаянное недовольство. Оно распространялось как среди предпринимателей, в особенности мелких и средних, так и обычных граждан. По меткому выражению Николая Вольнко, главы Независимого профсоюза горняков Донбасса, «на Майдан вышли налогоплательщики, которые не хотели, чтобы их дальше грабили» ⁸. Не случайно, предприниматели составляли одну из самых многочисленных профессиональных групп на Майдане — в начале февраля они составили 17 проц. от участников протестов (по результатам опроса, проведенного Фондом «Демократические инициативы им. Илька Кучерива» и Киевским международным институтом социологии) ⁹. В целом же доверие к власти, ее лицам и институтам было в начале 2014-го крайне низким: парламенту не доверяли 81 проц. населения, пра-

вительству — 75, милиции — 77, судам — 80, Януковичу — 66 процентов ¹⁰.

Роль катализатора, который превратил гражданское недовольство в активный политический протест, сыграло Соглашение об ассоциации Украины с Европейским союзом, точнее — маневры украинской власти вокруг его подписания, ожидавшегося 28–29 ноября 2013 года на саммите «Восточного партнерства» в Вильнюсе. Как отмечает Владимир Паниотто, директор Киевского международного института социологии, с сентября 2013-го неожиданно началась активная пропаганда Европейского союза, и лидеры правящей Партии регионов, «до этого всегда выступавшие оппонентами проевропейской оппозиции, вдруг стали активно поддерживать ее в вопросе интеграции Украины в Европу... После активной пропагандистской кампании подготовки к этому событию (принятия ряда необходимых законов в парламенте) общество поверило в реалистичность этого подписания» ¹¹. В результате доля сторонников присоединения Украины к ЕС составила в сентябре 2013 года 57 проц. а противников — 43 процента. К ноябрю 2013-го после того, как российские власти и подконтрольные им СМИ провели мощную кампанию экономического и политического давления на Украину с целью заставить ее отказаться от европейского выбора, доля выступающих «за» присоединение Украины к Евросоюзу снизилась до 54 проц., «против» — выросла до 46 процентов ¹². По мнению Паниотто, «в Украине около трети населения являются твердыми сторонниками ЕС, столько же убежденных сторонников союза с Россией, мнение же остальных ситуативно, и при высокой монополизации СМИ достаточно легко управляется властью» ¹³.

Очевидно важнейшее символическое значение «Европы» для самоопределения и объединения той части украинского общества, которая выступала против нарастаю-

шего авторитаризма и коррупции власти. Европейский выбор, сближение с ЕС, выглядел для этих людей как путь постепенного создания в Украине прозрачных политических и экономических институтов, которые были бы подконтрольны обществу, а не олигархическим кланам. Одновременно для жителей Центрального и в особенности Западного регионов Украины соглашение об ассоциации с ЕС и, в частности, облегчение визового режима для ее граждан открывало возможности и для улучшения их сегодняшнего экономического положения, поскольку именно Европа стала главным направлением трудовой миграции жителей этих регионов. Напротив, для населения промышленных регионов Юга и, особенно, Востока Украины свертывание экономических связей с Россией — угроза, звучавшая в заявлениях российских официальных лиц, означала неминуемое закрытие предприятий, безработицу и потерю средств к существованию и в без того бедных и дотационных областях. Дискуссия об ассоциации с ЕС вновь обострила традиционный для Украины раскол между Центром и Западом, с одной стороны, и Юго-Востоком — с другой. Одновременно все более явным становилось и то, что для Януковича и его команды торг с Россией и ЕС по поводу соглашения об ассоциации представлял дополнительные возможности для давления и на ту, и на другую сторону.

21 ноября 2013 года премьер-министр Украины Николай Азаров объявил, что Украина приостанавливает процесс подготовки к подписанию соглашения об ассоциации с ЕС. Это решение послужило спусковым механизмом для начала массового протестного движения, которое спустя три месяца привело к свержению режима Януковича. Это движение — киевский Евромайдан — прошло через несколько этапов, различающихся по характеру требований, социальному составу

участников и радикальности методов борьбы, что позволяет говорить о трех разных, хотя и взаимосвязанных типах протеста.

Первыми по призыву общественных организаций на площадь Независимости в Киеве вышли по преимуществу молодые люди, студенты, к которым затем присоединились несколько десятков тысяч сторонников евроинтеграции. Возник многолюдный Майдан-митинг, участники которого в конце ноября начали по примеру 2004-го устанавливать палатки. 30 ноября несколько сотен бойцов спецподразделения МВД «Беркут» силой разогнали митинг на Майдане, при этом они не только вытесняли митингующих студентов с площади, но и избивали их дубинками и ногами¹⁴. Расправа над студентами, видеозаписи которой были показаны телевизионными каналами и распространялись в интернете, вызвала массовое возмущение: уже на следующий день по призыву лидеров оппозиционных партий — Арсения Яценюка («Батькивщина»), Виталия Кличко («Удар»), Олега Тягнибока («Свобода») — в Киеве прошла огромная демонстрация. На Майдан вышло около 500 тыс. человек с требованиями прекратить репрессии, наказать виновных в избиениях и освободить арестованных. Во время этого митинга протестующие заняли здания Киевской городской администрации и Дома профсоюзов. Кроме того, группа молодых людей в масках (по одной версии, активистов «Свободы» и «Правого сектора», по другой — провокаторов «титишеск»), вооруженных палками, цепями и баллончиками с газом, напала на охрану администрации президента, что дало повод «Беркуту» вновь начать жестокое избиение невооруженных протестующих. Эти события вызвали дальнейшую радикализацию протестного движения: в следующее воскресенье, 8 декабря, на Майдан и прилегающие улицы вышло по разным оценкам от 700 тыс. до миллиона человек, потребовавших отстав-

ки правительства и президента. К середине декабря Майдан приобрел характер стационарного лагеря протестующих, который в случаях обострения ситуации превращался в многотысячное «вече».

Первоначально, гражданская мобилизация на Майдане носила в основном спонтанный характер. По данным социологического опроса, проведенного 7–8 декабря Фондом «Демократические инициативы имени Илька Кучерива» и Киевским международным институтом социологии, более 90 проц.

опросу, проведенному киевскими социологами 20 декабря, уже 15 проц. митингующих принадлежало к политическим партиям. Увеличилась и доля тех, кто принадлежал к общественным организациям (до 9 проц.) и движениям (до 6 проц.), в то время как доля тех, кто не относил себя к каким-либо объединениям, сократилась до 70 процентов¹⁶. Первого декабря был создан Штаб национального сопротивления, куда вошли представители трех оппозиционных партий, однако он так и не смог стать единым центром, коорди-

“Европейский выбор выглядел для этих людей как путь постепенного создания в Украине прозрачных политических и экономических институтов”.

не причисляли себя ни к каким партиям или объединениям¹⁵. Самоорганизация не только преобладала над руководством со стороны парламентских партий, но и была принципиальной позицией многих общественных ассоциаций, которые стремились обозначить свою независимость от лидеров и партий парламентской оппозиции. Изначальное недоверие значительной части протестующих к политикам было связано с очевидным нежеланием повторять опыт 2004-го, когда массовые выступления были использованы оппозицией для прихода к власти, но не привели к экономическим и политическим реформам. Вместе с тем ни в этот период, ни позже на Майдане не возникло новых, устойчивых структур общественной самоорганизации, подобных польской «Солидарности» или Партии трудящихся в Бразилии, которые смогли бы эффективно трансформировать антиавторитарный общественный протест в политический, хотя общественный запрос на такого рода структуры в Украине был очень сильным.

С начала декабря присутствие партийной оппозиции на Майдане усиливается: согласно

нирующим протестное движение в стране. Как отмечает председатель Украинского института национальной памяти, историк и колумнист Владимир Вятрович, «(Штаб) не мог отображать реальную структуру протеста, с самого начала выходявшего далеко за рамки оппозиционных партий. Впрочем, таким органом не стал и Совет всеукраинского объединения “Майдан”, хотя включал, кроме партийцев, и представителей общестственности»¹⁷. Иначе говоря, с первого месяца противостояния в Украине стало очевидным колоссальное несоответствие между уровнем протестной волны и способностью оппозиции как политической, так и гражданской создать эффективные структуры, которые могли бы послужить прообразом новой демократической власти¹⁸.

Беспартийный, спонтанный характер протеста в Украине был непосредственно связан с беспрецедентной широтой социального и географического представительства различных слоев населения страны на Майдане. По замечанию Антона Олейника, «впервые в постсоветском пространстве мы можем наблюдать пример низовой мобилизации столь вну-

шительных масштабов... На Майдан вышли не только представители “нового креативного класса” — главной надежды российских либералов. На Майдане 2013–2014 года они смешались с мелкими предпринимателями, интеллигенцией (учителями, инженерами), рабочими и селянами. Майдан действительно представлял собой социологический срез украинского общества, а не узкой прослойки городских “лишних людей”¹⁹. Большинство вышедших на Майдан имели высшее образование: таких было 63 проц. на Майдане-митинге и 49 проц. — на Майдане-лагере.

“Пока протестные действия сохраняли ненасильственный характер, протестующие наращивали моральное и политическое превосходство над противостоящими им силами”.

С точки зрения социально-профессионального состава на Майдане были представлены специалисты (40 проц. на Майдане-митинге и 22 проц. на Майдане-лагере), студенты (13 и 10), рабочие (7 и 14), предприниматели (9 и 12), пенсионеры (9 проц. и 11 проц. соответственно). Одновременно с превращением протеста из городского и интеллигентского в общенародный расширилось и социально-географическое представительство: доля киевлян, которые на Майдане-митинге составляли половину участников, снизилась до 19 проц. на Майдане-лагере. Соответственно, доля приезжих выросла с 50 до 81 процента. При этом 32 проц. последних приехали из областных центров, 23 — из больших городов (не менее 100 тыс. жителей), 23 — из небольших городов (менее 100 тыс. жителей), 22 проц. — из села; 42 проц. Майдана-лагеря представляли приезжие из Западной Украины, 34 — из Центральной и 23 проц. из Восточной и Южной²⁰. (Более подробные данные о социальном составе участников Майдана см в статье Владимира Фесенко в этом номере журнала на с. 26–35).

Несмотря на растущее присутствие на Майдане различных отрядов самообороны, как праворадикальных, так и гражданских²¹, до 19 января 2014-го протестные действия сохраняли по преимуществу ненасильственный характер, что позволяло протестующим наращивать моральное и политическое превосходство над противостоящими им властями и полицейскими силами. По мнению Владимира Вятровича, «наибольшим достижением протеста до 19 января стало то, что Майдан получил статус субъекта политического процесса. Субъекта, с которым вынуж-

дены считаться все: оппозиция, власть, даже далекий и часто равнодушный мир. Едва ли кто-то из них предполагал, что незначительное общественное возмущение в конце ноября может настолько изменить их повестку дня и планы на будущее. Теперь никто их трех игроков не может быть уверен, что удастся тихо «порешать» все проблемы и народ проглотит результаты закулисной деятельности. «Изменилась вся Украина, продемонстрировав образцы самоорганизации, жертвенности, солидарности. Эти изменения зацепили и людей, прошедших через Майдан.., и только наблюдавших, и даже его не поддерживавших. Все они поняли, что ни одна, даже самая масштабная и дорогая имитация активности, не может сравниться с деятельностью идейно мотивированных людей»²².

Окруженный баррикадами, то сжимающийся под напором «Беркута», то опять расширяющийся на прилегающие улицы, Майдан успешно противостоял попыткам режима не только разогнать его, но и противопоставить ему сколько-нибудь эффективное провластное движение («Антимайдан»

в Мариинском парке). Продемонстрированная протестующими массовая готовность сопротивляться полицейскому насилию и настаивать на своих требованиях к середине января похоронила надежды режима на то, что люди в конце концов устанут и ситуация разрешится сама собой. В этих условиях власти сделали шаг, оказавшийся в конечном счете роковым для судьбы режима: 16 января 2014 года Верховная рада приняла пакет законов, криминализирующих именно ненасильственные методы сопротивления власти²³. В спешке приняв эти законы — депутаты проголосовали за них простым поднятием рук и фактически без ознакомления, — власть попыталась запугать тех, кто на протяжении почти двух месяцев упорно сопротивлялся силовому давлению. Эта неуклюжая попытка вызвала среди протестующих взрыв возмущения, а наиболее активную их часть побудила перейти к насильственным действиям.

19 января 2014-го несколько сотен тысяч человек собрались в Киеве на народное вече. Представители оппозиции заявили, что власть намерена установить в Украине авторитарную диктатуру, и потребовали созыва Народной рады вместо скомпрометировавшей себя Верховной рады, отставки Януковича и досрочных выборов президента. После окончания митинга несколько сотен протестующих, вооруженных дубинками, камнями и коктейлями Молотова пошли на штурм охраны правительственного квартала, расположенного на улице Грушевского. В ходе все более ожесточенных столкновений полиция применяла водометы и светозумовые гранаты, а протестующие — камни и бутылки с зажигательной смесью. Появились десятки раненых с обеих сторон, а 22 января стало известно о трех оппозиционерах, погибших от огнестрельных ран. Кроме того, в лесу со следами избиений и пыток было обнаружено тело львовянина Юрия Вербицкого, похищенного милицией накануне

не из больницы вместе с выжившим Игорем Луценко. С этого времени похищения людей, в особенности раненых, из больниц становятся обычной практикой репрессивных структур²⁴. В это же время в Интернете появилась видеозапись, на которой милиция на морозе издевается над раздетым догола активистом Майдана. В такой ситуации радикализация Майдана стала практически неизбежной: столкновения на улице Грушевского и Институтской, захваты протестующими правительственных зданий продолжались до конца января, несмотря на начавшиеся переговоры Яценюка и Кличко с Януковичем и попытки лидеров оппозиции снизить накал противостояния.

К тому времени как на Грушевского началась, по сути дела, настоящая война, облик Майдана существенно изменился: ошетинившийся со всех сторон баррикадами, напрягшийся в постоянном ожидании нападения, Майдан-лагерь превратился в Майдан-сечь²⁵, по образу походного лагеря запорожских казаков. Иным стал внешний вид и во многом внутренний мир протестующих: «...Типичным представителем стал вооруженный палкой и щитом среднего возраста мужчина в шлеме (военном, велосипедном, мотоциклетном)... Появились люди, которых без каких-либо преувеличений можно назвать профессиональными революционерами — они перешли свою грань невозвращения и теперь понимают, что перед ними лишь две перспективы: победа или тюрьма. Именно они стали главным генератором решительности»²⁶. Соответственно изменился и социально-демографический состав активистов Майдана: по сравнению с Майданом-лагерем середины декабря, в начале февраля на Майдане-сечи несколько сократилась доля людей с высшим образованием — с 49 до 43 проц., хотя все равно этот процент был выше, чем в среднем по стране. Выросла доля специалистов с высшим и средним специаль-

ным образованием — с 22 проц. до 27 проц., существенно прибавилось предпринимателей (17 против 12 проц.), как и раньше были представлены рабочие (15 проц.), несколько меньше стало студентов (с 10 до 6 проц.) и пенсионеров (с 11 до 7 процентов). Особенно сильно изменился к началу февраля географический состав Майдана: доля киевлян упала с 19 до 12 проц., доля приезжих выросла с 81 до 88 процентов. Больше половины приезжих (55 проц.) составляли жители Западной Украины, из Центральной Украины приехали 24 проц., с Востока и Юга — 21 процент. При этом почти вдвое — с 23 до 42 проц. — выросла доля жителей небольших (до 100 тыс.) городов за счет выходцев из областных центров (их доля сократилась с 32 до 20 проц.) и крупных городов (с 23 до 17 процентов). Майдан стал, таким образом, более провинциальным, более «западным» и несколько более организованным — до 14 проц. увеличилась доля тех, кто принадлежал к общественным движениям. Однако 70 проц., как и ранее, не относили себя ни к каким партийным или общественным объединениям²⁷.

В это время формируется и организационная структура Майдана: аморфное гражданское сопротивление превратилось в военную самооборону. «Самооборона, по словам заместителя коменданта Майдана Андрея Левуса, — это скорее революционная армия, чем революционная милиция. Это необходимо, поскольку противодействовать этой системе власти можно только слаженно и организовано. Времена флэшмобов и танцев, которые были до разгона Евромайдана, уже прошли. А после событий на улице Грушевского совершенно очевидно, что дисциплина и координация являются высшими требованиями, которые к нам предъявляет нынешняя ситуация»²⁸. С конца января 2014 года на Майдане действовало 10–12 тыс. бойцов, объединенных в сотни по идеологическому, географическому и даже этническому

принципу. При этом сотни сохраняли свой самоуправляющийся характер. По словам Левуса, «никто за время существования Самообороны не назначил ни одного сотника — люди сами организовывались, приходили и говорили: вот наш старший, и мы хотим быть с вами»²⁹.

Наибольшую и по преимуществу отрицательную известность из 40 сотен, действовавших на Майдане, получила 23-я сотня «Правого сектора» — объединения до этого мало кому известных радикальных националистических организаций. Хорошо экипированные бойцы «Правого сектора» оказывались (или объявляли себя) инициаторами и участниками большинства силовых акций, в том числе и переломивших ход событий на Майдане в январе–феврале 2014 года. Лидер «Правого сектора» Дмитрий Ярош, охотно дававший интервью, в том числе и российской прессе, не оставлял сомнений в том, что главной целью возглавляемой им организации было «государство украинской нации, где будут соблюдены права и свободы каждого гражданина». При этом речь шла отнюдь не о политической нации, о которой говорили лидеры парламентской оппозиции и гражданских движений. «Коренная нация, украинцы — хозяева, поскольку другой страны у нас нет, как нет у немцев или французов. Но мы выступаем не с позиции ксенофобии, а за обеспечение условий национальным меньшинствам, правда, только тем, что уважают нашу землю»³⁰. Позиция радикальных националистов открыто и полностью противоречила тем европейским ценностям, которые протестующие отстаивали на Евромайдане. «Подписывать Ассоциацию с ЕС надо, это открывает определенные возможности и отдаляет от России. Но мы категорически против полноправного членства в Евросоюзе. Бюрократический брюссельский монстр слишком много негатива навязывает народам! Антихристианскую политику, нивелирование

национальной идентичности, разрушение традиционной семьи и так далее»³¹.

Несмотря на то, что «Правый сектор» представлял собой лишь одну из 40 сотен, действовавших на Майдане, именно он, во многом благодаря усилиям официальной российской пропаганды, был превращен в символ или, точнее, в жупел «фашистско-бандеровской» угрозы, идущей с Майдана. Между тем многие украинские наблюдатели и исследователи обращают внимание на темное происхождение «Правого сектора»,

новыми прозрачными общественными и политическими институтами, за которые первоначально выступил Евромайдан. Элементы, зачатки таких институтов могли возникнуть только в процессе борьбы с авторитарным режимом, в ходе сопутствующего ей процесса гражданской самоорганизации. Она приняла, как видим, совсем другие, гораздо более традиционные формы. Это обстоятельство усиливалось, как мне кажется, еще и тем влиянием, которое представители старых, хотя и оппозиционных режиму

“Позиция радикальных националистов открыто и полностью противоречила тем европейским ценностям, которые протестующие отстаивали на Евромайдане”.

на открыто провокационный характер его действий, на непонятные источники весьма щедрого финансирования, получаемого им³². По мнению многих в Украине, реальная роль «Правого сектора» в противостоянии режиму Януковича очень сильно — и злонамеренно — преувеличена с тем, чтобы исказить подлинно демократическое содержание украинской революции³³. Вместе с тем верно и другое — символика Украинской повстанческой армии и в особенности лозунг «Слава Украине! Героям Слава!», до этого использовавшийся только радикально-националистическими организациями, перестал восприниматься в качестве такового и превратился в лозунг всего Майдана.

Таким образом, силы самообороны и стали той формой военно-политической организации, которую породила радикализация Майдана. Элементы гражданской самоорганизации — кухня, сцена, медпункты — имели второстепенный, вспомогательный характер. Понимая естественность и практическую неизбежность этого процесса, следует признать, однако, что возникшие военизированные структуры имели мало общего с теми

Януковича, сил оказывали в ключевых точках и ситуациях. Это касалось некоторых профессиональных политиков и депутатов Верховной рады, входивших в комендатуру Штаба национального сопротивления, которые после свержения режима заняли ключевые должности в государственном аппарате. Наиболее заметными фигурами этого ряда стали Андрей Парубий, комендант Майдана и руководитель сил Самообороны, депутат Верховной Рады сначала от блока «Наша Украина», затем, после 2012 года — от партии «Батькивщина», нынешний секретарь Совета национальной безопасности и обороны Украины; и Александр Турчинов, начальник Штаба национального сопротивления и координатор массовых выступлений на Майдане в декабре 2013-го, бывший председатель Службы безопасности Украины и вице-премьер в правительстве Тимошенко, исполнявший после свержения Януковича обязанности Президента Украины.

Это реальное влияние некоторых оппозиционных политиков парадоксальным образом противоречило тому почти всеобщему отторжению лидеров политической оппози-

ции, с которым они все больше сталкивались на Майдане. Переговоры Яценюка и Кличко с Януковичем в самый острый период противостояния на улице Грушевского в 20-х числах января дискредитировали лидеров оппозиции в глазах протестующих; достигнутая ими договоренность об освобождении арестованных при условии разблокирования правительственного квартала и улицы Грушевского была отвергнута на народном вече. Большинство собравшихся на Майдане (63 проц.) по опросам начала февраля выступили против любых переговоров с властью;

уступки в ходе переговоров, несмотря на то что лидеры оппозиции отказались войти в правительство и тем самым разделить с режимом ответственность. 28 января, в соответствии с достигнутой на переговорах договоренностью, Верховная рада проголосовала за отмену 9 из 11 «диктаторских законов». Одновременно ушел в отставку глава кабинета министров Николай Азаров, один из наиболее жестких деятелей режима, несший символическую ответственность за отказ от подписания соглашения об ассоциации с ЕС. 29 января Верховная рада приняла закон об

“Влияние Майдана и в особенности его военизированной составляющей становится решающим в ключевой фазе развития кризиса — в феврале 2014 года”.

68 проц. считали, что единственное требование, которое могло удовлетворить Майдан, заключалось в отставке Януковича и проведении досрочных президентских выборов³⁴. 25 января Янукович предложил Яценюку возглавить правительство, а Кличко стать вице-премьером по гуманитарным вопросам. Принятие такого предложения означало бы полный разрыв с Майданом, где 62 проц. протестующих считали, что «пока Президентом является Виктор Янукович, соглашаться на какое-то участие в правительстве нельзя», а 22 проц. полагали, что «можно соглашаться лишь тогда, когда будет возвращение к нормам Конституции 2004 года, с ограничением полномочий Президента и усилением роли премьер-министра и правительства»³⁵.

Иначе говоря, лидеры политической оппозиции вызывали на Майдане нарастающее раздражение и недоверие именно в тот период, когда политический кризис в стране вступил в открытую фазу. Потеряв поддержку влиятельных олигархических групп, в том числе внутри собственной Партии регионов, Янукович был вынужден идти на серьезные

амнистии участников протестных действий, который должен был вступить в действие при условии освобождения протестующими захваченных административных зданий. Все это не было расценено собравшимися на Майдане даже как частичная победа: их могла устроить только отставка Януковича и досрочные президентские выборы. К концу января стало очевидно, что протестующие готовы стоять до конца, что попытки разогнать Майдан силой натолкнутся на сопротивление и приведут к серьезному кровопролитию.

Таким образом, влияние Майдана и в особенности его военизированной составляющей становится решающим в ключевой фазе развития кризиса — в феврале 2014 года. Майдан подпирал снизу и подталкивал к более радикальным действиям парламентскую оппозицию, которой противостоит все более слабый и теряющий поддержку традиционных союзников режим. В начале февраля Кличко и Яценюк предложили Верховной раде проголосовать за возвращение к конституции 2004-го, предусматривавшей парламентско-президентскую форму правления

в Украине. При этом условии Яценюк соглашался возглавить кабинет министров, который был бы сформирован исключительно из представителей оппозиции. 18 февраля оппозиция намеревалась добиться от Верховной рады регистрации своего законопроекта о восстановлении конституции 2004 года. Это требование было поддержано мирным маршем нескольких тысяч протестующих к зданию парламента. Столкнувшись с перегороженными грузовиками проходами, отряды самообороны начали забрасывать полицию камнями и бутылками с зажигательной смесью, на что милиция ответила светошумовыми гранатами и слезоточивым газом.

С этого момента противостояние приобретает необратимый характер. Воспользовавшись новым обострением, режим предпринимает самую серьезную попытку вытеснить протестующих с занимаемых ими позиций. В ночь с 18 на 19 февраля, когда служба безопасности Украины объявила о начале антитеррористической операции, пространство Майдана сократилось до минимальных размеров, его обороняло всего несколько сотен человек, укрывавшихся за баррикадами из горящих автомобильных покрышек. Выстояв в ужасающих условиях — в это день погибло 25 человек, в том числе и несколько сотрудников милиции, — протестующие перешли 20 февраля в решающее наступление. Отряды милиции и внутренние войска были вытеснены с Майдана и прилегающих к нему улиц — Крещатика, Институтской, Грушевского и площади Европы. В этих столкновениях с обеих сторон применялось огнестрельное оружие, почти 70 человек было убито и несколько сотен ранено. Особенно тяжелые потери нанесли снайперы, которые вели огонь на поражение как по протестующим, так и по милицеским отрядам³⁶.

Кровопролитие такого масштаба в еще недавно мирной стране произвело на всех шокирующее впечатление, в особенности то обстоятельство, что под снайперский огонь

попали и медики, пытавшиеся оказывать помощь пострадавшим. К середине дня в отрядах милиции и внутренних войск началась паника, они оставляли занятые позиции и даже стали сдаваться под гарантии протестующих. Вечером Верховная рада приняла постановление, запрещающее применение любых видов оружия и специальных средств против граждан и прекращающее проведение антитеррористической операции. В этих условиях, когда победа, и военная, и в особенности моральная была уже одержана восставшим народом, на следующий день 21 февраля состоялось подписание соглашения между Януковичем и лидерами оппозиции при посредничестве Евросоюза и России «Об урегулировании политического кризиса в Украине»³⁷. Соглашение предусматривало возвращение Украины к конституции 2004 года, формирование правительства «народного доверия», проведение до конца 2014-го досрочных президентских выборов, а также вывод внутренних войск и спецподразделений милиции из центра Киева и разоружение оппозиции.

Кличко, который сообщил об условиях соглашения десяткам тысяч людей, собравшихся вечером на Майдане, был освистан. Ему не дали говорить разгневанные протестующие, они кричали и указывали на гробы с телами погибших, поднесенными к самой сцене. Кульминацией вече стало внезапное появление на сцене неизвестного сотника, который при всеобщей поддержке потребовал немедленной отставки Януковича, пригрозив, что в противном случае в 10 часов утра следующего дня начнется штурм³⁸. Эта реакция Майдана, перехлестнувшая готовность оппозиции к компромиссу, стала решающей для дальнейшего развития событий. В ночь на 22 февраля Янукович бежал из Киева, а протестующие беспрепятственно взяли под свой контроль здания Верховной рады, кабинета министров, администрации президента и других правительственных

учреждений в Киеве. Режим пал, народная революция совершилась³⁹.

В какой мере ее результаты за прошедшие с тех пор два с лишним месяца совпадают с теми целями, которые с невиданным упорством и иногда ценою собственной и чужой жизни десятки и сотни тысяч людей отстаивали на Майдане? Этот вопрос может показаться праздным или неуместным в нынешней ситуации (середины мая 2014-го), когда Украина стала жертвой неприкрытой внешней агрессии со стороны России, которая оккупировала и аннексировала Крым и проводит целенаправленную политику дестабилизации на Востоке и Юге Украины, когда под угрозой оказалось само существование Украины как государства. Многие в Украине и не только в Украине полагают, что в чрезвычайной ситуации первоначальные цели Майдана — создание прозрачных государственных институтов, подконтрольных обществу — должны быть отложены до лучших времен. Главная цель сейчас это срочное воссоздание и укрепление государства любой ценой. «Мы очень ценим свободу слова, — говорит участник Майдана, украинский художник Борис Егизарян. — Мы очень ценим свободу личности... Но если мы потеряем наше государство и станем губернией России, у нас не будет ни свободы слова, ни свободы личности. Поэтому сегодня государство Украина должно быть для нас высшей ценностью»⁴⁰.

Трудно не признать эту логику убедительной. Однако история всех революций предельно однозначно свидетельствует о том, что «лучшие времена» для осуществления демократических реформ, как правило, так и не наступают. Окно возможностей после свержения старого режима открывается на очень короткий период и, не будучи использованными, эти возможности уже не реализуются. Между тем сила инерции, воспроизводящая старые институты и структуры

власти, традиционный тип ее взаимоотношений с обществом, — колоссальны. Майдан с предельной жесткостью поставил проблемы, общие для большинства протестных движений в современном мире. Как устранить разрыв между обществом и политической системой? Как соединить народное движение, народную революцию с политикой? Как избежать того, чтобы старые олигархические политические машины использовали общественный протест в своекорыстных целях? Поэтому представляется важным — и не только с теоретической точки зрения — попытаться понять, в какой мере сохраняется потенциал демократической трансформации институтов власти в Украине и каковы те факторы, которые работают против такой реформы.

Новое правительство Украины было представлено на народном вече, собравшемся на Майдане, 26 февраля и на следующий день утверждено Верховной радой. На ключевые посты — премьер-министра (Арсений Яценюк), первого вице-преьера, курирующего силовой блок (Виталий Ярема), министра внутренних дел (Арсен Аваков), министра юстиции (Павел Петренко) — были назначены представители партии «Батькивщина», а также беспартийные профессионалы. Менее важные посты получили представители Всеукраинского объединения «Свобода». Партия Виталия Кличко «Украинский демократический альянс за реформы» (УДАР) отказалась участвовать в формировании правительства. Несколько постов было предложено гражданским активистам Майдана: пост вице-преьера по гуманитарным вопросам (от которого она отказалась) Ольге Богомолец, врачу, координировавшему медицинскую помощь на Майдане, Татьяна Черновол стала уполномоченным по вопросам антикоррупционной политики, Егор Соболев — главой люстрационного комитета, лидер Автомайдана

Дмитрий Булатов — министром спорта и молодежи, Евгений Нишук — министром культуры. Само по себе утверждение правительства Майданом было призвано подчеркнуть решающую роль народного движения в смене власти. Однако очевидно, что это носило чисто символический характер: «вече» по своей природе не может определять распределение власти. Таким образом проявилось отсутствие гражданских структур представительства протестующих, которые, как уже отмечалось, так и не сложились за

принесла с собой очень серьезную проблему для новой власти. Исчезновение милиции с улиц украинских городов породило в конце февраля — начале марта волну насилия, самосуда и грабежей, совершавшихся «от имени и по поручению» революции, самообороны Майдана, «Правого сектора», национальной гвардии и т. д.⁴¹ Деморализованная падением режима Януковича милиция не могла с этим справиться; правоохранительные структуры оказались на стороне «проигравших», от них потребовалось в одночасье сменить лояль-

“История всех революций свидетельствует: «лучшие времена» для осуществления демократических реформ, как правило, так и не наступают”.

три месяца противостояния на Майдане. Парадоксальным образом слабая и маловлиятельная политическая оппозиция режиму Януковича оказалась способной легитимировать свою власть с помощью авторитета не контролируемого ею Майдана. Вчера еще всемогущий Майдан, сыгравший решающую роль в свержении авторитарного режима, в ключевой момент революции оказался бессильным — новая власть была установлена без его участия.

Напротив, руководители военизированной самообороны Майдана вошли в силовые структуры и даже возглавили их. Комендант Майдана Андрей Парубий занял пост секретаря Совета национальной безопасности и обороны Украины, его заместитель Андрей Левус стал заместителем председателя Службы безопасности Украины. Правда, лидер «Правого сектора» Ярош, претендовавший на пост вице-премьера по силовому блоку, никаких постов не получил. Структуры военной самообороны по определению не представляли собой политической альтернативы, они были созданы не для этого. Вместе с тем военная победа

ность в пользу тех сил, в которых они еще вчера видели своих противников.

Новое правительство Украины стремится интегрировать силы самообороны в вооруженные силы и вновь создаваемую Национальную гвардию. В начале мая Парубий отдал приказ о расформировании сотен самообороны, на их основе создаются специальные батальоны территориальной обороны. Это, скорее всего, позволит установить окончательный контроль над военной самоорганизацией народа, но не решает пока что проблему военной слабости новой власти, которая представляется одним из важнейших препятствий на пути ее демократической трансформации. В условиях внешней агрессии, выразившейся в захвате Россией Крыма, нарастающей дестабилизации и военного противостояния с пророссийскими вооруженными отрядами в Донецкой и Луганской областях, необходимо срочное формирование боеспособных частей армии, МВД, эффективных структур безопасности. Ничем из этого правительство Украины не располагает. Напротив, правоохранительные структуры коррумпированы, по-прежнему

остаются под контролем людей и олигархических кланов, связанных с режимом Януковича; в Киеве распространено мнение, что многие сотрудники украинских структур безопасности связаны с российскими спецслужбами. На Востоке Украины милиция и внутренние войска зачастую разделяют настроения тех, кто требует отделения от Украины, что не может не порождать хаоса, потери боеспособности и эффективности. Украинская армия, пограничники, на которых приходится основной удар проникаю-

ции стал один из крупнейших украинских предпринимателей Игорь Коломойский, его младший партнер Игорь Палица возглавил администрацию Одесской области, Сергей Тарута, контролирующий металлургическое производство в Донецкой области, назначен ее главой. Сиюминутная целесообразность таких управленческих решений в чрезвычайной ситуации понятна (по словам Михаила Жванецкого, «кто что имеет, тот то и охраняет»). Но они нисколько не способствуют становлению подотчетных обществу полити-

“Проведение досрочных парламентских выборов в условиях войны представляется еще более трудным, чем проведение выборов президентских”.

щих со стороны России вооруженных групп, в большинстве своем не готовы воевать и часто оставляют свои части, позволяя сепаратистам захватывать технику и вооружения⁴². Кроме того, на востоке военные сталкиваются с поистине экзистенциальной дилеммой: для того, чтобы победить, они должны стрелять в граждан собственной страны, как вооруженных, так и безоружных. Российские комментаторы, привычно издевающиеся над боевыми качествами украинской армии и МВД, перешагнули эту грань во время чеченских войн и не способны понять тех, кто за двадцать с лишним лет после распада СССР привык решать конфликты мирно.

Украинское государство слабое не только в военном отношении. Его административные структуры коррумпированы и подчинены частным интересам тех сил и кланов, которые экономически контролируют соответствующие регионы. Более того, тенденция к сращиванию власти и собственности, к полному слиянию экономического и политического контроля явно усилилась после свержения старого режима. Так, председателем Днепропетровской областной администра-

ческих институтов и, без сомнения, ведут в противоположном направлении.

Эта же проблема воспроизводится и на национальном политическом уровне: победитель президентских выборов 25 мая, предприниматель Петр Порошенко, является одним из богатейших людей Украины⁴³. На президентских выборах негласно противостояли друг другу два олигархических блока: Порошенко, согласно просочившимся в СМИ сведениям, поддерживали задержанный в Австрии олигарх, совладелец «Росукрэнерго», Дмитрий Фирташ и его бизнес-партнер, бывший глава администрации президента Януковича, Сергей Левочкин. На стороне проигравшей выборы Юлии Тимошенко был богатейший олигарх Украины, хозяин Донецкой области и бывший союзник Януковича, Ринат Ахметов. Как с горечью констатирует главный редактор газеты «Зеркало недели», «сейчас страна может уцелеть только в результате союза олигархов. Обновления политической системы, на которое все так надеялись, не произошло»⁴⁴.

Было бы неверно, однако, объяснять столь убедительную победу Порошенко только

союзом олигархов. За ней в равной мере крылись как надежды на обновление со стороны тех, кто стоял на Майдане или активно его поддерживал, так и стремление большинства граждан страны к восстановлению нормальной жизни. Порошенко стал наиболее приемлемой кандидатурой для самых разных слоев населения Украины. Он имеет большой опыт работы на государственных постах — занимал ведущие должности секретаря Совета национальной безопасности и обороны, председателя совета Национального банка и министра иностранных дел в администрации Ющенко. Порошенко поддерживал и спонсировал Майдан, он сыграл важную роль в предотвращении провокаций во время событий 1 декабря у администрации президента, он пользуется поддержкой на востоке Украины⁴⁵. В отличие от двух своих предшественников избранный президент представляет Центр Украины, а не ее Запад или Восток. Очень важно, что бизнес, принесший состояние Порошенко (производство конфет и кондитерских изделий), не связан с наиболее монополизированными и коррумпированными сферами олигархического контроля в Украине — металлургией, машиностроением или торговлей газом. Несомненно, что в чрезвычайных условиях он представляется оптимальной фигурой для поиска национального консенсуса и компромисса.

Юлия Тимошенко, главный конкурент Порошенко на этих выборах, потерпела самое сокрушительное за свою политическую карьеру поражение, набрав меньше 13 проц. голосов. Она потеряла поддержку во всех регионах Украины и в особенности в Киеве, где за нее проголосовали всего 4 проц. избирателей. Этот результат резко снижает вероятность того, что Тимошенко как лидер крупнейшей парламентской партии «Батькивщина» может претендовать на пост премьер-министра Украины. Такое развитие событий могло бы вновь вернуть страну к

ситуации 2005—2009 годов, когда противостояние премьер-министра Тимошенко и президента Ющенко сделало политическую ситуацию в стране патовой и не позволило провести необходимые реформы, которых требовал Майдан образца 2004-го. Очевидно, что важнейшей политической проблемой в этой ситуации становятся досрочные выборы в Верховную раду. Во время избирательной кампании оба ведущих кандидата призывали к их проведению уже в этом году. По мнению украинских аналитиков, бесспорных конституционных оснований для проведения досрочных парламентских выборов сейчас нет⁴⁶. Однако очевидно и то, что нынешний состав парламента несет ответственность за события зимы—весны 2014-го в Киеве и не отражает сложившуюся в стране расстановку сил⁴⁷. Для Порошенко досрочные парламентские выборы — это возможность создать собственную парламентскую фракцию, которой он сейчас не располагает; для Тимошенко — оставшийся шанс на возвращение в большую политику, может быть, в качестве спикера Верховной рады, если «Батькивщина» получит большинство.

Проведение досрочных парламентских выборов в условиях фактической войны представляется еще более трудным, чем проведение выборов президентских. В Донецкой и Луганской областях проживает 15 проц. населения страны, их неучастие в парламентских выборах означало бы не только отсутствие их представительства в Верховной Раде, но и дальнейшую утрату контроля над этими областями со стороны центральной власти. Поэтому военная победа над сепаратистами становится условием проведения тех реформ политической системы, за которые выступал Майдан и о которых говорил Порошенко в ночь победы на выборах. При этом очевидно, что, вопреки заявлению Порошенко, покончить с конфликтом на Востоке в течение нескольких часов, а не

месяцев, не удастся. Несмотря на то что конфликт подогревается Россией, способствующей проникновению вооруженных групп российских граждан на территорию Донецкой и Луганской областей, несмотря на то, что только 30 проц. населения этих областей поддерживали в апреле их отделение от Украины⁴⁸, это противостояние, несомненно, имеет характер гражданской войны, которая, единожды начавшись, приобретает собственную логику⁴⁹.

Сильное государство, необходимое сейчас Украине, чтобы выстоять, — это, прежде всего, государство, пользующееся доверием населения. Реформы — единственный, хотя и небезопасный, путь для завоевания этого доверия. Можно ли проводить их в условиях войны, когда, как говорит министр внутренних дел Украины Аваков, «ситуация становится черно-белой. Оттенки уходят в сторону. Другого не дано — иначе страна превратится в пылающую буферную зону, где смерть станет нормой, а жить придется на руинах экономики и гражданских прав»⁵⁰. Кто может провести эти реформы, используя открывшееся окно возможностей? Как создать действующие демократические институты в бедной, отсталой стране, раздираемой разжигаемым извне конфликтом? Как пройти между олигархией и охлократией? Все эти и многие другие вопросы остаются открытыми.

Совершенно очевидно, что препятствий на пути демократической трансформации институтов власти в Украине гораздо больше, чем факторов, к ней подталкивающих. Однако среди последних остается мощнейший — это сила гражданского общества в Украине и громадный потенциал того движения, которое вывело людей на Майдан и привело его к победе. О том, что этот потенциал сохраняется, говорит, в частности, деятельность активистов «Общественного сектора», добивающихся того, чтобы уже в действующем парламенте были поставлены

на рассмотрение законопроекты, направленные на борьбу с коррупцией, децентрализацию, административную реформу, реформу судебной системы и органов правопорядка. В активе этого движения несколько важных законов, принятых Верховной радой после смены власти, — закон о госзакупках, обязывающий предприятия обнародовать соответствующую информацию; закон, гарантирующий доступ к публичной информации; закон о люстрации судей, позволяющий обновить высшие юридические инстанции. С другой стороны, законопроект, который открывает доступ к реестру недвижимого имущества и тем самым делает подотчетными обществу тех, кто идет во власть, был провален в парламенте. При этом гражданские активисты, которые этим занимаются, отчетливо понимают, что «реформы — это инструмент объединения страны. Потому что у нас, как на востоке, так и на западе — одни и те же проблемы: коррупция в ЖЭКах, городских больницах, детских садах, проблема милиции, которая бьет, проблема суда, который требует взятки»⁵¹. Одновременно руководство Украины — и.о. президента Турчинов и премьер-министр Яценюк объявили о проведении общеукраинских круглых столов, призванных сформировать общенациональный консенсус по главным проблемам — децентрализации власти, реформе местного самоуправления, обеспечения баланса между ветвями власти, обеспечения расширенных гарантий защиты прав национальных меньшинств, реформе правоотношений между государством и обществом, включая реформирование судебной и правоохранительной системы. Выработанные с привлечением самого широкого круга участников предложения должны быть затем внесены в Верховную раду для принятия изменений в Конституции и законодательстве Украины⁵².

До сих пор Украина плохо использовала возможности, которые открылись перед ней

и после получения независимости в 1991-м, и после «оранжевой революции» в 2004-м⁵³. Быть может, на этот раз изменение власти и общества и взаимоотношений между ними не останутся «великой иллюзией» украинской

революции; а российская власть, главный душитель и разрушитель ее демократического потенциала, поймет, в конце концов, что в Украине ей противостоит сильнейший духом противник. ■

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ В конце января 2014 года примерно половина жителей Украины поддерживала Майдан, столько же воспринимала его отрицательно. Если на северо-западе страны Майдан поддерживали 70 проц. опрошенных и 25 проц. выступали против, то на юго-востоке наоборот – 21 проц. и 73 проц. соответственно. См.: *Паниотто В.* Майдан: Взгляд с Юго-Востока (<http://www.capital.ua/ru/publication/13648-maydan-vzglyad-s-yugo-vostoka>).

² *Мостовая Ю.* (главный редактор газеты «Зеркало недели»). Выступление в Московском Центре Карнеги. 17.02.2014.

³ *Naim M.* Muchas protestas, pocos cambios // El país. 29.03.2014.

⁴ *Пилинский Я.* Майдан не рассосется // <http://grani.ru/blogs/free/entries/224451.html>

⁵ Хотя, как отмечает Ярослав Пилинский, «давление на предпринимателей несколько уменьшилось, а «цена вопроса» перестала быть ценой жизни» (Там же).

⁶ Подробно см.: *Касьянов Г.* Голодомор и строительство нации // Pro et Contra. №3-4 (46), май–авг. 2009. С. 24–42.

⁷ Украина – одна из самых бедных стран Европы. ВВП на душу населения по паритету покупательной способности в Украине в 2012-м составлял 7 180 долларов. В самых бедных странах ЕС этот показатель более чем в два раза превышал украинский уровень и составлял 17 650 дол. в Румынии и 15 450 дол. в Болгарии. Украина отставала по уровню душевого ВВП даже от Сербии (11 430 дол.) и Боснии и Герцеговины (9 650 дол.), обгоняя только Молдову (3 630 дол.) Для сравнения – в Российской Федерации ВВП на душу населения по паритету покупательной способности составлял 22 800 долларов (См.: World Development Indicators. 2014. World Bank // <http://wdi.worldbank.org/table/1.1>).

⁸ http://echo.msk.ru/azar_i/1304646-echo/

⁹ Майдан-декабрь и Майдан-февраль: Что изменилось? Киевский международный институт социоло-

логии. 6.02.2014 (<http://www.kiis.com.ua/?lang=rus&cat=reports&id=226&page=1&y=2014&m=2>).

¹⁰ При этом уровень недоверия Януковичу существенно различался в четырех регионах Украины: ему не доверяли 86 проц. на западе, 79 проц. в центре, 57 проц. на юге и 42 проц. на востоке страны. Восток был единственным регионом, где доля доверяющих Януковичу (56 проц.), превышала долю не доверяющих. См.: *Паниотто В.* Власть и сейчас имеет возможность прекратить наступление и продолжить переговоры: Интервью // Экономические известия. 20.02.2014 (<http://politika.eizvestia.com/full/835-vladimir-paniotto-vlast-i-sejchas-imeet-vozmozhnost-prekratit-nastuplenie-i-prodolzhit-peregovory>).

¹¹ *Паниотто В.* Украина: Евромайдан // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. № 3-4 (116), июль–дек. 2013. С. 17.

¹² При этом в Западном и Центральном регионах сторонников вступления в ЕС в ноябре 2013 года было значительно больше, чем сторонников вступления в Таможенный союз (86 проц. против 14 проц. и 61 проц. против 39 процентов). В Южном и Восточном регионах сторонников вступления в Таможенный союз было значительно больше, чем сторонников вступления в ЕС – 64 проц. против 36 проц. и 81 проц. против 19 процентов (Там же. С. 21).

¹³ Объединиться с Россией в одно государство хотело бы лишь 9 проц. населения (Там же. С. 21).

¹⁴ Как сказал на Конгрессе «Украина – Россия: диалог» один из участников этих событий: «Нас не просто били, нас убивали». Десять человек из них до сих пор числятся пропавшими без вести.

¹⁵ Киевский международный институт социологии. Майдан-декабрь и Майдан-февраль: Что изменилось? (<http://www.kiis.com.ua/?lang=rus&cat=reports&id=226&page=2>).

¹⁶ Там же.

¹⁷ *Вятрович В.* Длинная дорога к свободе // Зеркало недели. № 5. 14–21 февр. 2014 (http://gazeta.zn.ua/internal/dlinnaya-doroga-k-svobode_.html).

¹⁸ «Мы видим в Украине подтверждение... глобальной тенденции, которая заключается в том, что общественный протест опережает консолидацию оппозиции. Более того, общественный взрыв застает оппозицию врасплох, как это произошло в самых разных странах — от Турции до Бразилии, от Болгарии до Таиланда» // *Шевцова Л.* Украина: Драма продолжается (<http://ej.ru/?a=note&id=24432>).

¹⁹ *Олейник А.* Киевская «сечь» сменила власть, сможет ли сменить модель управления? // *Ведомости.* 24.02.2014.

²⁰ См.: Киевский международный институт социологии. Майдан-декабрь и Майдан-февраль: Что изменилось? (<http://www.kiis.com.ua/?lang=rus&cat=reports&id=226&page=2>).

²¹ К первым относились отряды Партии «Свобода», «Правого сектора», «Общего дела» («Спільна справа»), ко вторым — Общественный сектор Майдана, «Відсіч» («Отпор»), объединявшие сторонников ненасильственного сопротивления.

²² *Вятрович В.* Указ. соч.

²³ Полицейские законы 16 января включали введение уголовной ответственности за изготовление, хранение и распространение «экстремистских» материалов, возвращение уголовной ответственности за «клевету», которое фактически означало запрет на любую информацию о деятельности силовых структур в СМИ; упрощение процедуры снятия парламентской неприкосновенности как способ борьбы с оппозиционными депутатами; принудительную регистрацию в качестве «иностранных агентов» для общественных организаций, получающих финансирование из-за рубежа; ужесточение правил проведения массовых акций, запрещающих, в частности, ношение масок и касок и вводящих уголовную ответственность за массовые нарушения общественного порядка; ужесточение ответственности за призыв к «свержению строя». См.: *Рахманин С.* У страха права велики // *Зеркало недели.* № 1. 17.01.2014 (http://gazeta.zn.ua/internal/u-straha-prava-veliki_.html).

²⁴ На конец апреля 2014 года ничего не было известно о судьбе 120 человек, исчезнувших в Киеве с декабря 2013-го по февраль 2014-го.

²⁵ Киевский международный институт социологии. Майдан-декабрь и Майдан-февраль: Что изменилось? (<http://www.kiis.com.ua/?lang=rus&cat=reports&id=226&page=2>).

²⁶ *Вятрович В.* Указ. соч.

²⁷ Киевский международный институт социологии. Майдан-декабрь и Майдан-февраль: Что изменилось? (<http://www.kiis.com.ua/?lang=rus&cat=reports&id=226&page=2>).

²⁸ *Левус А.* Мы чувствуем себя Украинской повстанческой армией XXI века. 12.04.14 (<http://4vlada.net/partii-lidery/my-chuvstvuem-sebya-ukrainskoi-povstancheskoi-armiei-khkh-veka-komandir-samooborony-ma>).

²⁹ Там же. Об этом же говорил автору на Конгрессе «Украина — Россия: Диалог» командир еврейской сотни Майдана Натан Хазин. По его словам, даже во время самых жестоких боев на Майдане не существовало централизованного командования сотнями: каждый командир сам знал, что ему делать.

³⁰ *Мусафирова О.* Украина сейчас напоминает ничейную страну // *Новая газета.* 19.02.2014.

³¹ Там же.

³² См., например: *Зисельс И.* Евреи и Евромайдан (<http://east-blog.de/allgemein-ru/2014/03>).

³³ По свидетельству одного из участников, «Майдан состоял четко из двух частей — одни люди вышли за национальную идею «Украина по над все», а другие за общечеловеческие ценности против диктатуры с лозунгом «Права людини по над все». Мы ходили четко двумя колоннами — кто кого перекричит, либералы или националисты» (*Азар И.* Карательная операция или провокация третьей стороны? // http://echo.msk.ru/blog/azar_i/1314634-echo/).

³⁴ Киевский международный институт социологии. Майдан-декабрь и Майдан-февраль: Что изменилось? (<http://www.kiis.com.ua/?lang=rus&cat=reports&id=226&page=2>).

³⁵ Там же.

³⁶ Личности и принадлежность этих снайперов до сих пор не выяснены. Новое руководство Украины объявило, что расстрел велся бойцами спецподразделения «Беркут» по приказу бывшего главы СБУ Якименко и министра внутренних дел Захарченко. Последние, а также бывший президент Янукович утверждают, что не отдавали таких приказов, и возлагают ответственность на повстанцев, поскольку наиболее сильный снайперский огонь велся с высотного здания гостиницы «Украина», которое в этот момент было занято отрядами самообороны. Прояснение этого вопроса представляется очень важным, во-первых, потому что ответственные за столь хладнокровное

и преднамеренное кровопролитие должны непременно понести наказание, а во-вторых, потому, что от этого зависит оценка произошедшего. Были ли эти убийства отчаянной попыткой рушащегося режима запугать протестующих или же какие-то силы рассчитывали, что после такого кровопролития протестующие уже не перед чем не остановятся, пока не свергнут режим окончательно.

³⁷ Специальный представитель президента РФ Владимир Лукин отказался поставить свою подпись под соглашением, что делает юридически несостоятельным требование российских официальных лиц соблюдать его.

³⁸ Владимир Парасюк, «сотник, переживший ход истории», представляет собой достаточно типичную для протестного движения фигуру. 26-летний выпускник Львовского университета сказал в интервью «Украинской правде»: «Я был членом студенческого братства во Львове, военную подготовку получал в хороших лагерях различных организаций, которые обучали духу украинства. Нас учили и рукопашным боям, и стрельбе из пневматического оружия, с официальным разрешением также учили стрелять из огнестрельного оружия в тирах. Также я был членом Конгресса украинских националистов, там была боевая рефертура. В лагерях я узнал историческую правду о событиях в Украине, о 20-х годах, о голодоморе в Украине». В то же время он отрицал принадлежность к какой-либо политической организации, в том числе к «Правому сектору» (Украинская правда. 24.02.2014). См.: <http://www.pravda.com.ua/rus/articles/2014/02/24/7016048/>

³⁹ Очень важные события, происходившие в декабре 2013 – феврале 2014-го в других городах Украины требуют отдельного рассмотрения и остаются за рамками данной статьи.

⁴⁰ *Егизарян Б.* Чтобы Киев 2014-го не превратился в Варшаву 1920-го // Украинская правда. 19.04.2014. См.: <http://www.pravda.com.ua/rus/columns/2014/04/19/7022925/>

⁴¹ Были, в частности, совершены нападения на дома представителей политической элиты (П. Симоненко, И. Калетника, А. Ключева). В ряде реги-

онов люди с символикой самообороны пытались отбирать бизнес и грабить предпринимателей. Большинство этих случаев было, скорее всего, делом рук обычных преступников, воспользовавшихся ситуацией безвластия. См.: *Ведерникова И.* Время собирать камни. И биты // Зеркало недели. № 7. 28.02.2014 (http://gazeta.zn.ua/internal/vremya-sobirat-kamni-i-bity_.html).

⁴² *Шеремет П.* Между стыдом и катастрофой (<http://www.pravda.com.ua/rus/columns/2014/06/4/7028026/>).

⁴³ Порошенко набрал 54,7 проц. голосов избирателей и стал президентом Украины в результате первого тура голосования.

⁴⁴ The Economist. 2014. Apr. 12. P. 20.

⁴⁵ *Паниотто В., Хмелько В.* Восток Украины: Социология страхов // Радио Свобода. 08.05.2014 (<http://www.svoboda.org/content/transcript/25376829.html>).

⁴⁶ *Рахманин С.* А теперь – парламент! Мы сказали: парламент! // Зеркало недели. № 19. 30.05.2014 (http://zn.ua/columnists/a-terep-parlament-my-skazali-parlament-146448_.html).

⁴⁷ Кандидат Партии регионов, имеющей в нынешнем составе Верховной рады формальное большинство, набрал всего 3 проц. голосов.

⁴⁸ *Ведерникова И., Мостовая Ю., Рахманин С.* Юго-Восток: Ветвь дерева нашего // Зеркало недели. № 14. 18 апр. 2014 (http://gazeta.zn.ua/internal/yugo-vostok-vetv-dreva-nashego_.html).

⁴⁹ *Шибалов Е.* Прививка от шапкозакидательства // Зеркало недели. № 20. 6.06.2014 (http://gazeta.zn.ua/internal/privivka-ot-shapkozakidatelstva_.html).

⁵⁰ <http://echo.msk.ru/blog/echomsk/1316864-echo/>

⁵¹ *Рингис А.* Двигатель прогресса: кто пишет украинские реформы // Украинская правда. 08.05.2014 (<http://life.pravda.com.ua/person/2014/05/8/167499/>).

⁵² http://zn.ua/POLITICS/turchinov-i-yacenyuk-iniciiruyut-provedenie-obscheukrainskih-kruglyh-stolov-144696_.html

⁵³ The Economist. 2014. May 31.

Кризис в Украине в восприятии украинцев

В украинском обществе возник травматический «крымский синдром», который будет оказывать сильное влияние на украинскую политику и общественные настроения | **ВЛАДИМИР ФЕСЕНКО**

Первого декабря 2013 года в результате массовых протестных выступлений в Киеве в Украине возник самый глубокий общественно-политический кризис за все 22 года существования независимого украинского государства. Первая фаза этого кризиса была связана с уличными протестами против режима президента Виктора Януковича и завершилась его свержением. Во второй фазе, начавшейся в Крыму в конце февраля, при содействии российских войск был реализован сценарий отторжения Крыма от Украины; этот сценарий создает угрозу раскола Украины и эскалации российской агрессии на остальную территорию страны.

Украинский кризис возник далеко не случайно. Но помимо объективных причин, огромную роль в событиях конца 2013 – начала 2014-го сыграли колебания общественных настроений. Именно особенности и противоречия социально-политических настроений в Украине стали одной из главных пружин развития украинского кризиса.

Важнейшей его предпосылкой была этнокультурная неоднородность украинского общества: идентичность и политические установки украинских граждан существенно отличались в зависимости от региона проживания. Западная часть Украины и, отчасти, ее центральные области исторически ориентированы на Запад, на европейскую цивили-

зацию, тогда как восточные и южные регионы в течение многих веков были связаны с Россией и сохраняют преимущественную ориентацию на российскую цивилизацию.

Основной причиной нынешних драматических событий в Украине стал кризис постсоветской модели развития. Политологи часто называют постсоветские политико-экономические системы неопатримониальными, то есть такими, в которых государство рассматривается как частное владение (патримониум) правящих групп – носителей государственной власти. Правящие группы приватизируют общественные функции и институты, делая их источником собственных частных доходов. Кризис этой модели развития проявился в Украине еще в начале 2000-х, что и привело к «Оранжевой революции» 2004 года.

Режим президента Виктора Януковича максимально усугубил олигархический характер и внутренние противоречия политико-экономической системы Украины и тем самым приблизил ее крах. В период президентства Януковича усилились авторитарные тенденции и сформировалось полицейское государство, однако сохранение демократического фасада позволяло использовать публичные и демократичные формы протеста. Коррупция, и до этого процветавшая в Украине, приобрела системный, почти тотальный характер. Главным олигархом

страны стал сам президент Янукович, вокруг которого сформировался новый коррупционный и клептократический клан — так называемая «Семья», обложившая данью всю страну, от крупного бизнеса до государственных структур и мелких предпринимателей.

Неэффективная и непоследовательная внутренняя и внешняя политика режима Януковича привела к существенному ухудшению социально-экономической ситуации и росту социально-политического напряжения в Украине. Накопившиеся политические и социально-экономические проблемы неоднократно провоцировали протестные выступления: в ноябре 2010 года предприниматели протестовали против Налогового кодекса; осенью 2011-го публичное возмущение граждан было вызвано сокращением ряда социальных льгот; осенью 2012 года причиной протестов стали манипуляции с подсчетом голосов на парламентских выборах. Следует отметить, что массовые политические протесты регулярно вспыхивали в Украине начиная с движения за независимость 1989—1991-го. Спустя два года произошли забастовки шахтеров, затем в 2000-м началась кампания протеста «Украина без Кучмы» — 2000—2001 годов, а в 2004-м разразилась «Оранжевая революция». Традиция уличных протестов также способствовала возникновению нынешнего кризиса. В Украине даже сформировался национально специфичный формат городских протестных движений, получивший название «майдан» — массовый и долговременный митинг на центральной площади, территория которой затем превращается в протестный палаточный городок.

Украина была «беременна» новой революцией. Ее ожидали во время президентских выборов весной 2015-го, но «роды» состоялись несколько раньше вследствие ряда действий президента Януковича, вызвавших резкое недовольство населения. Первым «спусковым крючком» стало резкое изменение

внешнеполитического курса (отказ от подписания Соглашения об ассоциации с ЕС) при разогретых и завышенных проевропейских ожиданиях значительной части населения страны. 22 ноября 2013-го в Киеве, а затем и в других крупных городах страны начались массовые акции в поддержку евроинтеграции Украины — Евромайданы.

Никакой прямой угрозы для режима Януковича эти протесты не представляли. Более того, их масштабы вскоре стали уменьшаться. Например, на киевском Евромайдане к концу ноября оставалось всего несколько сотен студентов и общественных активистов. Но руководители силовых структур, видимо, в «профилактических» целях решили показательно жестоко разогнать киевский Евромайдан в ночь на 30 ноября 2013-го. Для многих украинцев это стало «последней каплей». Произошел эмоциональный взрыв, и сотни тысяч людей вышли на площади Киева и других украинских городов с протестом против действий властей. В стране возник полномасштабный политический кризис.

Чего добивались протестующие? Об этом свидетельствуют данные социологических опросов, проводившихся Фондом «Демократические инициативы» и Киевским международным институтом социологии (КМИС) среди участников киевского Майдана с декабря 2013-го по февраль 2014-го¹ (см. таблицу 1 на с. 28).

По данным социологических исследований мы видим, что требования протестующих носили преимущественно политический характер. Радикализация протестов произошла на финальном этапе, после силового противостояния с милицией и первых жертв среди протестующих. В результате на второй план отошло требование европейской интеграции, которое вначале было одним из главных, и снизился уровень поддержки тех требований, которые и раньше не были главными для большей части протестующих

Таблица 1

ТРЕБОВАНИЯ УЧАСТНИКОВ ПРОТЕСТА (В %)			
	7—8 декабря 2013-го	20 декабря 2013-го	03 февраля 2014-го
Отставка Виктора Януковича, проведение досрочных президентских выборов	75,1	65,7	85,2
Освобождение арестованных участников Майдана, прекращение репрессий	81,8	63,9	82,2
Отставка правительства	80,1	74,5	68,2
Возбуждение криминальных дел против виновных в избиении демонстрантов	57,6	50,7	63,7
Роспуск Верховной Рады и назначение досрочных парламентских выборов	55,6	51,4	59,1
Возвращение к Конституции 2004 г., которая бы ограничивала власть президента	37,9	42,8	62,5
Возбуждение криминальных дел против всех, кто участвовал в коррупции	49,6	42,8	62,1
Подписание Соглашения об ассоциации с ЕС	71,0	58,6	49,0
Повышение уровня жизни людей	46,9	42,5	41,1
Освобождение Юлии Тимошенко	37,8	36,0	30,4

Источник: материалы исследований Фонда «Демократические инициативы» и КМИС

(повышение уровня жизни людей, освобождение Юлии Тимошенко). Но на первом этапе протестов был шанс достичь компромисса и выйти из кризиса мирным путем (перед Новым годом произошло заметное смягчение требований протестующих). Власть этот шанс не использовала, что в итоге привело к гибели десятков людей.

Показательной была эволюция киевского Майдана на протяжении трех месяцев противостояния протестующих со спецподразделениями милиции. По оценкам социологов, исследовавших настроения на Майдане, вначале это был Майдан-митинг. По воскресеньям на Народное вече собиралось более 100 тыс. участников (некоторые митинги собирали и более 200 тыс. человек). Постоянно на Майдане находилось от нескольких тысяч до 20—30 тыс. участников. Так же, как и в 2004-м, Майдан-митинг быстро перерос в Майдан — палаточный городок, то есть традиционную форму долговременного протеста. Киевский Евромайдан стал своеобразным государством в государстве, территорией свободы от режи-

ма Януковича со своим самоуправлением, самообороной и самообеспечением. А когда возникла угроза штурма Майдана и начались первые уличные бои, Майдан превратился в боевой лагерь, окруженный баррикадами, а самооборона стала надевать бронезилеты, каски и вооружаться подручными средствами.

Евромайдан появился не только в Киеве, но и в подавляющем большинстве областных центров страны (в том числе и в русскоязычных регионах), а также ряде других крупных городов. Фактически Евромайданы превратились в массовое революционное движение против режима Януковича. Данные всеукраинского опроса социологической группы «Рейтинг» в конце декабря 2013 года показали, что в акциях протеста (евромайданах) участвовали 5,7 проц. опрошенных², что в масштабах взрослого населения страны соответствует примерно 2 млн человек.

Особенностью этих протестов было то, что они проходили одновременно в цветах украинского национального флага и Европейского союза, что свидетельствовало

о национально-демократическом характере этого революционного движения. Обязательной частью ритуала массовых митингов (народных вече) на киевском Майдане стали совместные богослужения представителей разных конфессий и исполнение национального гимна всеми участниками митинга.

Официальные лица России и российские СМИ называли Майдан сборищем экстремистов и националистов. Это явно пропагандистские оценки. На Майдане было немало активистов националистических организаций, выделявшихся своей символикой. Но, по оценкам наблюдателей, они составляли не более трети постоянных участников Майдана (а реально, наверняка, меньше). Например, «Правый сектор», самая известная праворадикальная организация, появившаяся на Майдане, по словам его руководителя, в конце января 2014-го насчитывал не более 500 человек³. При этом численность «Самообороны» на Майдане достигала 5 тыс. человек⁴. Проблема состояла не во влиянии националистов, а в радикализации протестов. С середины декабря 2013-го до начала февраля 2014-го число тех, кто выступал за создание вооруженных формирований для борьбы с властью среди участников Майдана, возросло с 21 до 50 процентов⁵. Для сравнения, среди населения страны использование митингующими силовых методов поддерживали только 11 проц. (данные социологического опроса Центра СОЦИС и КМИС в конце января 2014 года)⁶.

Очень показательны данные о социальном составе киевского Майдана. В начале декабря 2013-го среди участников протеста 50 проц. составляли киевляне, а еще 50 проц. — приезжие. При этом на более массовом воскресном митинге киевляне составляли большинство — 57 проц. Абсолютное большинство участников (92 проц.) не принадлежало ни к партиям, ни к общественным организациям, и лишь 4 проц. были членами

различных партий. В социально-демографической структуре Майдана было больше мужчин (56 проц.), чем женщин (44 процентов). Майдан был более молодым, чем население страны в целом, — средний возраст участников Майдана составлял 36 лет (38 проц. — в возрасте 15–29 лет, 49 проц. — 30–54 года, 13 проц. — 55 лет и старше). Люди с высшим образованием составляли 64 проц. (!) участников Майдана. Языковая структура была примерно такая же, как в целом по стране. По роду занятий: 40 проц. — специалисты с высшим образованием, 12 проц. — студенты, 9 проц. — предприниматели, 9 проц. — пенсионеры, 7 проц. — рабочие⁷. А вот когда киевский Майдан превратился в боевой лагерь, его социальная структура заметно изменилась. Среди постоянных участников Майдана 88 проц. составляли приезжие, а 12 проц. — киевляне. Но следует учитывать, что киевские участники Майдана жили дома и приходили на Майдан либо по вечерам, либо на массовые акции, либо когда возникала серьезная опасность штурма Майдана. Среди приезжих преобладали жители Западной Украины — 55 проц.; среди постоянных участников Майдана 24 проц. были из Центральной Украины, а 21 проц. — из восточных и южных регионов. Жители села составляли 20 проц. участников Майдана. 84 проц. постоянных участников Майдана прибыли туда самостоятельно, 13 проц. привезли общественные организации, 3 проц. — политические партии. Большинство участников (70 проц.) не принадлежало к каким-либо организациям, 14 проц. были представителями общественных движений. Социально-демографическая структура постоянных участников Майдана в начале февраля 2014 года: 88 проц. — мужчины, 12 проц. — женщины; средний возраст участников Майдана — 37 лет (33 проц. — в возрасте от 15–29 лет, 56 проц. — 30–54 года, 11 проц. — 55 лет и старше). Люди с высшим

образованием составляли 43 проц., с незаконченным высшим — 9 проц. По роду занятий: 27 проц. — специалисты с высшим образованием, 17 проц. — предприниматели (!), 15 проц. — рабочие, 13 проц. — люди без постоянного места работы, 7 проц. — пенсионеры, 6 проц. — студенты, 3 проц. — работники правоохранительных органов, военные⁸.

На основе этих данных можно сделать вывод о том, какие социальные группы оказались движущей силой Майдана:

- Социально активная часть нового среднего класса, включая представителей малого и среднего бизнеса. При этом финансовое содействие Майдану оказывала часть крупного бизнеса.
- «Поколение независимости» — социально активная часть молодежи (особенно студентов), родившаяся и сформировавшаяся в условиях независимости Украины
- Наиболее активная часть гражданского общества, организовавшаяся в различные протестные группы на Майдане (майдахах) и в новые общественно-политические движения.
- Представители оппозиционных партий.
- Граждане из различных социальных групп, разделяющие протестные настроения.

Парламентская оппозиция количественно не доминировала на Майдане (точнее, была в явном меньшинстве), но была политическим крылом Майдана, его парламентским представителем, в том числе и на переговорах с президентом Януковичем.

Особенностью нового Майдана (в отличие от «Оранжевой революции», когда символом и единоличным, хотя и формальным, лидером протеста был Виктор Ющенко) стало коллективное руководство его деятельностью, отсутствие единого лидера (вождя).

Несмотря на массовый характер евромайданов, почти половина населения страны их не поддержала. По отношению к Майдану в Украине возник ценностный

раскол, который воспроизвел традиционное идейно-политическое противостояние русскоязычных и украиноязычных регионов страны. По данным всеукраинского социологического опроса Центра Разумкова в конце декабря 2013-го полностью были солидарны с протестами на евромайданах 32,2 проц. опрошенных, еще 18,1 проц. респондентов преимущественно их поддерживали. То есть на стороне Майдана было около половины населения страны. 42,5 проц. респондентов относились к Евромайдану отрицательно: 25,7 проц. были настроены категорически против, а еще 16,8 проц. опрошенных были преимущественно против этих протестов⁹. Схожие данные показывали и другие опросы на эту тему, проведенные в декабре 2013-го — январе 2014-го. Большинство противников Майдана были сосредоточены в русскоязычных регионах страны, в основном это были те, кто голосовал ранее за Партию регионов (во главе которой стоял президент Янукович) и Коммунистическую партию Украины.

Этот раскол использовали украинские власти, которые организовывали в свою поддержку массовые митинги — так называемые «антимайданы». Тезис о «бандеровцах» на Майдане появился именно тогда. В официальной украинской (на тот момент) и российской риторике подобные пропагандистские приемы использовались для усугубления давних этнокультурных, ценностных и политических различий между русскоязычными и украиноязычными регионами. В итоге в разгар кризиса в Украине возникла острая политическая и идеологическая поляризация между сторонниками и противниками Майдана. По данным социологического опроса Центра СОЦИС и КМИС в конце января 2013 года Майдан поддерживали почти 48 проц. украинских граждан (26,8 проц. поддерживали полностью), 46 проц. — не поддерживали эти протесты (31,3 проц. — совершенно не поддерживали)¹⁰.

Вторая фаза кризиса

Крах режима Януковича и приход к власти представителей Майдана не привели к завершению политического кризиса в Украине. Предпосылкой для второй фазы украинского кризиса стало негативное отношение к Майдану в русскоязычных регионах Украины. Оно было использовано сначала для осуществления сценария отделения Крыма от Украины и последующего его присоединения к России, а затем для провоцирования протестных акций уже против новой украинской власти в ряде областных центров русскоязычных регионов страны. При этом очень похоже, что вторая фаза кризиса была инспирирована извне. Почти неделю после бегства Януковича из Киева и смены власти в Украине в русскоязычных регионах, в том числе и в Крыму, ситуация оставалась спокойной. Не было никаких репрессий против русскоязычных граждан страны. Не было рейдов «бандеровцев» в русскоязычные регионы Украины, хотя слухов об этом было с избытком. «Партия регионов» и местные власти были деморализованы. Смена власти в регионах могла пройти так же спокойно,

как и в 2005 году. Но в этот раз все развивалось иначе. В конце февраля как будто кто-то включил кнопку «старт». В Крыму власть захватили пророссийские силы, а в Донецке, Луганске и Харькове начались пророссийские массовые акции, которые внешне копировали методы Майдана (многолюдные митинги на центральных площадях областных центров с последующим захватом административных зданий).

В качестве слабого места и основного объекта атаки был избран Крым. Во-первых, там находились российские войска, которые обеспечивали силовое и организационное содействие захвата власти в Крыму пророссийскими силами. Во-вторых, автономный статус Крыма давал хоть какие-то формальные основания для осуществления сепаратистского сценария. В-третьих, в Крыму были наиболее сильны пророссийские настроения (см. таблицу 2) и наиболее активны и влиятельны пророссийские политические силы.

Данные, приведенные в таблице 2, позволяют сделать вывод, что политический кризис в Украине способствовал некоторому усилению пророссийских настроений в ряде

Таблица 2

ДОЛЯ ЖИТЕЛЕЙ ОТДЕЛЬНЫХ РЕГИОНОВ УКРАИНЫ, КОТОРЫЕ ХОТЕЛИ, ЧТОБЫ УКРАИНА И РОССИЯ ОБЪЕДИНИЛИСЬ В ОДНО ГОСУДАРСТВО (В %)		
	Ноябрь 2013-го	8—18 февраля 2014-го
АР Крым	35,9	41,0
Донецкая обл.	29,8	33,2
Луганская обл.	29,4	24,1
Одесская обл.	22,8	24,0
Днепропетровская обл.	14,7	13,8
Харьковская обл.	13,9	15,1
Запорожская обл.	8,9	16,7
Винницкая обл.	8,6	2,7
город Киев	3,7	5,3
Полтавская обл.	3,3	4,3
Киевская обл.	3,0	6,4
Львовская обл.	0,3	0,0

Источник: данные опросов КМИС ¹¹

регионов страны, прежде всего в русскоязычных. Особенно сильно подобные настроения проявились в Крыму, Донбассе и в Одесской области; существенным элементом этой динамики стало неприятие Майдана.

В целом по Украине объединение Украины и России в одно государство в феврале 2012 года поддерживали 12,5 проц. опрошенных (за время Майдана этот показатель увеличился на 3 проц.). Как видим, резкого роста пророссийских настроений все-таки не произошло. Более того, по сравнению с предыдущим периодом эти настроения заметно уменьшились. За последние семь лет максимальное число сторонников объединения с Россией (23 проц.) наблюдалось в разгар экономического кризиса в феврале–мае 2009-го. Большинство украинцев как ранее, так и сейчас считали, что Украина и Россия должны быть независимыми, но дружественными государствами, без виз и таможен. В феврале 2014-го эту точку зрения разделяли 68 проц. опрошенных. 15 проц. респондентов считали, что отношения с Россией должны быть такими же, как с другими государствами — с закрытыми границами, визами и таможами¹².

В условиях смены власти в Украине и относительной политической нестабильности российскому руководству и противникам новой украинской власти удалось использовать антимайданные и пророссийские настроения, присутствующие в русскоязычных регионах Украины, для организации массовых и агрессивных протестных акций. По целому ряду свидетельств в этих акциях принимали прямое участие граждане России, в том числе представители русских националистических организаций¹³. Были также задержаны представители российских спецслужб, занимавшиеся организацией и координацией этих протестных акций¹⁴. Но тем не менее очевидно, что у этих выступлений была достаточно широкая социальная база.

Отделение Крыма от Украины и его присоединение к России, а также последовавший всплеск пророссийских выступлений в ряде украинских регионов существенно обострили проблему единства и территориальной целостности страны. Потенциальные риски раскола Украины приобрели характер практической угрозы. Одновременно резко усилилось военно-политическое давление России на Украину; на северных и восточных границах Украины, а также в Крыму были сконцентрированы российские войска. Руководство России отказывается признать факт смены власти в Украине и продолжает считать легитимным президентом Виктора Януковича, который теперь находится на территории России. Для урегулирования кризиса Россия требует федерализации государственного устройства Украины, предоставления широкой автономии русскоязычным регионам, обеспечения статуса русского языка как государственного (наравне с украинским) и гарантиями нейтрального военно-политического статуса Украины¹⁵.

В этих условиях очевидно, что именно влияние России как на внутривосточную обстановку в Украине, так и на международную ситуацию вокруг нее становится решающим фактором развития украинского кризиса. Исходя из нынешних тенденций, можно предположить два основных сценария дальнейших действий России. «Мягкий» сценарий представляет собой содействие федерализации Украины (точнее, ее превращение в конфедерацию с максимальной автономией русскоязычных регионов), резким усилением прямого влияния России на внутривосточные процессы в Украине для блокирования евроатлантической и европейской интеграции страны. «Жесткий сценарий» — это раскол Украины, с возможным введением российских войск и оккупацией части ее территории.

Как реагирует общественное мнение Украины на военно-политическое противо-

стояние с Россией и идеи, продвигаемые российским руководством для урегулирования украинского кризиса?

«Никогда не думал, что доживу до войны с Россией»

Прежде всего, необходимо отметить, что впервые за все время своей независимости Украина столкнулась с угрозой войны, причем войны со страной, которую ранее абсолютное большинство украинцев считали дружественной. Самый больной вопрос, который волнует большинство украинцев с начала марта 2014 года, — будет ли война с Россией? Автору этих строк от самых разных людей и в Киеве, и на Востоке Украины приходилось слышать одну и ту же драматичную оценку нынешней ситуации: «Никогда не думал, что доживу до войны с Россией». Для многих людей, особенно в русскоязычных регионах Украины, это самый настоящий психологический шок.

По данным совместного всеукраинского опроса четырех ведущих социологических центров Украины, проведенного в середине марта 2014-го, на вопрос: «Как вы считаете, чего люди сейчас боятся больше всего?», 67 проц. респондентов отметили, что большинство сейчас боится военной угрозы со стороны других государств. Еще 49,4 проц. опрошенных признались, что люди боятся гражданских конфликтов в государстве. И лишь потом называли более традиционные, социально-экономические проблемы — невыплату зарплат и пенсий, безработицу и т. п., — которые вызывали у людей тревогу в предшествующий период¹⁶.

Когда Совет Федерации России проголосовал за предоставление президенту Путину полномочия ввести войска на территорию Украины, КМИС провел (7–9 марта 2014 года) всеукраинский экспресс-опрос об отношении жителей Украины к этому решению. Оказалось, что 83 проц. населения

Украины его осуждает (77 проц. — полностью, 6 проц. — скорее осуждает, чем нет), а 9 проц. — поддерживает. Конечно же, уровень поддержки был выше в русскоязычных регионах Украины, но и там большинство населения было против ввода российских войск. В восточных регионах Украины это решение осуждали 68 проц. (полностью осуждали — 54,5 проц.), поддерживали 15 проц. (полностью — 7,8 проц.). В южных регионах страны возможный ввод российских войск на территорию Украины осудили 73 проц. (полностью — 64,6 проц.) опрошенных, поддержали — 15 проц. (полностью — 8,7 процента)¹⁷. Исходя из этих данных, можно предположить, что возможная военная операция России против Украины может окончательно оттолкнуть от России абсолютное большинство украинцев.

Военная угроза, исходящая от России, резко (примерно в два раза) увеличила число сторонников вступления Украины в НАТО. По данным телефонного опроса, проведенного компанией *Gfk-Ukraine* в середине марта 2014-го, вступление в НАТО поддержало 44 проц. (по данным предыдущих опросов различных социологических служб этот показатель ранее составлял примерно 20 процентов). По этому вопросу украинцы разделились почти поровну: противники вступления в НАТО составили около половины населения страны — 47 процентов¹⁸.

В результате противостояния с Россией выросло число сторонников евроинтеграции и уменьшилась доля приверженцев вступления Украины в Таможенный союз. До кризиса их соотношение (по данным различных опросов) составляло примерно 45 проц. (за ЕС) на 35 проц. (за Таможенный союз). После кризиса (по данным совместного всеукраинского опроса четырех ведущих социологических центров Украины в середине марта 2014-го) за вступление в Евросоюз готовы были проголосовать 52 проц. украинцев, а

вступление в Таможенный союз поддерживали 25,6 проц. опрошенных¹⁹.

Реализация плана федерализации Украины также может быть сопряжена с серьезными проблемами. По данным исследования социологической службы «Рейтинг», в начале марта 2014-го большинство жителей Украины (61 проц.) считали оптимальной формой государственного устройства для Украины унитарное государство, 24 проц. — федеративное государство, 15 проц. — не определились. Следует отметить, что по сравнению с 2011 годом число сторонников унитарного устройства Украины увеличилось с 50 проц. до 61 проц., тогда как число сторонников федерации осталось практически неизменным (25 проц. — в 2011-м, 24 проц. — в 2014-м). Единственным макрорегионом страны, где большинство населения (59 проц.) поддерживало федеративное устройство страны, был Донбасс²⁰.

Проблемой, раскалывающей украинское общество, остается вопрос о предоставлении государственного статуса русскому языку. По данным всеукраинского опроса, проведенного социологической службой «Рейтинг» в октябре 2013 года, за предоставление русскому языку государственного статуса выступали 43 проц., против — 51 процент. Естественно, большинство сторонников государственного статуса русского языка живут в русскоязычных регионах: в Донбассе эту идею поддерживают 85 проц. населения, в южных областях страны — 69, в восточных областях (кроме Донбасса) — 57 процентов²¹. Поскольку в русскоязычных регионах Украины русский язык уже получил официальный статус, этот вопрос имеет скорее политико-психологическое значение (как знак уважения прав русскоязычных в общегосударственных масштабах).

Для значительной части украинцев глубокой политико-психологической травмой стало отторжение Крыма и его присоединение к России. Особое недовольство вызывает то, что «Крым сдали без боя». В украинском обще-

стве возник травматический «крымский синдром», который будет оказывать сильное влияние на украинскую политику и общественные настроения. Воспользовавшись политической нестабильностью в Украине, Россия забрала Крым, тем самым унизив Украину и оттолкнув от себя большую часть украинцев. После крымских событий, а также в результате возросших рисков военного вторжения среди граждан Украины существенно усилилось негативное восприятие России.

Риск углубления политического кризиса в Украине связан не только с воздействием российского фактора. Перед украинским обществом стоят системные вызовы, ответы на которые требуют зачастую противоположных действий.

С одной стороны, это революционные ожидания участников и сторонников Майдана, связанные с качественным изменением политической и правовой системы, очищением от людей, вовлеченных в коррупцию и другие злоупотребления, в том числе во время противостояния с режимом Януковича. Сторонники Майдана не хотят ждать, они требуют радикальных изменений уже сейчас. Эмоции революционного радикализма и романтизма нередко приводят к проявлениям постреволюционной анархии.

С другой стороны, возникла острая необходимость поддержать единство и территориальную целостность страны. А это требует повышения дееспособности системы управления и силовых структур, в том числе наведения элементарного порядка в государстве, и одновременно гибкости и компромиссов в отношениях не только с русскоязычными гражданами страны, но и с олигархами и региональными элитами русскоязычных областей, многие из которых были связаны с режимом Януковича.

В-третьих, в результате клептократического правления Януковича и острейшего политического кризиса страна оказалась

в сложнейшей социально-экономической ситуации, требующей безотлагательных и непопулярных мер жесткой бюджетной экономии. Экономическая ситуация может еще более ухудшиться вследствие экономического давления России, которое больше всего ударит по индустриальным регионам востока Украины. В этих условиях велики риски резкого роста социального недовольства, которое может спровоцировать всплески политического напряжения, в том числе и в русскоязычных регионах.

Политическим элитам, пришедшим к власти после победы Майдана, придется искать

адекватные, эффективные и сбалансированные ответы одновременно на все эти вызовы. Параллельно в ближайшие месяцы им придется, возможно, пройти политический экзамен перед избирателями на парламентских выборах. Нынешний кризис станет самым серьезным испытанием за все годы независимости и для украинского общества в целом. Это будет проверка и на способность жить вместе в одном государстве, и на готовность к качественному обновлению собственной страны. Из этого кризиса Украина выйдет другой. Какой именно – зависит от самих украинцев. ■

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ http://dif.org.ua/ua/polls/2014_polls/vid-maidanu-taboru-do-maidan.htm ; <http://dif.org.ua/ua/polls/2013-year/mogjorjghoeoj.htm>

² <http://www.ratinggroup.com.ua/products/politic/data/entry/14080/>

³ <http://www.pravda.com.ua/articles/2014/02/4/7012683/>

⁴ <http://vesti.ua/kyiv/36847-na-zadvorkah-majdana-trenirujutsja-5-tysjach-bojcov-samooborony>

⁵ http://dif.org.ua/ua/polls/2014_polls/vid-maidanu-taboru-do-maidan.htm

⁶ <http://www.kiis.com.ua/?lang=rus&cat=report&id=227&page=1>

⁷ <http://dif.org.ua/ua/polls/2013-year/mogjorjghoeoj.htm>

⁸ http://dif.org.ua/ua/polls/2014_polls/vid-maidanu-taboru-do-maidan.htm

⁹ http://www.razumkov.org.ua/ukr/poll.php?poll_id=922

¹⁰ <http://www.kiis.com.ua/?lang=rus&cat=report&id=227&page=1>

¹¹ <http://www.kiis.com.ua/?lang=ukr&cat=report&id=236&page=1>

¹² <http://www.kiis.com.ua/?lang=ukr&cat=report&id=236&page=1>

¹³ <http://www.segodnya.ua/regions/donetsk/>

nachalnik-doneckoy-milicii-rasskazal-ob-arestah-uchastnikov-prorossiyskih-mitingov-509775.html ; <http://obozrevatel.com/politics/64930-ukrainskie-mitingi-i-rossijskie-gastroleryi.htm>

¹⁴ <http://obkom.net.ua/news/2014-03-11/1435.shtml> ; <http://obozrevatel.com/politics/26075-arestovan-sotrudnik-voennoj-razvedki-gru-genshtab-rossii.htm>

¹⁵ <http://vesti.ua/strana/42578-rossija-peredala-ssha-na-podpis-plan-po-normalizacii-situacii-v-ukraine>

¹⁶ <http://www.socis.kiev.ua/ua/press/rezultaty-sotsiolohichnoho-doslidzhennja-ektoralni-orijentatsiji-ukrajintsiv.html> (см. загрузить презентацию)

¹⁷ <http://www.kiis.com.ua/?lang=ukr&cat=report&id=245&page=1>

¹⁸ http://news.eizvestia.com/news_politics/full/672-44-ukraincev-podderzhivayut-vstuplenie-v-nato-gfk-ukraine

¹⁹ <http://www.socis.kiev.ua/ua/press/rezultaty-sotsiolohichnoho-doslidzhennja-ektoralni-orijentatsiji-ukrajintsiv.html>

²⁰ <http://www.ratinggroup.com.ua/products/politic/data/entry/14083/>

²¹ <http://www.slideshare.net/Ratinggroup/2013-27238947>

Патриарх Кирилл и «постмайданная» Украина

Украинский кризис стал серьезным испытанием для священноначалия Русской православной церкви (РПЦ), которое оказалось между двух огней | **АЛЕКСЕЙ МАКАРКИН**

Украинский кризис стал серьезным испытанием для священноначалия Русской православной церкви (РПЦ), которое оказалось между двух огней. С одной стороны — входящая в состав Московского патриархата Украинская православная церковь (УПЦ МП) ¹, имеющая права широкого самоуправления. Ее руководство выступило против вмешательства России в украинский кризис и тем самым выказало лояльность к принципу единства украинского государства. С другой стороны — Кремль, с которым традиционно близок патриарх Кирилл. Предстоятель РПЦ, в частности, решительно поддержал российскую власть во время ее противостояния с оппозицией в 2012 году.

Церковный пасьянс

Политическая идентичность УПЦ МП за последнее десятилетие претерпела эволюцию. В 2004 году Церковь публично поддержала кандидатуру Виктора Януковича на президентских выборах, однако после «Оранжевой революции» произошло переосмысление приоритетов — УПЦ МП стала подчеркнута дистанцироваться от электоральных процессов. В 2007-м Архиерейский собор УПЦ МП осудил так называемое

«политическое православие» — концепцию, согласно которой православные должны активно участвовать в политической борьбе на стороне приверженцев сближения с Россией. Примечательно, что священноначалие РПЦ не высказало своего отношения к этому феномену, так что на общецерковном уровне он осужден не был (это позволило сторонникам «политического православия» продолжать свою деятельность, рассчитывая на поддержку Москвы).

В течение последующих лет из-за того, что состояние здоровья митрополита Владимира, бессменного предстоятеля УПЦ МП с 1992 года, резко ухудшилось, в Церкви возросла конкуренция между «промосковской» и «проукраинской» группами. В свою очередь, патриарх Кирилл, негативно относящийся к любым попыткам дальнейшего «обособления» своих украинских подчиненных, стал часто посещать Украину, стараясь представить себя главным пастырем православных, проживающих в этой стране. Впрочем, юридически ограничить существующее самоуправление УПЦ МП ему не удалось — большинство украинских архиереев выступают за сохранение статус-кво.

Политический кризис 2013–2014-го застал УПЦ МП в ситуации, когда митрополит

Владимир фактически был недееспособен, а Церковь в публичном пространстве представлял митрополит Вышгородский и Чернобыльский Павел, наместник Киево-Печерской лавры. Если Украинская православная церковь Киевского патриархата (УПЦ КП), Украинская автокефальная православная церковь (УАПЦ) и Украинская греко-католическая церковь (УГКЦ) поддерживали Майдан (особую известность получил духовный центр УПЦ КП Михайловский Златоверхий монастырь, в котором укрывали, лечили и отпевали «майдановцев»), то УПЦ МП как институт соблюдала нейтралитет. Однако митрополит Павел не скрывал своих симпатий к действовавшей украинской власти: по сообщениям украинских СМИ, во время одного из богослужений в январе 2014-го, на котором присутствовал Янукович, митрополит заверил президента в своей полной поддержке². Соответственно, для многих «майдановцев» УПЦ МП оставалась «московской» церковью несмотря на то, что к ней принадлежит ряд оппонентов Януковича, например известный украинский политик Пётр Порошенко.

После свержения Януковича события в УПЦ МП развивались стремительно. 22 февраля Янукович бежал из Киева, а уже 24 февраля собрался Синод, на котором было принято решение о назначении местоблюстителя. Уход митрополита Владимира от руководства Церковью ожидался многими. В последние годы его ближайшее окружение делало все, чтобы продлить его пребывание в должности предстоятеля и не допустить прихода к руководству церковью кого-либо из трех иерархов, связанных с Москвой: Агафангела (митрополита Одесского), Илариона (митрополита Донецкого) или Павла (митрополита Вышгородского). Появление любого из них (особенно Агафангела) во главе УПЦ МП означало бы усиление влияния патриарха Кирилла на

украинскую внутрицерковную жизнь. И одновременно резкое ослабление позиций тех молодых архиереев, которые стремятся дистанцироваться от Москвы и ощущают себя в большей степени представителями украинского православия, а не «Русского мира». К таковым, прежде всего, относятся митрополиты Бориспольский Антоний (управляющий делами УПЦ, своего рода «премьер-министр» церкви) и Переяслав-Хмельницкий Александр (секретарь владыки Владимира, находившийся в остром конфликте с «промоковским» митрополичьим триумvirатом). Между этими архиереями, насколько можно судить, существует серьезная «аппаратная конкуренция», но их объединяет восприятие УПЦ МП как «украинской» церкви.

Свержение Виктора Януковича резко ослабило позиции всех трех митрополитов, которые тесно связаны не только с Москвой, но и с Партией регионов. Маневры «майдановцев» вокруг Киево-Печерской лавры, которые часть российских СМИ приняла за подготовку штурма знаменитого монастыря, были в немалой степени связаны с недоверием к персоне ее настоятеля. Митрополиту Илариону пришлось опровергать слух, будто Янукович скрывается в одном из донецких монастырей. Что касается владыки Агафангела, то он и в прежние времена представлялся многим украинским церковным деятелям, которые вовсе не принадлежат к «ближнему кругу» митрополита Владимира, слишком ревностным сторонником Кирилла, готовым упразднить даже нынешнюю самостоятельность УПЦ и вернуться к существовавшему в советское время экзархату.

Теперь выборы нового предстоятеля могут привести к иным результатам, чем во времена Януковича. В публичном пространстве обсуждаются две кандидатуры. Во-первых, митрополит Бориспольский Антоний, который может быть неплохо совместим с новым руководством страны, но при этом необычно

молод (ему 46 лет) для ведущих церковных деятелей на постсоветском пространстве. Во-вторых, митрополит Черновицкий Онуфрий, избранный местоблюстителем, то есть исполняющим обязанности предстоятеля Киевской митрополичьей кафедры. 69-летний владыка в течение уже пары десятилетий управляет одной из самых западных епархий УПЦ, а ранее многие годы монашествовал в Троице-Сергиевой лавре. Митрополит Онуфрий известен своим неучастием в конфликтах, сотрясавших церковь в последние годы, и отсутствием видимого интереса к

Филарета, как и ранее, остается сильнейшим препятствием для любых серьезных контактов, но молодые архиереи с обеих сторон не выглядят полностью несовместимыми. Они не участвовали в драматическом расколе 1992 года⁴ и сформировались как личности уже в независимой Украине.

Митрополит Онуфрий в день своего избрания разговаривал по телефону с патриархом Кириллом. Приличия были соблюдены, но похоже, что патриарха поставили перед фактом принятых на Синоде решений. Показательно, что в обращении к епископа-

“Во время референдума в Крыму официальное руководство епархий Украинской православной церкви заняло нейтральную позицию”.

политике. Он может стать основным кандидатом на выборах предстоятеля в качестве компромиссной фигуры. Но только в том случае, если сам захочет участвовать в избирательной кампании, которая и в церкви не является высокодуховной (вспомним хотя бы выборы московского патриарха, сопровождавшиеся «войной компроматов»³). Впрочем, сейчас вопрос о выборах неактуален — несмотря на болезнь, УПЦ МП официально продолжает возглавлять митрополит Владимир.

Февральское заседание украинского Синода примечательно не только назначением местоблюстителя, но и другими событиями. В частности, на нем была создана комиссия по диалогу с представителями УПЦ КП и УАПЦ. Разумеется, никто не может гарантировать успеха этого начинания — скорее, пока можно отнестись скептически к возможности обрести взаимопонимание. Но важнее другое — после того как УПЦ КП в сознании украинского общества теснейшим образом «соединилась» с Майданом, полностью игнорировать ее становится невозможно. Хотя фигура анафематствованного главы УПЦ КП

ту, духовенству, монашеству и мирянам содержался призыв не поддаваться на провокации и ни в коем случае не поддерживать лозунги, направленные против территориальной целостности Украины⁵. Таким образом, УПЦ продемонстрировала новым властям готовность с ними взаимодействовать. Это проявилось и в последующие недели, которые характеризовались острым противостоянием Украины и России. Митрополит Онуфрий дважды просил Россию не допустить вооруженного конфликта и сделать все возможное для сохранения территориальной целостности Украины. Митрополит Белоцерковский Августин, глава военного духовенства УПЦ МП, известный своими симпатиями к России, заявил: «Как “военный” митрополит и по долгу, и по убеждению однозначно благословляю наше войско на защиту Родины»⁶. Еще один архиерей, епископ Филарет Львовский, выступил с открытым заявлением к президенту России, в котором призвал к «стремительному выводу войск с территории Украины» (имелась в виду территория Крыма) и предупредил об ответствен-

ности перед Богом за действия, которые могут привести к братоубийственной войне между братскими православными народами⁷. Пожалуй, самое резкое высказывание принадлежало митрополиту Черкасскому Софронию, самому активному стороннику автокефалии среди иерархов УПЦ МП. Он назвал Владимира Путина «бандитом» и осудил российских государственных деятелей — выходцев из Украины, которые «предали Родину»⁸. Это заявление вызвало крайне резкую реакцию со стороны одного из адресатов, министра культуры России Владимира Мединского⁹.

Что касается ведущих пророссийских иерархов, то митрополит Павел в марте не проявлял политической активности. Митрополит Иларион публично продемонстрировал лояльность к новым властям, обратившись к жителям Донецкой области с «умиротворяющим» призывом¹⁰. Митрополит Агафангел не стал делать политических заявлений (и сложил с себя полномочия депутата Одесского облсовета, где представлял Партию регионов), но часть представителей духовенства его епархии поддержали пророссийскую оппозицию новым властям. Так, преподаватель Одесской духовной семинарии протоиерей Георгий Городенцев выступил в поддержку ввода российских войск в Украину и выразил надежду, что они займут всю территорию страны¹¹. А руководитель отдела миссионерства и катехизации Одесской епархии протоиерей Олег Мокряк присутствовал в палаточном городке, в котором расположились «антимайдановцы» и отслужил панихиду по погибшим бойцам «Беркута». В его квартире был проведен обыск — сам священник покинул Одессу, а митрополит Агафангел обратился в его защиту к представителям ООН¹². Пришлось уехать из Украины и ближайшему соратнику митрополита, протоиерею Андрею Новикову, который придерживался ярко выраженных пророссийских взглядов.

Характерно, что 4 мая, в день острейшего конфликта в Одессе, завершившегося кровопролитием, был запущен слух о том, что пророссийские силы получали оружие в одном из храмов Одесской епархии¹³. И хотя этот слух не был подкреплен никакими доказательствами, он свидетельствует о жесткой неприязни к Агафангелу со стороны сторонников украинского национализма.

Позиция Агафангела особенно показательна на фоне крайне прохладного отношения Северодонецкой епархии к другому «гонимому» священнику, протоиерею Олегу Трофимову, который выступил на «антимайданском» митинге и подверг резкой критике позицию иерархии. Когда Трофимов дал интервью «Комсомольской правде» с описанием проблем, с которыми он столкнулся¹⁴, пресс-служба Северодонецкой епархии дезавуировала его высказывания¹⁵. Впрочем, впоследствии, когда обстановка на «крайнем Востоке» Украины (Донецкая и Луганская области) сильно обострилась, в прессе появились сообщения о поддержке «пророссийских» повстанцев и другими священнослужителями УПЦ МП. Похоже, что каждый священнослужитель в данных случаях исходил из собственных политических взглядов.

Во время референдума в Крыму официальное руководство епархий УПЦ заняло нейтральную позицию, тогда как мнения священников также разделились — одни поддерживали украинских военных, находившихся на полуострове, другие, напротив, симпатизировали российской стороне. В то же время Россия взяла на себя неформальную роль «защитника канонического православия» в Украине. В заявлении МИД России от 17 марта среди фактических требований к украинским властям был и запрет вмешательства в дела церкви и в межконфессиональные отношения¹⁶ (судя по всему, имелось в виду сохранение нынешнего статуса УПЦ и запрет стимулировать процесс автокефализации).

Российские СМИ активно продвигали тему преследований канонической церкви — в частности, сообщали о конфликте в Сумской епархии, где в конце февраля архиепископ Евлогий отказался вместе с представителями УПЦ КП отпевать погибшего на Майдане активиста. В Сумах возникло противостояние, которое, однако, не получило развития, так как верующие поддержали своего архиерея. В результате по предложению владыки Евлогия было подписано совместное заявление руководителей политических, общественных организаций и конфессий Сумской области по вопросам сохранения межконфессионального мира и гражданского спокойствия в регионе. Среди подписантов были представители Сумских епархий УПЦ МП и УПЦ КП, члены партий «Батькивщина», «Свобода» и «Удар», общественных организаций¹⁷. Новые украинские власти хотели бы избежать религиозных конфликтов в ситуации противостояния с Россией — что, разумеется, не охранит УПЦ МП от проблем с наиболее националистически настроенной частью украинского общества в дальнейшем.

Таким образом, УПЦ МП как организация подчеркивала свою аполитичность и в то же время приверженность идее сохранения единой Украины. Однако на индивидуальном уровне стратегии поведения священнослужителей были различными — от демонстративного украинского патриотизма до сочувствия про-российским силам. В промежутке между этими «крайними» позициями существовал более или менее конформистский подход, направленный на адаптацию к новым реалиям.

Политика патриарха Кирилла

Позиция руководства Московской патриархии в отношении Украины в марте 2014 года характеризовалась стремлением не совершить роковой ошибки, которая могла бы нанести ущерб позициям РПЦ в Украине или отношениям с российской властью. Причем

в период острого кризиса счет шел буквально на дни. Первого марта, когда в Крыму только появились «вежливые люди» в российской военной форме без опознавательных знаков, один из главных спикеров патриархии протоиерей Всеволод Чаплин напомнил, что «русский народ — разделенная нация на своей исторической территории, которая имеет право на воссоединение в едином государственном теле». Он выразил надежду на то, что «миссия российских воинов по защите свободы и самобытности этих людей и самой их жизни не встретит ожесточенного сопротивления, которое приведет к крупномасштабным столкновениям». Чаплин — далеко не впервые — резко негативно отозвался о современной европейской цивилизации, дав понять, что Россия должна защитить тех, кто не хочет следовать за «европейскими элитами, которые становятся все более маргинальными, потому что их воля не совпадает с волей большинства народов мира и многих в самой Западной Европе»¹⁸.

В тот же день митрополит Онуфрий направил открытое письмо патриарху Кириллу с просьбой «не допустить кровопролития на территории Украины». «Прошу Вас возвысить свой голос о сохранении целостности территории Украинского государства», — говорилось в обращении¹⁹. Таким образом, два противоположных месседжа совпали во времени. Высказывания протоиерея Чаплина (который считается «рупором» Кирилла по политическим вопросам), похоже, были восприняты в руководстве УПЦ как оскорбление. Пресс-секретарь УПЦ МП протоиерей Георгий Коваленко 2 марта заявил, что «ни одного политического заявления патриарха Кирилла мы не воспримем, если он одобрит агрессию России», добавив, что все священники УПЦ МП являются гражданами Украины и намерены сохранять верность своей стране²⁰.

В результате протоиерей Чаплин перестал делать заявления по украинской тематике.

Зато 2 марта состоялся телефонный разговор Патриарха с Александром Турчиновым, который в феврале был избран председателем Верховной рады, а после бегства Виктора Януковича назначен этой же Радой исполняющим обязанности президента. В этот период украинские власти пытались использовать любую возможность общения с российскими представителями, и такой разговор вписывался в эту логику. Однако кроме самого факта беседы украинский лидер ничего не добился. Согласно официальному патриархийному

заявлению, так что полного табу на общение с новыми украинскими лидерами в России не было, а на фоне позиции Нарышкина высказывания Кирилла носили еще не самый жесткий характер — хотя и находились в том же русле.

На следующий день, 3 марта, патриарх Кирилл сделал программное заявление по украинскому вопросу в качестве ответа на обращение митрополита Онуфрия. В этом тексте говорилось, что патриарх сделает «все возможное, чтобы убедить всех тех,

“Украинская православная церковь Московского патриархата подчеркивала свою аполитичность и, в то же время, приверженность идее сохранения единой Украины”.

отчету, стороны обменялись мнениями относительно текущей ситуации в стране (что в «переводе с дипломатического языка» означает отсутствие согласованных позиций), а Кирилл заявил о необходимости исключить «проявления насилия и любой дискриминации по национальному или религиозному признаку» (такая формулировка соответствовала интересам российской стороны).

Показательна небольшая деталь — на официальном сайте Московской патриархии Турчинов именовался «назначенным Верховной радой Украины временно исполняющим обязанности Президента Украины», а о его руководстве Радой даже не упоминалось²¹. Таким образом, патриарх — в полном соответствии с официальной позицией России — воздержался от хотя бы частичного признания легитимности своего собеседника. Примечательно, что с Турчиновым беседовал по телефону и председатель Государственной думы России Сергей Нарышкин, который прямо заявил, что Россия будет считать его военным преступником в случае, если против жителей юго-востока Украины и Крыма будет применена воен-

ная сила, что нельзя допустить гибели мирных людей на дорогах для моего сердца земле Украины». Кирилл особо отметил, что «Церковь не занимает ту или иную сторону в политической борьбе» и что причиной пролитой в Киеве крови стала ненависть, проявленная «участниками противостояния с разных сторон» (то есть и со стороны бывшей власти). Впрочем, в тексте содержался и пассаж, допускающий различные толкования. Кирилл упомянул о том, что братство русского, украинского и белорусского народов — реальность, которая «должна определить наше будущее, и ее нельзя приносить в жертву сиюминутным интересам»²². Если в УПЦ МП такую формулировку могли воспринять как миротворческий призыв, то в Кремле — как продвижение идеи Евразийского союза и неприятие интеграции Украины в Европу (в контексте позиции, озвученной за пару дней до этого протоиереем Чаплиным).

С 5 по 9 марта Кирилл находился в Стамбуле, где проходило собрание предстоятелей православных церквей, посвященное подготовке Всеправославного собора 2016

года. На этом мероприятии Патриарху было важно не допустить включения в соборную повестку дня вопроса об автокефалии, в рамках которого могла бы обсуждаться и украинская проблематика. Кроме того, РПЦ была заинтересована в том, чтобы каждая церковь на будущем соборе имела право вето на принимаемые решения. Обе задачи Кириллу удалось решить, хотя не без издержек — в собрании не принял участие новый предстоятель Православной церкви Чешских земель и Словакии, продвинутой на своей пост при активном участии Московского патриархата вопреки мнению Константинопольского. Кроме того, председательствовать на Всеправославном соборе будет Константинопольский патриарх, «первенство чести» которого в православном мире хотя и признается Московским патриархатом, но без особого энтузиазма.

Если в дальнейшем Московская патриархия и играла роль в попытках разрешения украинского кризиса, то сугубо непублично. Кремль был явно не заинтересован в повышенной активности патриарха — если бы Кирилл принял на себя посредническую роль, то неизбежно способствовал бы легитимации новой украинской власти (в противном случае посредничество было бы невозможным). Патриарх отсутствовал на заседании Федерального собрания, на котором Владимир Путин выступил с посланием о присоединении Крыма к России (РПЦ представлял митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий). Отсутствие патриарха было замечено прессой, Кирилл оказался чуть ли не единственным представителем высшего российского истеблишмента, который проигнорировал данное мероприятие. Понятно, что присутствие патриарха выглядело бы в глазах руководства УПЦ МП политической демонстрацией, фактическим благословением позиции Путина, чего предстоятель не мог допустить.

Отметим также, что на заседании Священного Синода РПЦ, состоявшемся 19 марта, не было принято никаких решений о судьбе трех крымских епархий, которые остаются в составе УПЦ МП, действующей только на территории Украины. Таким образом, для Синода РПЦ Крым формально остается украинским — хотя, конечно, на этом внимание не акцентировалось. Более того, в заявлении Синода по украинскому вопросу говорилось, что РПЦ не отождествляет себя ни со сторонниками евроинтеграции, ни с приверженцами «развития отношений с народами исторической Руси»²³. Это явно позитивный жест в отношении УПЦ МП и ее местоблюстителя митрополита Онуфрия, включенного на этом заседании в число постоянных членов Синода. Примечательно, что сам Онуфрий на заседание не приехал — можно предположить, чтобы с его визитом в Москву не было связано завышенных ожиданий, впрочем, он не вызвал и разочарований относительно способности духовной власти повлиять на светскую.

В то же время патриархия предприняла ряд шагов навстречу Кремлю. 14 марта патриарх выступил с проповедью, где упомянул, что в прошлые века враги хотели «разделить наш народ, и особенно оторвать южные и западные русские земли от единого мира»²⁴. И хотя затем он упомянул об уважении к суверенитету независимых государств, существующих на пространстве Русского мира, но историческая аналогия выглядела вполне определенной. А в начале апреля патриархия сформулировала асимметричную реакцию на украинские события, которая, не затрагивая интересы УПЦ МП, в то же время выглядела бы осуждением прихода к власти в Украине прозападных сил. Для этого был найден необычный повод: 4 апреля председатель отдела внешних церковных связей митрополит Волоколамский Иларион заявил, что украинские события «существенно отбросили назад» отношения

православных и католиков, и в частности подготовку встречи патриарха Кирилла с папой Римским. Православный иерарх, входящий в ближайшее окружение Кирилла, использовал в качестве аргументации греко-католическую тему. По его мнению, «в нынешнем гражданском противостоянии греко-католики сразу же заняли позицию одной из сторон», которая, по его словам, организует «очередной крестовый поход против православия»²⁵.

Вопрос о встрече патриарха и папы носит «хронический» характер — если он не был разрешен при папе Бенедикте XVI, которому в РПЦ явно симпатизировали, то при папе Франциске эта тема стала еще менее актуальной. При Бенедикте был хотя бы предмет для встречи (общее отстаивание консервативных ценностей в условиях доминирования сторонников модернистских принципов в современной Европе), но похоже, что Франциску, который стремится адаптировать Католическую церковь к современным реалиям, этот вопрос не слишком интересен. Кроме того, встреча патриарха с любым папой неизбежно вызовет протесты со стороны наиболее консервативной части православных верующих, мнение которых приходилось учитывать как Алексею II, так и Кириллу. Поэтому патриархия могла без особых сомнений «пожертвовать» подобной возможностью.

Некоторые перспективы

Пока рано делать долгосрочные прогнозы относительно дальнейшей судьбы УПЦ и ее взаимоотношений с патриархом Кириллом — на момент написания статьи кризис вокруг Украины был в самом разгаре. Однако два предварительных вывода все же можно сделать.

Во-первых, украинский кризис показал, что российское государство не носит клерикального характера. РПЦ действительно обладает в нем влиянием большим, чем другие конфессии, и государство при необхо-

димости охотно апеллирует к православным ценностям. Но когда речь идет о государственных интересах, приоритеты Церкви не принимаются в расчет, и свои проблемы в украинском кризисе патриарху Кириллу пришлось решать самостоятельно. Попытки применения «мягкой силы» с использованием ресурса РПЦ оказались неэффективными — и тогда вместо них был пущен в ход «жесткий» силовой ресурс. Церковь не смогла также выполнить миротворческую роль в ситуации острого цивилизационного столкновения — более того, сама концепция Русского мира оказалась в значительной степени дискредитирована.

Во-вторых, вопрос об объединении УПЦ МП с неканоническими украинскими православными церквями или провозглашение автокефалии УПЦ МП вряд ли в обозримом будущем окажутся на повестке дня, несмотря на возможное потепление отношений между разными украинскими конфессиями. «Миноритарии» вряд ли откажутся от своей идентичности, если условием станет покаяние, тем более что УПЦ КП сейчас воспринимается как «церковь Майдана». Впрочем, наряду с очевидными плюсами, в этом есть и риск — неизвестно, как эти события будут восприниматься хотя бы в среднесрочной перспективе, и тогда близость к Майдану и связанная с этим политизация могут обернуться для УПЦ КП дополнительными проблемами. Вопрос каноничности важен для православного сознания, и необходима полная консолидация верующего народа, чтобы согласиться на самопровозглашенную автокефалию, как это было в Болгарии во второй половине XIX — первой половине XX века. Более вероятен другой вариант — дальнейшее обособление от Москвы, с которым РПЦ должна будет считаться. И степень этого обособления будет во многом зависеть от характера межгосударственных российско-украинских отношений. При этом обособление будет столк-

ваться с неприятием со стороны пророссийской части клира и прихожан, тогда как сторонникам украинской национальной идеи масштаб обособления может показаться

слишком незначительным. И в такой ситуации Церкви придется приспособливаться, чтобы не потерять немалую часть верующих и сохранить позиции в обществе. ■

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ Отметим, что УПЦ МП является крупнейшей конфессией Украины. По данным на 1 января 2013 года она включала в себя 12 485 приходов. Для сравнения: неканоническая Украинская православная церковь Киевского патриархата (УПЦ КП) насчитывает 4536 приходов, неканоническая Украинская автокефальная православная церковь (УАПЦ) – 1205 приходов, а Украинская греко-католическая церковь (так называемые униаты) – 3734 прихода. Более того, в состав УПЦ МП входит 203 монастыря с 4873 монахами, тогда как количество монастырей ее главного конкурента в православном религиозном пространстве, то есть УПЦ КП, существенно меньше – 59 (181 монах), а монастыри УАПЦ существуют, похоже, лишь номинально – 11 (при 10 монахах). См.: http://risu.org.ua/php/uploads/files/articles/ArticleFiles_51768_Forma1_2013.pdf

² http://risu.org.ua/ru/index/all_news/state/church_state_relations/55040

³ <http://www.kommersant.ru/doc/1106337?isSearch=True>

⁴ <http://apologiya.orthodoxy.ru/raskol/1.htm>

⁵ <http://sinod.church.ua/2014/02/25/zvernennya-do-jepiskopatu-duhovenstva-chernectva-tamiryan-u-zvyazku-z-ostannimi-podiyami-v-ukrajini-24-lyutogo-2014-roku/>

⁶ http://www.religion.in.ua/news/ukrainian_news/25096-glava-voennogo-otdela-upc-mitropolit-avgustin-blagoslovil-ukrincev-na-zashhitu-strany-ot-posyagatelstv-rossijskoj-armii.html

⁷ <http://www.pravmir.ru/episkop-lvovskij-filaret-vladimiru-putinu-xochu-predupredit-vas-ob-otvete-pered-bogom>

⁸ http://news.liga.net/video/politics/1091874-mitropolit_upts_mp_nazval_putina_banditom.htm

⁹ <http://izvestia.ru/news/568228>

¹⁰ <http://www.donbass-info.com/content/view/10140/10151/>

¹¹ http://ruskline.ru/news_rl/2014/03/01/osnovaniya_i_vozmozhnosti_vvedeniya_rossijskih_vojsk_na_ukrainu

¹² <http://www.pravmir.ru/mitropolit-odesskiy-i-izmailskiy-agafangel-prosit-oon-zashhitit-svyashhennika-ot-presledovaniy>

¹³ <http://www.trust.ua/news/94551-upc-moskovskogo-patriarhata-v-odesse-razdavalaseparatistam-avtomaty.html>

¹⁴ <http://www.kp.ru/daily/26210/3095178>

¹⁵ <http://orthodoxy.org.ua/data/severodoneck-v-eparhii-oprovergayut-fakty-izlozhennye-v-intervyumejnogo-svyashchennika.html>

¹⁶ http://mid.ru/brp_4.nsf/newslines/49766426492B6E9644257C9E0036B79A

¹⁷ <http://www.pravmir.ru/na-sumshhine-podpisano-sovmestnoe-zayavlenie-o-soxranenii-mezhkonfessionalnogo-mira>

¹⁸ <http://www.interfax-religion.ru/?act=news&div=54620>

¹⁹ <http://www.pravmir.ru/mitropolit-chernovickij-onufrij-prosit-patriarxa-kirilla-nedopustit-krovoprolitiya-v-ukraine>

²⁰ <http://lenta.ru/news/2014/03/02/bulletinabile>

²¹ <http://www.pravoslavie.ru/news/68894.htm>

²² <http://www.patriarchia.ru/db/text/3588256.html>

²³ <http://www.patriarchia.ru/db/text/3609112.html>

²⁴ http://ruskline.ru/news_rl/2014/03/15/patriarh_kirill_400_s_lichnim_let_predprinimalis_popytki_raskolot_i_razdelit_russkij_mir

²⁵ <http://ria.ru/world/20140404/1002565277.html>

Четвертое взятие Крыма

Военная составляющая крымской операции поставила важный вопрос: как может развиваться «либеральная» военная реформа в условиях, когда страна остается авторитарной | **АЛЕКСАНДР ГОЛЬЦ**

Проведенная центральной российской властью в феврале—марте 2014 года военная операция по взятию Крыма (можно использовать любые другие определения — «присоединение», «освобождение», «оккупация», которые лишь указывают на политические пристрастия аналитика, но ничего не прибавляют анализу) была четвертой по счету в истории полуострова (1783, 1920, 1944 годы). Ее главное отличие от предыдущих в том, что она была практически бескровной (если не считать инцидента при попытке захвата украинской воинской части в Симферополе, стоившего двух человеческих жизней). Эта «странная» операция дала немало возможностей для интерпретаций самого разного рода. В то время как ряд исследователей и журналистов превозносят до небес стратегический гений ее организаторов и заявляют, что Москва открыла ни больше ни меньше чем новый вид военных действий, характерный для XXI столетия, сами ее руководители делают вид, что никакой операции не было вовсе. «Нам говорят о какой-то российской интервенции в Крыму, агрессии. Странно это слышать. Что-то не припомню из истории ни одного случая, чтобы интервенция проходила без одного-единственного выстрела и без человеческих жертв»¹, — пытался иронизировать по этому поводу Владимир Путин (удивительно, что профессиональный германист

забыл о совершенно бескровном аншлюсе Австрии 1938-го²). А украинские любители теории заговоров уже выдвигают экзотические версии о том, что Крым был сдан по предварительному сговору Москвы и Киева. Так, на пресс-конференции в Харькове народный депутат Рады Анатолий Гриценко заявил: «Турчинов (и.о. президента. — **А.Г.**) не способен выполнять возложенные на него обязанности. Это уже понятно всем. Под руководством Турчинова власть сдала Крым, сейчас сдает восток страны, что дальше — сдача Киева?!...»³

Без единого выстрела

Попробуем восстановить хронологию событий, для того чтобы понять, что же именно произошло в Крыму в феврале и марте 2014-го. Бурные события в Киеве зимы 2013—2014 годов, завершившиеся насильственной сменой власти, вызвали неоднозначную реакцию на полуострове, которая вылилась в митинговое противостояние 26 февраля. На центральной площади Симферополя рядом со зданием парламента собрались как представители «русской общины», так и крымско-татарского населения. Требования обеих групп митингующих к депутатам Верховной рады Крыма, заседавшим буквально в нескольких десятках метров от них, были прямо противоположными. И не случайно парламентарии не приняли в тот

день никаких конкретных решений. Более того, создалось впечатление, что крымские татары, которые были явно лучше организованы, способны пересилить, случись в Симферополе противостояние, подобное киевскому.

Но после бегства Виктора Януковича, которое Путин считал геополитическим поражением, он не мог позволить себе еще одного. И на следующий день была запущена операция, план которой был, очевидно, разработан в ходе нескольких заседаний Совета Безопасности при президенте России. В ночь на 27 февраля несколько десятков неизвестных в камуфляже без знаков различия ворвались в здания Верховного Совета и республиканской администрации. Охрана зданий была изгнана. Люди, осуществившие захват, вели себя нетипично для террористов. Они не выдвигали никаких требований, отказывались от переговоров с представителями местных властей, включая и председателя правительства Крыма Анатолия Могилева. Впрочем, они совсем не препятствовали проходу в здание республиканской Рады членов ее президиума. Члены президиума крымского парламента приняли под дулами калашниковых те судьбоносные решения⁴, которые не смогла днем раньше одобрить крымская Рада, когда собиралась в полном составе. Председателем правительства был утвержден Сергей Аксенов, чья партия располагала в республиканском парламенте двумя местами, также был сформулирован вопрос референдума; впрочем, независимо от формулировки, само проведение референдума явно указывало на то, что дело идет к отделению полуострова от Украины.

Тем временем, в тот же день, другие люди в стандартной униформе без знаков различия взяли под контроль Перекопский перешеек и полуостров Чонгар, по которым проходят два шоссе и одна железная дорога, связывавшие Крым с остальной Украиной.

Точно таким же образом был установлен контроль над аэропортом Симферополя. Одновременно этими же подразделениями были блокированы расположенные на полуострове части украинской армии.

Двумя днями позже, 1 марта, срочно созванный Совет Федерации РФ за час с небольшим обсуждений наделил Владимира Путина правом использовать российские войска на Украине «для защиты русскоязычного населения». Сенаторы не затрудняли себя аргументами. Один из них весьма к месту процитировал Маяковского: «Тише ораторы, ваше слово, товарищ маузер»⁵. А еще через два дня на спешно созванной пресс-конференции Путин заверил, во-первых, в том, что никаких планов по присоединению Крыма у Кремля нет, а во-вторых, в том, что неизвестные, фактически захватившие власть на полуострове вооруженным путем, не имеют никакого отношения к российской армии. Если верить его тогдашним словам, то и новейшую российскую экипировку «Ратник» и калашниковы новейшей модификации, а также снайперские винтовки, бронев автомобили «Рысь» и «Тигр» можно нынче закупить в любом магазине за углом⁶. Ему вторил министр обороны Сергей Шойгу, который в ответ на вопрос, откуда у так называемых сил самообороны «Рыси» и «Тигры», официально никому еще не поставившиеся, заявил: «Понятия не имею»⁷. По-видимому, за следующим углом бойцов из мифических сил самообороны Крыма обучали единой тактике действий в составе подразделений спецназа ГРУ. Лишь 17 апреля, полтора месяца спустя, в ходе телеобщения с россиянами Владимир Путин признал очевидное: за спиной крымской самообороны находились «мирные» российские военные, чье присутствие, оказывается, должно было обеспечить свободу волеизъявления крымчан⁸.

В действительности российские руководители делали публичные заявления о том, что

на киевском Майдане Запад использовал специально подготовленных наемников для проведения военного переворота⁹. И решили ответить адекватно. Так как подготовленных наемников на тот момент не было, использовали регулярную армию. Скорее всего, перебросили в Крым тактические группы спецназа ГРУ общей численностью около тысячи человек. А потом действовали по принципу: «Не пойман — не вор».

Сразу же после путинской пресс-конференции был запущен процесс отделения Крыма от Украины и присоединения его к России. Военная часть операции свелась к захвату воинских частей украинской армии: «вежливые зеленые человечки» в полном соответствии с указаниями Верховного главнокомандующего¹⁰ запускали впереди себя гражданских людей и, благодаря живому щиту, захватывали размещенные на полуострове украинские воинские части. При этом переговоры с осажденными об условиях передачи имущества и вооружения уже без всякого стеснения вели российские военачальники¹¹.

21–22 марта 2014 года операция по присоединению Крыма была успешно завершена. Решающими шагами стали: установление контроля над штабом ВМС Украины в Севастополе (19 марта), а также над расположением 36-й бригады береговой обороны в селе Перевальное (21 марта), которое представляло собой основу сухопутной группировки украинских войск на полуострове, и расположением 204-й бригады тактической авиации на территории аэропорта Бельбек (22 марта). Важное психологическое значение имел бескровный захват штурмовыми группами украинских кораблей. 26 марта начальник Генерального штаба России Валерий Герасимов бодро отрапортовал, что под юрисдикцию Москвы перешли аж 193 украинских подразделения¹².

Сдались без боя

Почему же нигде украинские воинские части не оказали сопротивления, почему большинство офицеров предпочли перейти на российскую сторону? Майдан, российская аннексия Крыма, последовавшие беспорядки в юго-восточных областях, которые переросли в военный мятеж, оказались для украинских вооруженных сил слишком уж тяжелым испытанием. Все годы существования Украины как независимого государства руководители этой страны предпочитали думать, что никакой военной опасности не существует вовсе. Ведь если рассматривать в качестве военной угрозы Россию, ядерное государство с миллионной армией, то противостояние ей неизбежно привело бы к истощению всех ресурсов государства. В результате в течение двадцати лет армия финансировалась по остаточному принципу, то есть практически никак. А осенью 2013 года президент Янукович принял решение о резком сокращении численности Вооруженных сил (с 200 до 80 тыс. военнослужащих) и подписал указ о переходе армии на добровольческий принцип формирования. Таким образом, в момент кризиса в украинских частях находились срочники, которым оставались последние месяцы службы. Что, разумеется, вовсе не придавало им боевого пыла. К тому же очевидно, что в большинстве своем украинские военные — как офицеры, так и рядовые — вовсе не испытывали особых симпатий к любым политикам, которые в течение двадцати лет держали Вооруженные силы на голодном пайке.

Объясняя Верховной раде, почему не удалось организовать военное противодействие захвату Крыма, исполнявший тогда обязанности министра обороны Украины Игорь Тенюх нарисовал удручающую картину состояния украинской армии: при общей численности Сухопутных войск (СВ) Вооруженных сил Украины (ВСУ) в 41 тыс. человек и формальной численности боеготовых частей СВ

в 20 тыс. человек фактически боеготовы оказались только 6 тысяч¹³.

И уж тем более у украинских военнослужащих не было никакой симпатии к тем, кто добился власти в Киеве в результате силового противостояния. Наконец, добавим к этому, что новые украинские власти просто растерялись, когда люди без знаков различия стали захватывать административные здания и стратегические объекты, а потом и блокировать украинские воинские части. В течение всего крымского кризиса в Киеве так и не смогли сформулировать внятного приказа своим военным. По одним данным, там тянули время, рассчитывая договориться с Москвой о некоей всеобщей демилитаризации полуострова¹⁴. По другим, вполне цинично хотели, чтобы украинские офицеры и солдаты героически погибли в схватке за Крым. Но так, чтобы ни один из украинских политиков не запятнал себя приказом об открытии огня.

Показанный по украинскому телевидению диалог Игоря Тенюха с Алексеем Никифоровым, заместителем командира по воспитательной работе украинского батальона морской пехоты в Керчи, убедительно демонстрирует страх ответственности, охвативший военно-политическое руководство на Украине. В ответ на слова Никифорова о том, что он ждет конкретных указаний и что нужно немедленно провести переговоры о выводе верных Украине военных, Тенюх не нашел ничего лучше, как обвинить в трусости офицера, требовавшего всего лишь ясно сформулировать приказ¹⁵.

Дальнейшие события в Донецкой и Луганской областях, когда прибывшие для проведения «антитеррористической операции» военнослужащие переходили на сторону тех, кто захватывал госучреждения, еще раз продемонстрировали уровень разложения украинской армии.

При этом следует отметить, что условия сдачи, предложенные украинским военнос-

лужащим, были в высшей степени щедрыми. Всем, кто переходил на сторону «властей Крыма», а затем и России было обещано продолжение службы в российской армии на вполне льготных условиях, о которых, скажем откровенно, их российские коллеги могут только мечтать. Из интервью первого заместителя начальника Главного управления кадров Министерства обороны России контр-адмирала Петра Антипина следует: принято решение о том, что бывшие части ВС Украины войдут в российский Черноморский флот с прежним штатным расписанием. То есть у всех военнослужащих бывших украинских частей есть возможность продолжить службу на тех же должностях, на которых они находились до сих пор. Более того, им сохранят должности, даже если таковых в российской армии не было вовсе. Например, в Вооруженных силах Украины должности военных юристов, финансистов и пожарных комплектуются военнослужащими, а в нашей армии — гражданскими специалистами. «Эту проблему мы решим в пользу украинских военнослужащих, то есть будем оставлять в штате для них соответствующие воинские должности. И им не придется снимать погоны, если они захотят остаться служить по своей специальности», — пообещал контр-адмирал Антипин. И, наконец, нечто уж совсем из ряда вон выходящее: «Руководством Министерства обороны принято решение о том, что все они (бывшие украинские военнослужащие — А.Г.) получат возможность служить на территории Крыма»¹⁶. Понятно, чем руководствовались российские военачальники, когда раздавали эти обещания. Нужно было любыми средствами добиться массового перехода украинских военных на сторону победителей, дабы обеспечить хоть какую-то легитимность происходящему. Не случайно именно в эти дни правительственные информационные агентства разместили вполне анекдотичную информацию о том,

что боевые дельфины и морские котики из Севастопольского океанариума будут служить в Вооруженных силах России...

В действительности при всей щедрости обещаний вряд ли у тех, кто перешел на российскую службу, сложатся успешные военные карьеры. Верность присяге — одна из важнейших основ военной службы (у Бориса Ельцина и Павла Грачёва хватило ума и такта не заставлять советских офицеров клясться в верности новому российскому государству в 1992-м). Профессиональные военные неизбежно глубоко презирают тех, кто переприсягал. А некоторые бывшие украинские военные вроде бывшего командующего украинскими ВМС, а ныне заместителя командующего Черноморским флотом России контр-адмирала Дениса Березовского умудрились присягнуть дважды за один месяц — сначала «народу Крыма», а потом уже России. Оттого что выбор сделан в пользу стороны, предложившей лучшие материальные условия, вся эта история выглядит еще более позорно.

В этом смысле показательно подчеркнутое уважение, с которым российские военные отнеслись к тем, кто присяге не изменил¹⁷. К сожалению, нет уверенности и в том, что новая украинская власть по достоинству оценит выдержку и верность тех двух тысяч военнослужащих, кто решил продолжить службу на Украине. Политики не жалуяют тех, кто является свидетелями их слабости и растерянности. Но сказать по чести, именно уход тех, кто выстояли, не предав (а вовсе не полумифическая битва при Конотопе¹⁸), и должен был стать отправной точкой в создании новой армии Украины. Армии, которую еще предстоит построить.

Метаморфозы «маленьких зеленых человечков»

На фоне очевидной немощи украинской армии Вооруженные силы России продемонстрировали неплохую выучку и боеготов-

ность. Роль, которую сыграла российская армия в захвате Крыма, заставляет задуматься о последствиях радикальной военной реформы. Полтора года назад, когда Анатолия Сердюкова с позором изгоняли с поста главы военного ведомства, недоброжелатели поведали немало историй (скорее всего вымышленных), которые должны были свидетельствовать о глубоком презрении опального министра к людям в военной форме. В частности, Сердюков якобы называл военных «зелеными человечками». Образ пережил удивительную метаморфозу во время крымских событий. Бойцов, захвативших полуостров, стали уважительно именовать «вежливыми зелеными людьми»¹⁹.

Наблюдатели отмечают удивительные изменения, произошедшие с российской армией за пять лет, которые минули после войны с Грузией. Подтянутые, аккуратные, дисциплинированные (и заметим, совершенно трезвые) солдаты и офицеры разительным образом отличались от тех, кто воевал с Грузией. Напомню, что тогда российские солдаты не гнушались откровенным мародерством, вынося с территории захваченных грузинских частей буквально все, что попало под руку: от американских Хаммеров до солдатских ботинок. (Надо сказать, что солдаты-срочники хватили все, что плохо лежало, и во время войны в Афганистане, и во время действий российских Вооруженных сил в Чечне.)

«Ратник», название нового с иголочкой обмундирования военнослужащих, действовавших в Крыму, стало одним из символов операции («От ватника до “Ратника”» — назвал свой текст журналист «Московского комсомольца»²⁰). Отдельного разговора заслуживает оснащение участников операции средствами разведки и связи. Все бойцы имели индивидуальные средства связи, а журналисты из «Нью-Йорк таймс»²¹ обнаружили специальную установку по подавлению связи

противника. Вспомним, как во время марша на Цхинвали командующий российской группировкой генерал Анатолий Хрулев просил мобильник у журналиста, чтобы отдать приказ подчиненным...²²

Впрочем, то, что происходило непосредственно на полуострове, не дает достаточно материала, чтобы составить представление о случившихся переменах. «Грузинская» и «крымская» операция серьезно отличаются друг от друга. В 2008-м непосредственные боевые действия были развязаны грузинской стороной. Москва была вынуждена использо-

вание крупных масс войск, осуществленное в ходе крымской кампании. Скорее всего (вопреки утверждению Путина, что никто не собирался вести боевые действия в Крыму), российский Генштаб допускал как возможность сопротивления украинских частей в Крыму, так и то, что Киев попытается оказать им военную поддержку. Поэтому сосредоточение российских сил на юго-восточной границе с Украиной первоначально имело целью сковать украинские силы, не позволить перебросить их в Крым. Впоследствии эти силы стали выполнять ту же функцию, под-

“В ситуации, когда Россия игнорирует основные принципы европейской безопасности, Западу остается полагаться на логику эпохи холодной войны”.

вать части, дислоцированные неподалеку от Южной Осетии. В наспах сформированной группировке было до 25 проц. солдат срочной службы. Использовалась вся боевая техника, бывшая в наличии, в том числе и та, что находилась длительное время на базах хранения. В результате до четверти боевых машин сломались, не дойдя до Рокского тоннеля.

В Крыму же, как сказано выше, вероятнее всего, действовали заранее переброшенные на полуостров бригады спецназа ГРУ — элита Вооруженных сил РФ. Легкость захвата полуострова объясняется сочетанием нескольких факторов. Самые главные, разумеется — поддержка аншлюса подавляющим большинством крымского населения и неспособность украинской стороны к военному противоборству. Кроме того, Крым можно было сравнительно легко отрезать от остальной части Украины. Достаточно перекрыть шоссе и железную дорогу на Перекопском перешейке. Для этого хватило бы несколько сотен хорошо обученных людей — то есть одной — двух бригад ГРУ.

Представляется, что с военной точки зрения куда интереснее оперативное разверты-

держивая российскую секретную операцию в Донецкой и Луганской областях Украины.

Первое развертывание проходило под видом «внезапной проверки», провести которую потребовал Верховный главнокомандующий 26 февраля. По тревоге были подняты войска Западного и Центрального военных округов, задействованы Воздушно-десантные войска, войска Воздушно-космической обороны, Военно-транспортная и Дальняя авиации. По словам министра обороны Сергея Шойгу, проверка охватила 150 тыс. военнослужащих, почти столько, сколько участвовало во «внезапной проверке» войск Восточного военного округа полгода назад.

Сам Шойгу отрицал, что «проверка» имела хоть какое-то отношение к событиям на Украине: «Мы никоим образом не связываем эти вещи... Эти учения будут происходить в том числе и у границ России с другими государствами, — сказал он. — В их число может попасть и Украина»²³. При этом министр изволил пошутить, что, если подобная проверка боеготовности российских войск будет проводиться у границ Финляндии, это вряд

ли вызовет у кого-то интерес и будет широко обсуждаться в прессе.

Сейчас очевидно, что «проверка» представляла собой подготовку к крымской и последующим операциям. Она дала возможность отмотилизовать соединения, которые предполагалось задействовать в готовившейся операции, вывести их в районы сосредоточения (в отдельных случаях даже на рубежи развертывания), проверить готовность вооружений и военной техники. Однако время этой внезапной проверки было ограничено всего 72 часами. Дело в том, что Москва, собравшаяся нарушить все базовые международные договоренности, настаивала на том, что она скрупулезно выполняет все свои обязательства по соглашениям в военной области.

После того как в 2007-м Россия фактически вышла из Договора по обычным вооружениям в Европе (ДОВСЕ), военная деятельность на континенте регулируется Венским документом 2011 года. Согласно ему, государства могут проводить внезапные проверки войск без приглашения иностранных наблюдателей, но тогда численность военнослужащих, участвующих в них, не должна превышать 38 тыс., а сами проверки не должны длиться больше четырех суток. Заместитель министра обороны Анатолий Антонов вертелся как уж на сковородке, объясняя, каким образом проверка войск соответствует Венскому документу: «Мы привлекаем не более 38 тыс. личного состава. Предусматривается задействовать это количество личного состава на срок не более 72 часов. ... У вас не должно быть смешения цифр 150 тыс., которые я обозначил, и 38 тысяч. Я говорю о 38 тыс., подпадающих под требования Венского документа. К ним относятся сухопутные войска, ВДВ, морская пехота»²⁴.

Если понимать замминистра буквально, то эти слова означают: на плавсостав Балтийского и Северного флотов, Дальнюю и Военно-транспортную авиацию приходится

аж 112 тыс. военнослужащих. На самом деле из слов Антонова следует: объявленные 150 тыс. военнослужащих в подавляющем большинстве находились за Уральским хребтом.

Но по прошествии 72 часов потребовался новый повод для того, чтобы сохранять войска у украинской границы, и при этом не приглашать иностранных наблюдателей и иметь полную свободу рук. Было объявлено, что российские соединения заняты «интенсивной боевой подготовкой» по плану весенне-летней учебы. Якобы каждое соединение отрабатывает собственные учебные задания, которые могут включать переброску на более чем 500 километров на незнакомые полигоны. Но никаких совместных маневров не проводится, и посему под действие Венского документа эта «боевая учеба» не попадает. Следовательно, наблюдателей Россия приглашать не обязана. А то, что украинцам и представителям государств — членов НАТО было разрешено облететь приграничные районы (в момент, когда войска уже начали уходить), — лишь свидетельство доброй воли российских властей.

Как бы то ни было, но тот факт, что лишь Венский документ о мерах доверия является, по сути дела, единственным ограничителем военной активности России на континенте, говорит о многом. Еще недавно многим аналитикам (включая и автора) казалось: после завершения холодной войны в Европе уже избыточны соглашения, которые гарантируют, что ни одна из стран не сможет сконцентрировать достаточно сил для внезапной агрессии. Теперь же выясняется: в ситуации, когда Россия просто игнорирует основные принципы европейской безопасности, сложившиеся в постсоветский период, Западу остается полагаться на принципы и логику эпохи холодной войны.

Официальная Москва не признала даже факта существования военной группировки. Главнокомандующий Объединенными

вооруженными силами НАТО в Европе американский генерал Филипп Бридлав заявлял о 30–40 тыс. военнослужащих. Анализируя размещенные в социальных сетях фотографии и видеосъемку, а также сообщения украинской прессы, в редакционной статье газеты «Ведомости» высказано предположение, что свои батальонные тактические группы (БТГр) на учения в приграничные с Украиной области могли отправить: 4-я гвардейская танковая (Кантемировская) и 2-я гвардейская мотострелковая дивизии (Таманская) из Подмосквья, 76-я гвардейская десантно-штурмовая дивизия из Пскова, 31-я гвардейская десантно-штурмовая бригада из Ульяновска, 106-я гвардейская десантно-штурмовая дивизия из Тулы, а также 23-я отдельная мотострелковая бригада из Самары²⁵.

Таким образом, следует констатировать, что российскому Генштабу удалось осуществить в течение примерно полутора суток скрытую переброску сорока тысяч военнослужащих и их оперативное развертывание. По словам Шойгу, во внезапной проверке были задействованы командно-штабные структуры трех военных округов и четырех армий. Если вспомнить, что в ходе второй чеченской войны в момент вторжения бандформирований на территорию Дагестана потребовалось около двух недель для начала развертывания федеральных войск, то прогресс разительный.

Мобильность нескольких элитных соединений и стала главным итогом «сердюковских» реформ. Вероятно, объявленная цифра в 150 тыс. военнослужащих, участвовавших в так называемой «внезапной проверке», которая была сообщена накануне операции по захвату Крыма, была серьезно завышена²⁶. Тем не менее их оказалось достаточно, чтобы сковать силы украинской армии, лишить ее всякой возможности противодействовать аннексии полуострова. Следует констатировать, что в результате реформы Россия обладает сегодня

военным потенциалом, обеспечивающем ей абсолютное военное превосходство по крайней мере на «постсоветском пространстве».

После победы над Грузией военно-политическое руководство России осознало: несмотря на серьезное финансирование, Вооруженные силы чудовищно неэффективны, и, будь противник хоть чуть-чуть сильнее, все могло бы кончиться поражением. Это обстоятельство и дало толчок самой радикальной за 150 лет военной реформе. В результате проведенных в течение трех лет кардинальных сокращений численности офицерского корпуса (свыше 100 тыс. военнослужащих) и ликвидации соединений неполного состава (на которые приходилось около 80 проц. всех сухопутных войск). Россия фактически отказалась от концепции массовой мобилизационной армии. До сокращений избыток командного состава — один офицер на двух рядовых — и преобладание кадрированных соединений позволяли, по крайней мере теоретически, в короткий срок мобилизовать миллионы резервистов (к которым Генштаб относит практически все мужское население страны). Сегодняшняя демографическая ситуация такова, что массовую мобилизацию осуществить в принципе невозможно: необходимого количества резервистов просто нет. Иными словами, сочетание нынешнего политического строя и сложившейся демографической ситуации делали армию совершенно неэффективной. О чем несколько раз откровенно говорил и сам Владимир Путин.

Однако проблема заключалась в том, что отказ от массовой мобилизационной концепции означал массовые увольнения тех, кто является путинским ядерным электоратом. Тот, кто брался за армейскую реформу, неизбежно обрекал себя на роль козла отпущения. Анатолию Сердюкову позволили сделать самую грязную часть работы — уволить из Вооруженных сил тысячи офицеров и пра-

порщиков, а потом под предлогом борьбы с коррупцией уволили и его самого. В жизни Сердюкова едва ли было что-то необычное, что отличало его от других путинских вельмож. Он и в страшном сне не мог представить, что в качестве главного обвинения ему предъявят использование солдат на строительстве дороги к санаторию, где состоялась историческая рыбалка Путина и Медведева, во время которой последний узнал, что в 2012-м его сменит Путин. В действительности Сердюков был отставлен, поскольку противопоставил себя союзу нескольких бюрократов,

нового типа офицера, готового и способного постоянно учиться и самосовершенствоваться. В программах военных вузов все большее место отводилось гуманитарным предметам, прежде всего, изучению иностранных языков. Сергей Шойгу быстро положил этому конец, вернул военные вузы в подчинение главкоматам видов Вооруженных сил, чем обрек будущих офицеров на роль военных ремесленников, способных за время карьеры освоить лишь одну-две системы вооружений. Как и в армии советского образца, большего от них не требовалось.

“Шойгу в отличие от Сердюкова предпочитает изменять российскую армию, формально придерживаясь старых организационных и идеологических форм”.

которые планировали стать бенефициарами гигантской (на 23 трлн рублей) госпрограммы перевооружения

Что до самой военной реформы, то ее объявили успешно завершенной еще в 2012-м. На самом деле, была успешно проведена лишь «количественная» часть преобразований: уволено избыточное количество офицеров, ликвидированы небоготовые части и соединения. С точки зрения Генштаба, боеготовыми считаются соединения, укомплектованные (количественно) по штатам военного времени. Достичь такой степени укомплектования можно, только перейдя к комплектованию на контрактной основе. Однако такое комплектование в какой-то момент дает и качественный эффект (солдаты мотивированы, они получают неплохое жалование и т. д.). Но реформу остановили (было это сделано сознательно или нет — тема отдельного разговора), так и не приступив к качественным изменениям. К примеру, у Сердюкова и его команды были серьезные планы по реформе системы военного образования, целью которой было формирование

Реформа вооруженных сил, продлившись она до «качественного» этапа, могла бы в долгосрочной перспективе оказать серьезное влияние не только на военную организацию, но и на российское общество в целом. В течение трехсот лет, с момента создания регулярных вооруженных сил, государство видело в жителях страны, прежде всего, ресурс для ведения войн. Вся система идеологического управления страной была построена на идее страны — единого военного лагеря, осажденной крепости. Отказ от концепции массовой мобилизации, переход к добровольческим Вооруженным силам кардинальным образом мог изменить отношения гражданина и государства.

Но реформы были остановлены. Насколько можно понять, Шойгу в отличие от Сердюкова предпочитает изменять российскую армию, формально придерживаясь старых организационных и идеологических форм. К примеру, критики Сердюкова высказывали опасения, что в результате реформ Вооруженные силы останутся без мобилизационного резерва — сотен тысяч подготов-

ленных людей, которых можно призвать в случае военной угрозы. И вот Шойгу предлагает формально зачислить на военную службу всех студентов мужского пола с тем, чтобы они получали военную подготовку во время обучения в вузе. А по завершении — отправлялись в запас. Понятно, что военное обучение в вузе, а потом служба в резерве — профанация военной подготовки. Фактически это предложение и означает переход к добровольческим Вооруженным силам при формальном сохранении всех атрибутов массовой мобилизационной армии. А это, как представляется, позволяет перестраивать «базис» Вооруженных сил по современным образцам, в то же время сохраняя всю «мобилизационную» надстройку, в том числе и ее идеологически-пропагандистскую составляющую: «окружение со стороны НАТО», «страна — единый военный лагерь» и пр.

Такое военное строительство привело к тому, что в стране формально по-прежнему существуют Вооруженные силы численностью в миллион военнослужащих. Реальная же численность Вооруженных сил не превышает 800 тыс. военнослужащих. Это практически исключает ведение широкомасштабных наземных операций, включая, разумеется, и оккупацию других стран. Так, на всей гигантской территории России сегодня развернуто около полусотни общевойсковых бригад. Допускаю, что именно это обстоятельство не позволяет Кремлю реализовать крымский сценарий в восточных областях Украины — такое развитие операции потребовало бы куда больше войск, чем использовалось на полуострове. Таким образом, главные тенденции оборонного строительства не имеют никакого отношения к милитаристской риторике Кремля, который регулярно ведет речь о военной угрозе со стороны Запада. Если бы российские руководители всерьез верили в возможность военного столкновения с НАТО, они никогда не рискнули

бы отказаться от концепции массовой мобилизации.

Реальная военная стратегия России строится сегодня на двух опорах: стратегических силах сдерживания и силах быстрого развертывания. Сдерживать любого потенциального противника предполагается с помощью ядерного оружия. Сегодня Москва располагает 489 носителями ядерного оружия — это почти вдвое меньше, чем имеет Вашингтон. Однако этого более чем достаточно для того, чтобы любое государство, будь то США или Китай, отказалось от планов агрессии. Имея в виду относительную слабость обычных сил по сравнению с американскими или китайскими, Москва предполагает не только сохранять, но и наращивать свой ядерный потенциал.

Но, обеспечивая сдерживание крупной агрессии, ядерные силы все же не могут быть использованы в локальных конфликтах. Между тем угроза таких конфликтов весьма реальна. Так, после вывода войск международной коалиции из Афганистана радикальный ислам грозит перекинуться в среднеазиатские республики бывшего СССР. А российско-казахстанская граница (более протяженная, чем российско-китайская) существует только на бумаге. Кроме того, как видим, Кремль полон желания осуществлять военное вмешательство на постсоветском пространстве. С этой целью спешно формируются силы быстрого реагирования. В их состав, вероятно, войдут Воздушно-десантные войска (4 дивизии, 5 бригад), морская пехота (4 бригады, 8 отдельных полков), части спецназа ГРУ, 3–4 элитных соединения сухопутных войск, силы поддержки ВВС и ВМФ. Из планов Министерства обороны следует: уже в ближайшие годы они будут формироваться за счет добровольцев. Именно в эти соединения отправляют значительную часть из тех 50 тыс. контрактников, которых ежегодно набирает военное ведомство.

Уже сейчас в составе ВДВ находятся до 20 батальонов, полностью сформированных из контрактников. Есть все основания полагать, что 30–40 тыс. военнослужащих, переброшенных в феврале к юго-восточной границе Украины, и являются костяком будущих СБР. Как видим, этого оказалось вполне достаточно, чтобы выполнить задачи, поставленные Кремлем.

В итоге реформа, остановленная на середине, предоставила режиму Путина несколько боеспособных частей, которых оказалось достаточно для захвата Крыма. Получается, что современная организационная модель Вооруженных сил наложилась на идеологию формирования массовой мобилизационной армии. Неплохо подготовленные и хорошо оплачиваемые военные части, сформированные из добровольцев, выполнили приказ об агрессии.

Военная составляющая крымской операции поставила перед исследователями важный вопрос: как может развиваться «либеральная» военная реформа в условиях, когда страна остается авторитарной. Представляется интересным сравнить Россию с Германией начала XIX века.

Основные принципы формирования немецких вооруженных сил были заложены «либералами в мундирах»: Клаузевицем, Шарнхорстом и Гнейзенау. Речь шла о постоянном процессе самообразования офицеров, о призывной армии, которая, по мысли организаторов, представляла бы собой сообщество «граждан в военной форме». Следует признать, что когда эта «либеральная» модель была применена в сугубо авторитарном прусском государстве, это привело к созданию почти идеальной военной машины, слепо исполнявшей приказы «вождя». Не ждет ли и Россию зарождение «нового милитаризма», в котором современные модели военного строительства соединятся с идеологией массовой мобилизационной армии?

Ведь уже сейчас ясно: даже «правильная» реформа, проводимая в какой-то отдельной сфере, будь то военные дела или налоговые отношения, вовсе не гарантирует позитивной эволюции авторитарного режима. Наоборот, порой она даже укрепляет этот режим, предоставляя в его распоряжение весьма эффективные инструменты, будь то современные финансовые институты или модернизированные Вооруженные силы. ■

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ <http://www.kremlin.ru/transcripts/20603>

² В ночь с 11 на 12 марта 1938 года германские войска, заранее сосредоточенные на границе, вошли на территорию Австрии. Австрийская армия, получившая приказ не оказывать сопротивления, капитулировала. 10 апреля в Австрии и Германии был проведен плебисцит об аншлюсе. По официальным данным, в Германии за аншлюс проголосовало 99,08 проц. жителей, в Австрии – 99,75 процента.

³ <http://ukranews.com/ru/news/ukraine/2014/05/01/121586>

⁴ http://www.rada.crimea.ua/news/27_02_14

⁵ См. стенограмму заседания Совета Федерации от 1 марта 2014 года

(<http://www.council.gov.ru/media/files/41d4c8b9772e9df14056.pdf>).

⁶ См. расшифровку записи пресс-конференции на официальном сайте президента РФ (<http://kremlin.ru/news/20366>).

⁷ <http://www.interfax.ru/russia/362895>

⁸ <http://www.kremlin.ru/news/20796>

⁹ Так, в заявлении Совета Госдумы по поводу ситуации на Украине говорилось: что боевики, «прошедшие специальную подготовку, в том числе в лагерях, находящихся за пределами Украины, и другие радикальные силы, незаконно захватившие власть, навязывают свою волю восточным и юго-восточным регионам страны, где проживает большая часть русскоязычного населения, которое

не разделяет взгляды агрессивно настроенного радикального меньшинства» (<http://www.svoboda.org/content/article/25281574.html>).

¹⁰ «Я хочу, чтобы Вы однозначно меня понимали, если мы примем такое решение — только для защиты украинских граждан. И пускай попробует кто-то из числа военнослужащих стрелять в своих людей, за которыми мы будем стоять сзади, не впереди, а сзади. Пускай они попробуют стрелять в женщин и детей!» Цит. по стенограмме пресс-конференции 4 марта 2014 года, размещенной на официальном сайте президента России (<http://kremlin.ru/news/20366>).

¹¹ Так, например, командующий Черноморским флотом адмирал Александр Витко лично вел переговоры о сдаче на корвете «Славутич» (<http://www.bfm.ru/news/251465?doctype=news>).

¹² http://ria.ru/defense_safety/20140326/1001072912.html

¹³ *Никольский А.* Украина не боец // Ведомости. 2014. 12 марта.

¹⁴ Вот что утверждал, например, Николай Маломуж, бывший глава СВР Украины: «Конечно, ожидали, что будут решения Генассамблеи ООН о демилитаризации Крыма. То есть в этой ситуации выводятся украинские войска и ставится вопрос о выводе российских войск. Понятно, что Россия не выведет, но Украина могла бы спокойно, организованно вывести войска» (<http://www.svoboda.org/content/transcript/25308625.html>).

¹⁵ www.vedomosti.ru/newswire/news/24361671/net-bolshe-sil

¹⁶ *Тихонов А.* Крым: Становимся сильнее // Красная звезда. 2014. 24 марта (<http://www.redstar.ru/index.php/newspaper/item/15081-krym-stanovimsya-silnee>).

¹⁷ Показательна история, изложенная в «Независимой газете»: «В начале марта командующий Черноморским флотом России вице-адмирал Александр Витко прибыл на украинский корвет (малый противолодочный корабль по российской классификации) «Тернополь». Адмирал предложил экипажу сдаться и поднять Андреевский флаг. На что командир корабля капитан 3 ранга Максим Емельяненко (русский по национальности, как и часть экипажа) ответил: «Русские не сдаются!» И пояснил, что он принимал присягу

на верность народу Украины, так что изменять ей, как и его подчиненные, не намерен. Говорят, адмирал Витко, покидая корвет, сказал своей свите: «Учитесь, как надо служить за честь и совесть!» (http://www.ng.ru/armies/2014-03-26/3_kartblansh.html).

¹⁸ Конотопская битва — одно из сражений русско-польской войны 1654—1667 годов, происшедшее 28 июня (8 июля) 1659 года вблизи города Конотопа. Осаждавшее крепость русское войско князя Алексея Трубецкого противостояло прибывшим войскам коалиции, которую организовал ориентированный на Речь Посполитую украинский гетман Иван Выговский. В коалицию входили составлявшие основную ударную силу крымские татары, лояльная Выговскому часть казаков, польские отряды и наёмники из разных стран. Высланные навстречу этому войску дворянская конница и отряд казаков, попав в засаду, потерпели поражение. День этой битвы ныне объявлен днем создания украинской армии.

¹⁹ См., например: <http://www.echomsk.spb.ru/projects/intervyu-na-ehe-moskvy/krym-davno-ushel.html>

²⁰ <http://www.mk.ru/zloba-dnya/article/2014/03/30/1006019-ot-vatnika-do-ratnika-pochemu-amerikantsyi-promorgali-kryim.html>

²¹ <http://www.nytimes.com/2014/04/03/world/europe/crimea-offers-showcase-for-russias-rebooted-military.html?hp&r=1>

²² http://nvo.ng.ru/wars/2009-02-13/5_crisis.html

²³ *Тихонов А.* Оборонные приоритеты // Красная звезда. 2014. 27 февр. (<http://www.redstar.ru/index.php/newspaper/item/14672-oboronnyeprioritye>).

²⁴ <http://itar-tass.com/politika/1006142>

²⁵ Концентрация без группировки // Ведомости. 2014. 2 апр. (<http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/653491/koncentraciya-bez-gruppirovki>).

²⁶ Завышение численности проверяемых частей скорее всего было связано с тем, что в ходе прошлогодней «проверки» Восточного военного округа была заявлена цифра в 160 тыс. военнослужащих, в условиях кризиса нельзя было (по логике военных) показывать меньшее количество войск, поднятых по тревоге на Западе.

Россия в 2014-м: скатывание в воронку

Время жизни режима будет определяться падающей управленческой эффективностью, фактором технологической деградации, проеданием советского капитала и старением бизнес-политической элиты | **НИКОЛАЙ ПЕТРОВ**

В книге «Россия-2020: Сценарии развития», вышедшей пару лет назад¹, мы рассматривали как наихудший сценарий «Сталин-лайт», предполагающий усиление у нас в стране авторитарных тенденций. Как оказалось, именно он стал реализовываться. Почему? В условиях исчерпания (а) модели обеспечения политической лояльности за счет повышения уровня жизни и проведения популистской политики и (б) исчерпания экономического роста как такового без проведения масштабных экономических и политических преобразований власть все заметнее склонялась к большей закрытости системы и усилению контроля, тем самым пытаясь компенсировать сокращение позитивных стимулов. Примером может служить Москва, где аналогичная корректировка курса произошла с заменой Юрия Лужкова на Сергея Собянина в 2010-м, только в нашем случае Путин — это Лужков и Собянин в одном лице.

Драматические события, развивавшиеся в Украине с начала 2014 года, ввели Россию в ситуацию острого кризиса и трансформации политического режима по сценарию, который теперь уже следует обозначить как Сталин-*medium*. В ситуации, когда в разных

сферах нарастала угроза частных кризисов, условия жизни не улучшались, а, возможно, и ухудшались, Россия начала переход к мобилизационной модели в экономике и обществе в целом, предполагающей самоизоляцию и риторику «осажденной крепости» в целях консолидации элит и граждан.

Сползание в этот сценарий шло постепенно:

- В начале осени 2011-го Алексей Кудрин ушел в отставку, заявив о своем несогласии с резким увеличением расходов на нужды военно-промышленного комплекса (до 23 триллионов).
- В течение трех лет происходило торпедирование российской стороной переговоров с Еврокомиссией о свободном визовом режиме.
- Начиная с 2012 года был принят ряд законодательных актов, направленных на ужесточение контроля над элитами, их «национализацию».
- Качественный перелом произошел в середине 2013-го с переходом власти к более агрессивной и резкой стилистике и меньшей заботе об имидже.
- Перелом, в частности, ознаменовался пакетом судебных реформ и объединением Верховного суда с Высшим арбитражным

судом, реформой Академии наук, несколько позднее — консолидацией контроля за медиа-ресурсами, а затем присоединением Крыма и жесткой политикой России по отношению к Украине.

На этом фоне выглядит диссонансом освобождение Михаила Ходорковского в конце 2013-го. Но этот шаг следует рассматривать не как элемент альтернативного сценария, а скорее как сброс балласта: в условиях, когда элита уже находилась под жестким контролем, риск, связанный с выходом Ходорковского на свободу, можно было считать минимальным.

Новый, жесткий сценарий решает некоторые проблемы, перед которыми оказались российские власти, в частности, в краткосрочной перспективе повышает ослабевавшую с 2011-го легитимность лидера, но при этом создает другие, еще большие. В этой ситуации необходимо пересмотреть сценарные разработки, которые мы предлагали ранее, а для этого — проанализировать системные кратко- и среднесрочные последствия происходящего и спрогнозировать развитие событий по основным линиям напряжения.

Что же произошло?

В результате украинских событий конца 2013 — начала 2014 года власть, осознанно или не совсем, сделала масштабный геополитический выбор, который будет определять развитие страны на годы вперед. Этот стратегический выбор не обсуждался в общенациональном масштабе и, похоже, сделан не очень взвешенно, без учета всех последствий, особенно на перспективу. В результате оказались пройдены несколько важных развилок:

1) либеральные экономические и политические реформы vs *мобилизационная модель «осажденной крепости»*;

2) империя (внутри и снаружи) — *русское национальное государство*;

3) гибридный режим — *авторитарный* (элита — *номенклатура*);

4) *soft power* — *hard power*;

5) Запад — *Kumai*.

Хотя по каждой обозначенной позиции сохраняется некоторая межеумочность с элементами и того и другого, представляется, что режим прошел точку невозврата: обратного пути ни для него, ни для страны с ним уже нет. Рассматривавшийся некоторыми экспертами ранее вариант ускоренной эволюции в направлении экономической и политической модернизации сейчас на неопределенное время закрыт. Реализуется генеральная линия на демодернизацию, причем скорость движения вспять многократно превышает ту, с которой до недавнего времени шли модернизационные процессы: в одночасье оказалось разрушено то, что строилось долгие годы, и на смену медленному поступательному движению вверх пришло быстрое обрушение вниз. В отношении общества, элит, бизнеса, взаимного доверия страна оказалась отброшена на три десятка лет назад, а может быть, и больше. Разрушена тонкая пленка складывавшейся новой нормальности, идет проседание страны и общества в топь — до старого сталинского советского фундамента. Дно пока не достигнуто, и столкновение с ним, без чего не произойдет изменение вектора движения, будет тем более жестким, чем более радужны и завышены сейчас общественные ожидания, связанные с «реваншем за многолетние национальные унижения».

Пройденные развилки и системные последствия

Гибридный режим — авторитарный. Устранение демократических элементов системы, в том числе тех, что сохранялись для имиджевых целей, означает, что нет больше нужды в декорациях для внешнего зрителя — конкурентных выборах, разделении властей, местном самоуправлении, соблюдении даже

буквы закона... Решена ключевая для режима проблема легитимности, но это легитимность военного вождя, а не избранного лидера. Обратный переход к легитимности мирного времени невозможен, а поддержание военной требует постоянной подпитки в виде нагнетания страхов в отношении врага и демонстрации побед. Этого, однако, все равно будет недостаточно — потребуется усиление репрессивной машины, которая, в свою очередь, трансформирует легитим-

чается в «военный лагерь»: высокие военные расходы объясняются наличием внешнего врага, задним числом оправдывая снижение уровня жизни. Выдвигается лозунг опоры на собственные силы на основе концепций продовольственной, информационной, медицинской и пр. безопасности, которые долгое время разрабатывались в недрах Совбеза. Заметим, что экономическая цена, которую режиму придется платить за сохранение монополии на власть, будет все время возрастать.

“Разыгрывание шовинистической карты резко увеличивает опасность неконтролируемого развития русского национализма и его давления на власть”.

ность в качественно иную — основанную не на триумфах, а целиком на страхе и злобе.

Одновременно с переходом от гибридного к авторитарному режиму произошла трансформация гибрида «номенклатура-элита» в неономенклатурную систему. Последняя обрела закрытость, которой не хватало раньше, и резко усилила контроль за собственностью своих представителей. Восстановлен и ряд других важных элементов номенклатурной системы: горизонтальные ротации руководителей федеральных структур в регионах (без межвертикальных)², чистки, барьер на выход³, система поручительства.

Либеральные экономические реформы vs мобилизационная модель «осажденной крепости» (модернизация – демодернизация). Самоизоляция с идеологией «осажденной крепости» означает сохранение монопольных позиций новых путинских олигархов — государственных и частных — ценой дальнейшего проседания экономики. Ее публичным обоснованием является ставка вместо догоняющего развития на успешный прыжок в следующий технологический цикл (по Сергею Глазьеву, советнику президента РФ по вопросам региональной экономической интеграции⁴). Страна превра-

Империя (внутри и снаружи) – русское национальное государство. Прохождение этой важной развилки, похоже, осознано еще не полностью, и заклинания по поводу «дружбы народов» и «русского» как культурного, а не этнического феномена продолжают звучать в высказываниях Путина и других официальных лиц. «Взятие» Крыма означает крах имперского проекта — как внешнего, связанного с Евразийским союзом, так и внутреннего, связанного с мультиэтничной государственностью. Можно, впрочем, рассматривать происходящее как установление других — более узких территориальных рамок «евразийского проекта», «Россия + Крым» с переходом от большой «мягкой» империи к меньшей и более жесткой. Снятие некоторых табу в сфере межэтнических отношений и разыгрывание шовинистической карты резко увеличивают опасность неконтролируемого развития русского национализма и его давления на власть. Обществу вколот сильный наркотик, разрушена складывавшаяся два десятилетия социальная ткань, на восстановление которой потребуется много времени.

Soft power – hard power. Предпочтение, отданное жесткой силе, убивает и без того слабую

soft power на многие годы вперед, ведет к ухудшению положения 10 млн этнических русских за пределами России и Крыма, а возможно, и превращению их в заложников. Наглядной иллюстрацией может служить ослабление позиций РПЦ в Украине. На восстановление доверия, если только это возможно, уйдет очень много времени. Заметим, что ставка на жесткую силу относится не только к внешней политике, но и неизбежно к внутренней.

Запад – Китай. Речь здесь идет, прежде всего, об отказе видеть Запад в качестве стратегического партнера и развороте в сторону Азии, в первую очередь Китая. Обращение к Китаю как образцу в том, что касается роли государства и взаимоотношений с Западом, влечет за собой «китаизацию» как внешне-, так и внутривнутриполитическую. Ставка на китайские инвестиции вместо западных означает серьезные проблемы. Китай как партнер привлекателен для власти тем, что не морализирует, но, во-первых, возникает вопрос, насколько и в каком качестве ему нужна Россия⁵, и, во-вторых, это тяжелый партнер в бизнесе, притом что конфронтация с Западом дополнительно ослабила наши позиции в отношении Китая. Тот факт, что аннексия Крыма с переходом к резкой конфронтации с Западом состоялась до подписания большого пакета торгово-экономических соглашений с Китаем, можно рассматривать как довод в пользу ситуативного характера принятия решений. При заблаговременном планировании порядок событий был бы иным (см. статью Павла Баева на с. 73–86 в этом номере *Pro et Contra*)

Представляется, однако, что сам новый курс на конфронтацию с Западом не ситуативен, а вытекает из всей логики развития путинского режима и имеет больше отношения к внутренней политике, чем к внешней. Иными словами, конфронтация с Западом была предопределена, но переход к ней мог состояться без Крыма или даже Украины.

В чем заключается логика конфронтации?

Сформировавшийся в последние полтора десятилетия олигархический режим достиг такой степени монополизации экономического и политического контроля над страной, что сохранение и тем более усиление открытости в любой сфере, будь то интернационализация бизнеса или политическая модернизация с усилением реальной политической конкуренции, стало реально угрожать этой монополии. Для понимания и прошлого, и будущего режима важно, что высший слой нынешней российской элиты, представленный одной командой выходцев из КГБ, чрезвычайно консолидирован и ставит сохранение власти в качестве политической цели, а экономику — в качестве средства ее достижения. В ситуации нарастающего экономического кризиса и риска снижения легитимности режим, выбирая между контролем и эффективностью, в очередной раз предпочел контроль.

Для понимания и прошлого, и будущего режима важно, что высший слой элиты в нем, представленный одной командой выходцев из КГБ, чрезвычайно консолидирован и ставит сохранения власти в качестве политической цели, а экономику — в качестве средства ее достижения.

Хотя радикальный поворот в сторону конфронтации с Западом был совершен совсем недавно — в начале 2014-го, подготовка к нему велась на протяжении пары последних лет.

В очень схематичном виде эволюцию путинского олигархического режима можно представить следующим образом:

- 1) 2000–2003 годы (до дела ЮКОСа): внутреннее вызревание, включая установление контроля за основными институтами и начало последовательного демонтажа «защиты от дурака» в виде независимых СМИ;
- 2) 2003–2007 годы: первичное накопление-перераспределение власти и активов

на основе «приватизированного» силового ресурса; установление моноцентричной системы и консолидация элит; демонтаж федерализма;

3) 2008–2011 годы: тандем как попытка встроиться экономически в «западный мир» и, одновременно, тест на устойчивость (легитимация на Западе по Станиславу Белковскому⁶), а также переход «черных» олигархов, не конвертировавших свой око-

- нарастание недовольства граждан вследствие свертывания социальных обязательств и сокращения социальных программ в здравоохранении и образовании;
- растущая конкуренция элит за сокращающуюся ренту и государственные ресурсы;
- рост «силовых издержек» в экономике и управлении, чья динамика имеет форму самозакручивающейся спирали;
- снижение качества управленческих

“Новый курс на конфронтацию с Западом вытекает из логики развития путинского режима и имеет больше отношения к внутренней политике, чем к внешней”.

ловластный ресурс в легальную собственность, в «белые»;

4) 2012-й — настоящее время: ужесточение контроля над элитами и гражданами — несогласными (репрессии; введение все новых законодательных ограничений на права и свободы) и согласными («промывание мозгов» с помощью телепропаганды); переход к конфронтации и самоизоляции; уничтожение остатков автономности высших судов путем их объединения и выселения из Москвы, объединение РАН, монополизация контроля над СМИ. Переход к жесткой конфронтации с Западом; украинские события сыграли здесь роль не столько причины, сколько внешнего толчка, ускорившего этот процесс.

В рамках предыдущего сценарного упражнения мы указывали, что в перспективе России предстоит слом трендов в ряде сфер. Выбор курса, совершенный российским руководством в 2014-м, не отменяет этот слом, а приближает его — слом наступает сейчас, а не в перспективе. Об этом свидетельствуют:

- сокращение экономической базы, которое усугубляется из-за снижения объема и эффективности инвестиций;
- усугубление конфликтов интересов, корпоративных и общегосударственных;

решений из-за плохого экспертного обеспечения и приоритета контроля над эффективностью;

- свертывание публичной политической конкуренции и борьба между силовыми вертикалями, которые ранее были «приватизированы» крупными корпорациями и группами влияния.

Из позитивных результатов смены курса можно отметить: горизонтальные «перетяжки» между слабо связанными ведомственными вертикалями в случае создания партии власти; усиление конкуренции вследствие конфликтов в элитах, запуск системы обновления и ротации кадров.

В отношениях власти и общества нарастают противоречия между стремлением к демобилизации общества во внутренней политике и его мобилизацией перед лицом «внешнего врага»; увеличение риска управленческих кризисов и их усугубление вследствие полного демонтажа механизмов подотчетности; «промывание мозгов» с резкими перепадами общественных настроений; рост отчужденности общества и сопротивления государственной экспансии; спад общественного энтузиазма, снижение легитимности власти и политические протесты.

Трансформация политической системы с 2012 года

Оглядываясь назад, можно заметить, что ускоренная трансформация в сторону полномасштабной авторитарной системы с тоталитарными элементами происходит на протяжении уже двух лет. В первом приближении можно отметить следующие тенденции.

Ослабление и без того слабых институтов.

С уходом Владимира Путина с поста премьера резко снизилась роль формальных институтов: правительства, утратившего функции органа стратегического управления; политических партий, включая «Единую Россию»; местного самоуправления⁷; выборов. Одновременно росла роль администрации президента, которая отчасти выполняет функции прежнего ЦК КПСС. В кремлевскую администрацию вслед за Путиным перешли ключевые министры, именно там был создан штаб управляемой борьбы с коррупцией; там же — центр координации силовых ведомств. Выросла также роль Объединенного народного фронта, Следственного комитета и силовиков в целом.

Произошло усиление персоналистского характера системы во главе с «коллективным Путиным» в лице путинских олигархов. Главные рычаги контроля находятся либо вне правительства (как, например, Игорь Сечин с его Комиссией при президенте РФ по вопросам стратегии развития топливно-энергетического комплекса и экологической безопасности), либо формально в руках правительства через назначенцев тех же путинских олигархов. Продолжилось формирование квазиинститута полпредов Путина в разных сферах: Ковальчуки — бизнес — РАН — медиа; Евгений Школов — силовой блок; Сечин — нефтегазовый сектор. Плюс к отраслевым имеются еще девять полпредов президента, отвечающих за различные части страны.

Выстраивание полицейского государства.

ФСБ, МВД, ФМС получают все новые допол-

нительные полицейские полномочия в отношении как граждан, так и бизнеса. Идет ужесточение контроля за Интернетом (см. ниже) и за гражданами (включая необходимость для каждого под страхом судебной ответственности заявлять о наличии второго гражданства или вида на жительство в другой стране). Усиливаются слежка за гражданами и НКО, давление на гражданских активистов, преследование за политические убеждения с элементами «охоты на ведьм». Все большую роль играют силовые структуры при снижении роли судов и дискредитации права как такового. Усиливается блок контроля, который координируют помощник президента Школов и недавно назначенная на пост главы Счетной палаты Татьяна Голикова. Все чаще практикуется сокращенное судопроизводство на основе простого признания обвиняемым вины. Происходит полицейизация политики в кадровой сфере: в 2014 году участились назначения генералов полиции и спецслужб на посты полпредов президента в федеральных округах⁸. В ситуации, когда баланс в элитах резко сдвинулся в сторону силовиков, а внешний контроль за ними отсутствует, роль квазисдержек и противовесов, позволяющих контролировать силовой блок, выполняют «управляемые» конфликты между отдельными силовыми структурами. Примером может служить дело против ГУЭБиПК МВД, которое в 2014-м активно раскручивали ФСБ и СКР. Постоянное расширение этого дела с десятками задержанных офицеров и генералов, фантазмагорические обвинения, загадочное самоубийство одного из главных фигурантов вызывают в памяти дела 1930-х годов. Публичные конфликты между ФСБ и МВД происходят и в регионах; так, по обвинению в несанкционированной слежке за офицерами ФСБ в марте 2014-го был арестован глава управления МВД по Сахалинской области Владислав Белоцерковский. Параллельно происходит трансформация

силовых и правоохранительных структур во все более мощные и могущественные: Федеральная миграционная служба превратилась, по сути, в уменьшенную копию МВД, своего рода МВД-2; с приходом Виктора Золотова, много лет возглавлявшего ФСО, на пост главнокомандующего Внутренних войск усилились слухи о превращении их в Национальную гвардию, призванную обеспечивать порядок в стране.

«Национализация» элит и кадровые чистки.
Создание системы тотального контроля за

МВД. Широкий круг федеральных чиновников в регионах включен в систему горизонтальной ротации, включая и ротацию глав регионов; одновременно значительно увеличены официальные доходы чиновников и введена система поручительства⁹. Ротация призвана укрепить неономенклатурную систему, пусть и в пределах отдельных вертикалей; таким образом отчасти обеспечивается вертикальная и горизонтальная мобильность элит, а также их «мягкая чистка». От тех, кто занят в системе государственного

“Идет ужесточение контроля за Интернетом и за гражданами. Все большую роль играют **силовые структуры** при снижении роли судов и дискредитации права”.

доходами и имуществом управленческой элиты вкуче с запретами и ограничениями для чиновников на владение зарубежными счетами и бизнес-активами фактически сажают всех членов элиты на крючок, позволяя отслеживать и карать любые проявления нелояльности. В рамках «национализации элит» введен запрет на выезд за границу для широкого круга силовиков и управленцев, а также требование деофшоризации бизнеса и осуществления арбитража исключительно в пределах российской юрисдикции. Еще одной мерой, призванной дисциплинировать элиты, являются показательные наказания и увольнения: министра обороны Анатолия Сердюкова, нескольких чиновников по результатам проверки деклараций, новосибирского губернатора Василия Юрченко и других, осуществляемые под флагом «борьбы с коррупцией». С той же целью производится трансформация ведомств и структур и замена их руководителей (например, создание «России сегодня» на месте ликвидированного РИАИ и замена Светланы Миронюк Дмитрием Киселевым). Кадровые чистки произведены в Ярославле — в ГУЭБиПК

управления, требуется беспрекословная лояльность и зависимость, в ней нет места союзникам и «попутчикам».

Экспансия государства в разные сферы жизни общества и частную жизнь граждан осуществляется как напрямую — от лица государства, так и в результате целенаправленной поляризации общества и натравливания одной его части на другую. Эта политика проявляется, прежде всего, в наступлении на гражданские права и права меньшинств, административном раже в регулировании всего и вся (культура, преподавание истории и литературы, социальные сети, организации гражданского общества), в составлении единой базы данных по всем правонарушениям граждан, мобилизации государственных и муниципальных служащих и работников госкомпаний для участия в массовых политических мероприятиях — от «путингов» до организованного отдыха в Крыму.

Завершение демонтажа «защиты от дурака»: если в начале «эпохи Путина» были поставлены под контроль СМИ, парламент, прямо избираемые губернаторы, то теперь пришел черед НКО и экспертов. Давление, а иногда

и выдавливание НКО усилилось с принятием в 2012-м законодательства об «иностранных агентах»; в 2014-м были введены новые ограничительные меры: органы власти получили право самостоятельно приписывать НКО статус «иностранного агента». Фактически речь идет о запрете независимого финансирования, как иностранного, так и со стороны контролируемого властью бизнеса. С середины 2013 года объектом массированных атак стали относительно независимые эксперты¹⁰. Происходит и «охота на ведьм» (за «неблагонадежность» историк Андрей

тывает серьезные финансовые трудности в результате давления властей; заблокированы интернет-сайты *Грани.ру*, *ЕЖ.ру*, *Каспаров.ру*, а также ЖЖ Алексея Навального; произведены замены относительно самостоятельных руководителей таких СМИ, как *Lenta.ru*, *Газета.Ру*, *Эхо Москвы*. Результатом масштабного наступления на СМИ и фактической политической цензуры неизбежно является самоцензура журналистов и редакторов. Ярким примером стало изменение редакционной политики печатных и эфирных СМИ ИД «Коммерсант», который на про-

“Состав приближенных олигархов в сравнении с ельцинским временем сменился полностью, причем никто из новых олигархов не играл никакой роли при Борисе Ельцине”.

Зубов был отстранен от преподавания в МГИМО; Григорий Ревзин срочно отозван с позиции куратора российского павильона на Венецианской биеннале). Еще одно направление атаки властей на структуры общественного контроля — «размывание пакетов» и рейдерские захваты, которые призваны обеспечить прокремлевское большинство в таких организациях, как Совет по правам человека при президенте и Общественный совет при ФСИН. Подобные меры усиливают корпоративизацию и уничтожают немногие оставшиеся механизмы подотчетности власти обществу.

Резкое усиление контроля над информационным пространством с ликвидацией островков относительной автономности. Со второй половины 2013-го резко усилились государственные и «опутинение» СМИ (в руках структур Юрия Ковальчука сосредоточены гигантские медиа-активы, далеко превосходящие по объему медиа-собственность олигархов 1990-х). Новостное агентство РИАИАН заменено пропагандистской машиной «Россия сегодня», телеканал «Дождь» испы-

тяжении многих лет был образцом высоких профессиональных стандартов в российской медиа-среде. Общенациональные телеканалы превращены в мощную машину государственной пропаганды. Уже упоминавшееся наступление на социальные сети и интернет в целом в 2014 году включает в себя ужесточение соответствующего законодательства, переход интернет-ресурсов в руки лояльных Кремлю собственников (выдавливание Павла Дурова из созданной им социальной сети «ВКонтакте»), а также требование регистрации блогеров в качестве СМИ, хранения любой информации о пользователях на территории Российской Федерации и хранения и предоставления спецслужбам архивов записей.

Значительное ослабление судебной ветви власти. В 2013—2014 годах проведена судебная реформа с фактически полным подчинением судов Кремлю (ликвидация Высшего арбитражного суда, перевод высших судов в Петербург, формирование нового состава Верховного суда и реформа Конституционного суда); расширение вне-

судебных полномочий силовых структур и системы упрощенного судопроизводства, сокращение практики судов присяжных; девальвация авторитета судебной власти и закона очевидным политическим вмешательством и пересмотром принятых судами решений (дела Навального, Фарбера, Ходорковского, решение Конституционного суда по Крыму). Сюда же можно отнести расширение практики использования судов как средства устрашения в отношении оппонентов и критиков власти: так называемое «басманное правосудие», судебный произвол и присуждение несоразмерно больших сроков в делах *Pussy Riot*, «*Arctic Sunrise*» и других.

Отдельного упоминания заслуживают символические шаги, например, восстановление ГТО и возвращение названия ВДНХ; широкую практику коллективных писем в поддержку власти, учреждение медали «За возвращение Крыма» и праздничный салют в ознаменование оно; а также внедрение таких риторических формул, как «пятая колонна», «иностранные агенты» или «национал-предатели».

Путинская элита: модели устройства ¹¹

Бурные события начала 2014-го вновь актуализировали вопрос о внутренней политической механике «путинской России» — о том, кем и как принимаются решения. В дополнение к рассмотренным в наших предыдущих публикациях трем моделям описания путинской элиты («кремлевские башни», «политбюро» и «планетная система» ¹²) мы предлагаем схему бизнес-корпорации — с «акционерами» и «менеджерами». Первые играют главную роль в формировании стратегического курса и принятии решений, но могут не занимать никаких официальных постов. Вторые отвечают за реализацию принятых акционерами решений, являясь скорее фасадом режима, чем его несущей конструкцией.

Главный акционер корпорации «Россия Inc.» и одновременно ее СЕО — Владимир Путин. Основные акционеры: Дмитрий Медведев, Сергей Чемезов, Игорь Сечин, Владимир Якунин, Михаил и Юрий Ковальчуки, возможно, еще кто-то, чье имя не на слуху или кого мы даже не знаем, а также Геннадий Тимченко и Аркадий Ротенберг, чье влияние в последнее время несколько уменьшилось. Это и есть «путинское политбюро», понимаемое не как формальный институт, а как группа наиболее влиятельных лиц. Именно они, а не находящиеся в большей мере на виду менеджеры, включая «силовиков», принимают все важные решения.

Состав приближенных олигархов в сравнении с ельцинским временем сменился полностью, причем никто из новых олигархов путинского призыва не играл никакой роли при Борисе Ельцине ¹³. Интересно, что в отличие от классического политбюро, в котором были представлены главные управленческие и отраслевые структуры — правительство, оборона, госбезопасность, МИД, идеология, ВПК, сельское хозяйство, а также столица и крупнейшие части страны, — в путинское, как и положено совету директоров, входят, прежде всего, персоны, пусть и не выступающие в сутубо личном качестве, но и не *ex officio*. В путинском «президиуме политбюро» мы видим госуправление (Медведев), нефтегазовый и, шире, минерально-сырьевой сектор (Сечин), ВПК (Чемезов), железнодорожный транспорт (Якунин) — при этом в нем нет ни полноценного корпоративного, ни регионального представительства.

В корпорации, которую Путин построил для управления Россией, он, по-видимому, обладает контрольным пакетом, но предпочитает не столько пользоваться им для продавливания собственных решений, сколько договариваться, избегая конфликтов между основными акционерами. В каких-то конкрет-

ных случаях не удастся избежать конфликта, поэтому многие решения — пакетные, когда относительный проигрыш в одном случае компенсируется его выигрышем в другом, а общий баланс сил и интересов сохраняется. При этом для принятия стратегического решения нужна поддержка всех основных акционеров. В корпорации отсутствует формат общих встреч основных акционеров (в этом, а также в существенно большей персонализированности заключаются качественные отличия нынешнего высшего управляющего уровня от Политбюро ЦК КПСС),

по распоряжению экономикой. Что касается менеджеров, то функциональная их линейка выглядит следующим образом:

- *стратеги-силовики* (Игорь Сечин, Владимир Якунин, Николай Патрушев, Александр Бортников, Сергей Шойгу, Сергей Иванов, Сергей Лавров);
- *стратеги-экономисты* (Игорь Шувалов, Сергей Глазьев, Алексей Кудрин, Герман Греф, раньше среди них был и Анатолий Чубайс);
- *менеджеры* (Вячеслав Володин, Игорь Шувалов, Андрей Белоусов, Лариса

“Восстановление работоспособной системы рекрутирования кадров и обеспечения контроля за ними — самый длинный и стратегический из путинских проектов”.

поэтому серьезные решения принимаются путем серии двусторонних обсуждений между Путиным и каждым отдельным «членом совета». Это затрудняет принятие решений в таком «политбюро», поскольку оно занимает много времени и иногда требует нескольких итераций — зато облегчает контроль со стороны первого лица.

Как в любой крупной корпорации, в «России Инс.» имеются влиятельные менеджеры разного типа: принимающие участие в выработке стратегии, пиарщики, ответственные за безопасность и т. д. Имеются и стратеги, причем свои в каждой из двух важнейших для корпорации сфер — сохранения контроля над страной и обеспечения экономической эффективности системы.

Права собственника — владение-пользование-распоряжение — могут быть совмещены в одном лице (но в разном объеме), а могут быть разорваны. К примеру, Сечин или Медведев, входящие в круг основных акционеров, не столько владеют кусками российской экономики на правах частной собственности, сколько обладают широкими полномочиями

Брычева, Татьяна Голикова, Алексей Миллер, Эльвира Набиуллина, Антон Силуанов, Сергей Собянин, Алексей Улюкаев, Игорь Левитин) и партнеры по бизнесу (Ковальчуки, Ротенберги);

- *офицеры по особым поручениям* (Сергей Шойгу, Александр Бастрыкин, Дмитрий Козак, Матиас Варниг);
- *силовики* (Виктор Золотов, Евгений Муров, Евгений Школов, Николай Патрушев, Александр Бастрыкин, Александр Бортников, Владимир Колокольцев, Виктор Иванов, Юрий Чайка);
- *бизнесмены* (Геннадий Тимченко, Аркадий Ротенберг, Юрий Ковальчук, Сергей Чемезов, Владимир Потанин — Вагит Алекперов — Алексей Мордашев — Владимир Лисин, Алишер Усманов, Олег Дерипаска, Матиас Варниг).

Так называемые «либералы» и «силовики» в правительстве, в борьбе которых, как нередко считают, определяется вектор развития, в действительности, не более, чем наемные менеджеры, обслуживающие основных

акционеров и выстроенный ими режим. Роль и тех и других инструментальна: одни занимаются разработкой стратегий развития, настройкой экономических механизмов, привлечением инвестиций; другие обеспечивают охрану режима, соблюдение баланса между основными элитными группами и силовое решение задач, возникающих на каждом новом этапе развития.

Менеджеры первого уровня – это управленцы, которые не принимают самостоятельных стратегических решений, а обеспечивают эффективную реализацию решений, принятых акционерами. Переход из менеджеров в акционеры в принципе возможен, но крайне затруднен. Ближе всех по этому пути продвинулся, пожалуй, Собянин после того, как в 2010-м занял позицию мэра Москвы.

У Владимира Путина есть ряд доверенных экспертов в важнейших сферах, чье мнение он выслушивает при принятии серьезных решений. Это Герман Греф (экономика, финансы), Татьяна Голикова (бюджет, социальная сфера), Андрей Белоусов (экономика), Лариса Брычева (законодательство). В роли экспертов могут фигурировать и Роман Абрамович, и Михаил Прохоров. Существуют «связки» между главными олигархами и ключевыми экспертами, например: Юрий Ковальчук – Сергей Глазьев; Игорь Сечин – Александр Некипелов). В отдельных случаях возможен переход из экспертов в менеджеры (Сергей Глазьев) и обратно (Герман Греф, Леонид Кудрин).

Имеют отраслевую специализацию в рамках системы и олигархи, причем эта специализация может и не совпадать с основными направлениями их собственного бизнеса. Так, Георгий Полтавченко и Владимир Якунин курируют взаимоотношения государства и церкви; Юрий Ковальчук «отвечает» за медиа-пространство; географией, историей и спортом занимаются все вместе и каждый в отдельности.

В слабо институционализированной и в высшей степени персоналистской системе, каковой является российская, параллельно идут два процесса: с одной стороны, ослабление институтов, а также всех акторов, сохраняющих относительную автономность, а с другой – делегирование первым лицом своей колоссальной власти доверенным лицам – представителям, как формальным, так и неформальным. В настоящее время президент имеет девять полномочных представителей в федеральных округах, девятнадцать официальных спецпредставителей по конкретным вопросам, главным образом внешнеполитическим, четырех омбудсменов. При этом в последние два-три года число полномочных и специальных представителей президента резко – практически вдвое – увеличилось.

Путинская неономенклатурная система (ННС)

Восстановление работоспособной системы рекрутирования кадров и обеспечения контроля за ними – пожалуй, самый длинный и стратегический из путинских проектов.

Классическая номенклатурная система (НС) была выстроена Сталиным, а в последующие периоды жила во многом по инерции и с использованием накопленного ресурса страха. Десятилетиями она дряхла и хирела, но с приходом Путина на пост президента стала вновь активно восстанавливаться и теперь модифицирована и приспособлена к новым условиям.

Если стабильная институционализированная политическая система производит элиту и воспроизводится благодаря этой элите, то в персоналистской системе при слабых институтах функциональной заменой элиты оказывается номенклатура¹⁴ как своего рода форма непубличной институционализации. Важнейшим требованием является безусловная лояльность системе всех ее членов,

обеспечиваемая принадлежностью и к сети/клану и зависимостью от вышестоящего начальника.

При Борисе Ельцине, имевшем поначалу образ борца с привилегиями, НС хоть и обветшала, но не была окончательно демонтирована. В ее состав пришло некоторое количество людей извне, но поведенческие нормы и общая конструкция системы в целом сохранились. Упразднение КПСС как руководящей и направляющей силы и всей партийной иерархии, пронизывающей систему сверху донизу, лишили НС главного структу-

ривенность; система стала открытой по отношению к внешнему миру. В новых условиях для отдельных представителей «номенклатурной элиты» снизились риски и возникли более широкие возможности, а для системы в целом, напротив, возросли риски необратимой приватизации ресурса и его вывода за пределы страны.

К базовым отличиям ННС от НС следует отнести отсутствие связующих горизонталей, каковыми раньше были парткомы разного уровня, и отсутствие главных, конкурентных вертикалей. В ННС нет горизонтальных

“Отказ от губернаторских выборов, предпринятый в 2004 году, имеет прямое отношение к формированию элиты по номенклатурной модели”.

рирующего элемента – своего рода позвоночного столба. С открытием границ и общей коммерциализацией исчезли и препятствия для превращения НС в элитную, в которой элиты обладают – а не просто пользуются по должности – определенным властным ресурсом. При Путине происходило не только восстановление НС, но и достраивание отсутствовавших ранее блоков, которые были призваны – в условиях регулируемого государством рынка и формально демократических институтов – обеспечивать закрытость системы и контроль за каждым ее членом.

Соответственно, можно говорить о трех фазах развития НС:

- 1) «расцвет» в сталинский период,
- 2) дряхление – при Брежневе,
- 3) «второе дыхание» – неономенклатурная система, выстроенная Путиным (ННС).

Тем самым ННС – результат не просто полураспада НС, но восстановления и модернизации ее частично разрушившегося здания. Изменились внешние обстоятельства: произошла коммерциализация и появилась возможность конвертировать власть в соб-

скреп «коллективного руководства», обеспечивающих межведомственные координацию и горизонтальную ротацию; также отсутствует внутренняя конкуренция, основанная (в НС) на наличии двух мощных вертикалей – партийной и чекистской. До последнего времени в ННС не было и чисток, с помощью которых в сталинской НС удавалось поддерживать относительную эффективность системы в условиях отсутствия публичной политической конкуренции.

Путинская ННС – это сталинская НС за вычетом блока чисток, горизонталей парткомов и двух несущих вертикалей, задававших системе жесткость, но с добавлением свободной конвертации власти в собственность, отменившей или ослабившей систему спецраспределителей.

Монетизация льгот элиты в корне меняет модель, делая возможным накапливать ресурс впрок. В этом «гибридном» виде система до недавнего времени была не очень жизнеспособна. Однако в последние два года идут процессы, с одной стороны, стягивания «посадов» в «крепостные стены» (см. выше

о «национализации элит», деофшоризации, запрете на собственность и счета за границей) и усиления внутренней зависимости элит от власти (угроза преследования со стороны Следственного комитета, декларации о доходах), а с другой — мягких чисток (в качестве примера можно привести увольнение и угрозу судебного преследования Анатолия Сердюкова).

Отказ от губернаторских выборов, принятый в 2004 году, несмотря на то что к этому времени власть могла без труда отсеять любого неудобного кандидата, имеет прямое отношение к формированию элиты по номенклатурной модели. Дело в том, что прямые выборы не обеспечивали системной лояльности — управляемости и поручительства внутри корпорации. Сегодняшняя модель отфильтрованного избрания сильно напоминает практиковавшуюся во времена КПСС, когда ЦК «рекомендовал» кандидатуру первого секретаря регионального комитета, но безальтернативно избирал его уже сам обком. При этом действующая модель псевдоальтернативного избрания несколько сложнее и предполагает, что назначенный Москвой кандидат должен продемонстрировать способность обеспечить нужные результаты голосования в своем регионе.

Если сама НС — субститут, подменяющий нормальные демократические институты, то ННС уже — субститут субститута. В частности, вместо ключевого понятия — «номенклатуры», то есть списка должностей, назначение на которые является прерогативой того или иного уровня коллегиального парткома, ННС выдвигает более аморфный принцип соответствия назначений тому или иному управленческому уровню. Персонификация власти искажает строгую политическую геометрию системы, в которой доступ к первому лицу может оказаться важнее занимаемой позиции.

Функционирование ННС сопряжено с рядом издержек, которые власть вынуждена,

так или иначе, компенсировать. ННС блокирует обновление элит и социальные лифты, вынуждая власть интенсифицировать чистки и проводить ротации на руководящих постах. ННС также приводит к монетизации фигурами своих статусов, что отчасти компенсируется неопределенностью прав собственности с последующим отжимом-изъятием, как у Андрея Бородина, возглавлявшего при мэре Юрии Лужкове влиятельнейший Банк Москвы, а после его падения потерявшего банк и превратившегося в эмигранта, или у супруги бывшего мэра Елены Батуриной, лишившейся компании «Интеко» — когда-то мощного и прибыльного бизнеса.

ННС в отличие от советской номенклатурной системы существует в условиях открытости, что само по себе создает риски для ее функционирования. Конфронтация с Западом позволяет решить эту проблему, отгораживая номенклатуру «забором» — и наружным, и внутренним.

В ННС нет двух системообразующих вертикалей и есть ведомственная разобщенность, особенно заметная в условиях отсутствия парткомов, обеспечивавших горизонтальную связность всех ведомственных вертикалей. Это обуславливает корпоративизацию системы, наличие в ней относительно автономных корпораций, связанных воедино лишь на самом верху. Поэтому в ННС необходимы ротации и постоянное кадровое перемешивание как способ борьбы с корпоративной и региональной автаркичностью.

Перспективы: самозакручивающаяся воронка?

Ранее, анализируя возможные сценарии развития страны на перспективу до 2025 года, мы исходили из того, что кризисы неизбежны в любом случае, и рассматривали два принципиальных варианта. Вариант 1: цепочку кризисов-толчков, способствующих политической модернизации и работающих конструктивно,

как управляемые взрывы в двигателе внутреннего сгорания; и вариант 2: последовательность частных кризисов, ослабляющих систему, с большим кризисом в конце, сметающим всю систему целиком и приводящим к ее замене. До начала 2014 года в текущем политическом и социально-экономическом развитии можно было увидеть элементы обоих вариантов, вопрос был в пропорциях и резерве времени, которым располагал режим.

К варианту 1, который мы обозначили как «реактивную модернизацию», можно отнести:

“Верхушка пирамиды власти выглядит монолитной и консолидированной, и раскол элит, тем более с апелляцией к нижестоящим элитам и гражданам, здесь вряд ли возможен”.

восстановление губернаторских выборов, хоть и с жесткой фильтрацией кандидатов; возврат мажоритарной системы на выборах разного уровня; допущение к выборам в крупнейших городах оппозиционных кандидатов; усиление политической конкуренции и элементов публичной политики; освобождение Михаила Ходорковского; расширение и институционализацию праймериз «Единой России»; фрагментарное улучшение инвестиционного климата с соответствующими дорожными картами и разговорами о децентрализации.

К варианту 2, помимо уже охарактеризованных выше деинституционализации режима, «полицизации» кадровой политики, элементов тоталитаризма с экспансией государства во все сферы и закрытием страны, мы относили старение кадров и снижение управленческой эффективности; сохранение, по сути, системы назначения губернаторов и нежелание перераспределять власть и ресурсы в пользу регионов; отказ от прямых выборов мэров крупных городов; удушение малого и среднего бизнеса. Сейчас вариант «реактивной эволюции», по всей видимости, надолго закрылся, и баланс резко сместился в сторону варианта 2.

Новый курс уже не просто окончательно выбран, но и закреплен целым рядом шагов. В результате сделанного выбора какие-то из имевшихся проблем и противоречий удалось разрешить или упростить, зато другие, наоборот, усугубились, а вдобавок появились новые. Общим результатом стало резкое ускорение политического времени и нарастание рисков. Если еще недавно казалось, что режим обладает большим запасом прочности и может, ничего особо не меняя, протянуть несколько лет без серьезных кризисов и радикальной перестрой-

ки, то теперь это уже не так — движение резко ускорилось и стало необратимым. Это, с одной стороны, повышает риск наложения проблем друг на друга, а с другой — создает цейтнот, вынуждая систему быстро принимать решения, к чему она не приспособлена. В условиях слабых институтов и жесткой централизации государственного управления это увеличивает опасность как принятия неправильных решений, так и непринятия нужных решений в срок.

Выбранный путь — тупиковый, но двигаться им можно довольно долго — может быть, год, а может быть, два или даже больше — прежде чем страна сорвется в кризис, который приведет к изменению системы. Кризисы, пусть и менее масштабные, неизбежны и на этапе происходящей трансформации режима, особенно вначале, когда одни линии развития ломаются или видоизменяются, а на их месте появляются новые, когда происходит перереформирование элитной матрицы. Одновременно меняются и балансы в элите, связанные с увеличением роли силовых элит, что чревато как перераспределением власти и собственности, так и подвижками во всей системе внутриэлитных

сдержек и противовесов. Каждый из этих частных кризисов система, может быть, и способна пройти без особых потерь, но в случае наложения их друг на друга они могут вызвать разрушительный лавинный эффект.

В зоне турбулентности, в которую страну ввел сначала политический кризис с протестами 2011–2012-го, а затем в 2014 году релегитимация режима на принципиально новой – мобилизационной – основе, длинные прогнозы не работают. Ясно, однако, что если исключить сильные внешние потрясения, время жизни режима будет определяться тремя главными нисходящими трендами:

- 1) падающей управленческой эффективностью (качество управления падает, а масштаб вызовов растет, отчего увеличивается число ошибок);
- 2) кумулятивным эффектом технологической и социальной деградации, и окончательным проеданием советского капитала;
- 3) старением верхушки бизнес-политической элиты и утратой ее функциональной эффективности; в результате элита частично утрачивает контроль за ситуацией, что, в свою очередь, ведет к усилению борьбы за власть и собственность.

Если раньше некоторые эксперты говорили об «эффекте колее», из которой трудно выбраться, то теперь впору говорить об эффекте неуклонного скатывания в воронку, когда траектория движения напоминает самозакручивающуюся, сужающуюся спираль, а сама система – самолет, вошедший в штопор. Власть может не отдавать себе отчета в долговременных последствиях предпринятых шагов, но выбор, сделанный ею вчера, резко сужает коридор возможных действий сегодня и завтра. Пример – поэтапное закрытие границ изнутри, когда к «невыездным» офицерам ФСБ последовательно добавляются сотрудники других силовых и правоохранительных структур, судейские, правительственные чиновники, работники телевидения и ряда госкорпораций.

Персональные санкции против российских чиновников, введенные изнутри, – «рекомендации» не выезжать, уже затрагивают, по некоторым данным, до 5 млн человек¹⁵. В этой ситуации распространение ограничений на выезд на рядовых граждан – вопрос времени. В сужении спирали и ускорении движения по ней заключаются одновременно большие риски и надежды на будущее по принципу «лучше ужасный конец, чем ужас без конца».

Верхушка пирамиды власти выглядит монолитной, однородной и консолидированной, и раскол элит, тем более с апелляцией к нижестоящим элитам и гражданам, здесь вряд ли возможен. Теми, кто «наверху», движет инстинкт самосохранения и желание любой ценой сохранить монополию на власть в политике и экономике. Главный фактор риска – ослабление или исчезновение Путина, который сохраняет роль арбитра в многочисленных внутренних конфликтах и противостояниях, но даже смена лидера дает мало шансов на смену модели.

Следующий уровень олигархов – те, кто сразу «под верхушкой», – тоже входит в состав коалиции статус-кво. Можно предположить, что готовности к самоизоляции меньше, а фрустрации по этому поводу больше у политических, экономических и силовых элит, расположенных еще ниже. Это и есть тот политический «средний класс», который может в определенных условиях активно сопротивляться курсу, выбранному высшей властью.

Резкий курс на конфронтацию с Западом и самоизоляцию создает серьезную напряженность в отношениях между верхушкой элиты, с одной стороны, и ее средним слоем – с другой. Мотивация последнего, связанная с обеспечением для себя и близких хорошей жизни на Западе, резко ослабевает, а недовольство вследствие потерь «заработанного» растет. Резкий переход от модели неограниченного обогащения к режиму жестких ограничений вряд ли придется элитам по вкусу.

Использование негативных стимулов способно решить проблему лишь отчасти. Пока популярность Путина заоблачна, он контролирует элиту полностью, но с уменьшением

его рейтингов недовольство элиты может стать важным для системы фактором перемен, несмотря на резкое увеличение денежных выплат в последние год-два. ■

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ Россия 2020: Сценарии развития / Под ред. М. Липман и Н. Петрова. М.: РОССПЭН, 2012.

² Начиная с 2013 года дополнительно к уже практиковавшейся обязательной замене руководителей основных правоохранительных структур в регионах по истечении 4–5 лет работы на посту введена обязательная ротация руководителей еще полутора десятка контролирующих ведомств.

³ Завершающийся переход судебной системы под полный контроль Кремля в сочетании с деофшоризацией и переводом бизнес-споров российских компаний в отечественную юрисдикцию резко увеличивает контроль системы за любыми частными активами и окончательно закрепощает недавних олигархов разного уровня.

⁴ См., например: *Глазьев С.* О стратегии модернизации и развития экономики России в условиях глобальной депрессии (http://www.glazev.ru/econom_polit/269/), а также интервью «Нужно опираться на собственные силы» (http://www.glazev.ru/econom_polit/359/).

⁵ Ответ на этот вопрос во многом дал «большой» визит Путина в Китай в мае 2014 года с огромным количеством заключенных контрактов и подписанных соглашений, из которых вытекает, что Китай дает деньги, оборудование и рабочую силу, получая взамен из России сырье.

⁶ См., например: *Белковский С.* Медведев — это Путин сегодня (http://slon.ru/russia/medvedev_eto_putin_segodnya-412293.xhtml).

⁷ Отказ от выборов мэров крупных городов и усиление практики уголовного преследования мэров по разным основаниям де-факто ведет к ликвидации местного самоуправления на верхнем уровне с продолжением вниз вертикали государственной власти.

⁸ В 2014-м на эти посты были назначены вице-адмирал с чекистским прошлым Олег Белавенцев (Крымский ФО, март); генерал-лейтенант внутренних войск Сергей Меликов (Северо-Кавказский

ФО, май); генерал армии, бывший командующий внутренними войсками МВД Николай Рогожкин (Сибирский ФО, май). Вместе с генерал-полковником ФСБ Владимиром Булавиным (Северо-Западный ФО, март 2013-го) и бывшим Генпрокурором Владимиром Устиновым (Южный ФО, 2008-й) генералы вновь, как и 14 лет назад, при введении этого института, составляют большинство среди полпредов.

⁹ Например, в системе МВД действует специальный порядок оформления личного поручительства при поступлении на службу и назначении на определенные должности, включая все начальствующие, утвержденный приказами министра в 2010 и 2012 годах, в соответствии с которым поручитель несет моральную, а иногда и дисциплинарную ответственность (<http://www.rg.ru/2012/07/11/prikaz-dok.html>).

¹⁰ За короткое время несколько ведущих экспертов (Сергей Гуриев, Сергей Алексащенко, Михаил Дмитриев) оказались вытеснены из сферы принятия решений; аналитический центр РИСИ, близкий к Службе внешней разведки, выпустил доклад-донос с перечислением исследовательских и учебных учреждений, получающих иностранное финансирование. В этом же ряду следует упомянуть «дело экспертов», подготовивших заключение по второму делу ЮКОСа.

¹¹ При написании раздела использовались материалы обсуждения с авторами настоящего номера и с внешними экспертами.

¹² Россия-2020... С. 497–500.

¹³ *Немцов Б., Милов В.* Путин: Итоги. 10 лет: Независимый экспертный доклад (<http://www.putin-itogi.ru/doklad/>).

¹⁴ Под «номенклатурой» здесь понимается иерархизированная кадровая система, в которой влияние фигуры определяется главным образом должностью, а не личностью.

¹⁵ <http://www.echo.msk.ru/blog/rizhkov/1328544-echo/>

Геополитика самоизоляции

Конфронтация с Западом стала условием существования российской политической системы, но резко повысила цену ошибок при проецировании силы | **ПАВЕЛ БАЕВ**

Политика России в украинском кризисе стало не просто испытанием, но настоящим краш-тестом для той системы европейско-атлантической и азиатско-тихоокеанской безопасности, которая строилась на нормах сотрудничества. Решительность Москвы, отринувшей эти нормы и приступившей к реализации права сильного, ошеломила европейских, американских и евразийских партнеров и породила подозрения в том, что в таинственных кремлевских коридорах утрачено чувство реальности. Современная западная (равно как и китайская) путинология действительно не смогла своевременно диагностировать мутацию режима, которая сделала неизбежным отказ России от западных правил поведения и готовность перехода к конфронтации¹. В данной статье речь пойдет о параметрах международной обстановки, которые способствовали ускорению этой опасной мутации и будут определять риски ее финальной стадии.

Неизбежность силового вмешательства России в революционную ситуацию на Украине была связана главным образом с внутренними причинами, но оценки внешних воздействий и противодействий — от роли западных спонсоров Майдана до действенности возможных санкций — были крайне важны в принятии критических решений. Атипичное по авантюристике решение о стре-

мительной аннексии Крыма вписывается в давно вызревавшую философскую картину многополярного мира, в котором дряхлеющий Запад цепляется за свои привилегии и манипулирует «цветными» революциями, но не может противостоять напору новых динамичных центров силы². Решительная игра на опережение должна была обеспечить России прорыв в деле ограничения устаревшей системы безопасности, но диалектика «действие — противодействие» сыграла против этих расчетов. Результатом российского прорыва стало сплочение европейцев вокруг американского лидерства, новая осмысленность в работе НАТО и осознанная необходимость в укреплении пошатнувшихся норм и устоев³. Россия вошла в конфронтацию, в которой шансов на успех у нее практически не существует.

Вниз по лестнице, ведущей в Крым

Чем яснее в ретроспективном анализе становится жесткая предопределенность российской интервенции в украинский кризис, тем острее встает на Западе вопрос о том, что этот интервенционизм необходимо было купировать раньше, проводя стратегию превентивного сдерживания. С новой силой звучат аргументы, в которых пятидневную войну с Грузией в августе 2008-го следовало воспринимать как доказательство того, что политика исконно авторитарной России

носит имманентно агрессивный характер⁴. Решение перевернуть грузинскую страницу и провести «перезагрузку» российско-американских отношений в этом контексте оценивается как грубая стратегическая ошибка администрации Барака Обамы, усугубленная программой Евросоюза «партнерство для модернизации»⁵. Эдвард Лукас, автор нашумевшей книги *The New Cold War: Putin's Russia and the Threat to the West* (N. Y.: Palgrave Macmillan, 2008), доказывает с сознанием теперь уже неоспоримой правоты: «Благодушное отношение к России, имевшее

в которой российская армия продемонстрировала готовность к ведению войн нового типа — без танковых колонн, но с полной деморализацией противника⁸. Потенциал для проведения таких спецопераций был обеспечен в ходе эксперимента с радикальной военной реформой, но решение на его использование стало следствием впечатлений (было бы преувеличением говорить об анализе) российского руководства, наблюдавшего со стороны за урегулированием международных кризисов последнего пятилетия⁹. (См. статью Александра Гольца на с. 45–56)

“На рубеже нового десятилетия Путин и его окружение увидели возможность изменить положение России по отношению к евроатлантическому центру силы”.

место в прошлом, было ошибкой, но нынешнее возмущение лишено логики, а потому немногим лучше»⁶. Какой бы фальшивой ни выглядела сейчас заявка на «модернизацию», сделанная зиц-президентом Дмитрием Медведевым, она обозначила сценарий выхода из тупика путинизма, который, однако, был перечеркнут усилиями охранителей режима, сущностно несовместимого с модернизацией. Этот сценарий и был положен в основу рабочего плана «перезагрузки», провал которой отнюдь не доказывает ее изначально ошибочность.

Война с Грузией действительно оказалась прологом к интервенции против Украины, но в этой последовательности конфликтов нет такой жесткой предопределенности, которая просматривается, к примеру, между первой и второй чеченской войной. Активно провоцируя грузинское руководство, Москва тем не менее была захвачена врасплох ударом по Цхинвали — в немалой степени из-за перетрясок в руководстве вооруженных сил и провалов в разведке⁷. Аннексия Крыма была сугубо неспровоцированной интервенцией,

Самые яркие впечатления такого рода произвела серия бурных протестов и гражданских войн на Ближнем и Среднем Востоке, начавшаяся в Тунисе в январе 2011 года и до сих пор именуемая «арабской весной». Многотысячные демонстрации на площади Тахрир в Каире, завершившиеся в течение нескольких недель падением режима Хосни Мубарака, не могли не вызвать ассоциаций с «оранжевой революцией», которая оставалась серьезной политической травмой для Кремля, несмотря на то что после избрания Виктора Януковича президентом Украины в феврале 2010-го эта тема, казалось бы, была закрыта. Настоящим шоком безусловно стала гибель ливийского лидера Муамара Каддафи, которая затронула личные фобии Путина столь глубоко, что он вернулся к этой теме на «прямой линии» в апреле 2014 года, сообщив, что не присоединение Россией Крыма, а именно этот эпизод стал концом «перезагрузки» в отношениях с США¹⁰.

Кровавый конец Каддафи в сильной степени определил линию поведения России в сирийском кризисе, которая увенчалась

впечатляющим успехом: российская инициатива, нацеленная на уничтожение арсенала химического оружия, сработала выше всех ожиданий и оказалась спасительной для руководства США.

Ловко уклонившись от технической реализации этой недешевой инициативы, ее авторы тем не менее посчитали этот «мастерский дипломатический пируэт» (по выражению Федора Лукьянова) выдающимся триумфом российской внешней политики¹¹. Суть этой завышенной самооценки заключалась в том, что предотвращение точечного ракетного удара США было представлено как полный крах доктрины «гуманитарных интервенций». Доктрина эта, в свою очередь, считалась прикрытием для полуправовой концепции «управляемого хаоса», которая якобы лежала в основе действий США, направленных на смену неудобных им режимов¹². Москву нимало не волновал подлинный хаос гражданской войны в Сирии, важно было только то, что Россия доказала способность противостоять плану США (на самом деле, весьма осторожным) и тем самым утвердила свой статус «незаменимой» державы.

А в мировом масштабе?

Коренное отличие украинского кризиса от недавних потрясений на арабском Востоке, с точки зрения российского руководства, заключается в том, что он непосредственно включен в схему противоборства «центров силы». Если в Ливии и Сирии США и НАТО экспериментируют со своей концепцией «управляемого хаоса», не затрагивая основных силовых линий многополярного мира, то создание такого «хаоса» на Украине, согласно этим представлениям, прямо направлено на приращение потенциала центра силы, сформированного Евросоюзом и НАТО, за счет российского центра силы. Таким образом, Запад навязал России более масштабное столкновение, чем в 2008 году

вокруг Грузии: последнее было инициировано главным образом руководством США, тогда как сейчас основной движущей силой борьбы за Украину выступает ЕС, а «застрельщиком» — Польша. В этой картине перехода от парадигмы сотрудничества к противостоянию Россия предстает обороняющейся стороной, вынужденной защищать свои коренные интересы против Запада, который ведет наступление в зоне своих периферийных интересов¹³.

Способность к такой защите определяется двумя основными тенденциями, подспудно нараставшими в европейской системе безопасности. Во-первых, следствием глубокого экономического кризиса, который начался в США и больше всего ударил по ЕС, стали прогрессирующее ослабление и нарастающая разобщенность Запада. В России спад был еще более глубоким, вызвав сильнейший политический шок, но оказался относительно кратковременным, так что с начала 2010-го возобновился экономический рост.

На рубеже нового десятилетия Путин и его окружение увидели возможность изменить положение России по отношению к евроатлантическому центру силы и уйти в «одиночное плавание» (по выражению Дмитрия Тренина), вместо того чтобы оставаться частью его «догоняющей периферии»¹⁴. Эта метафора была гораздо точнее, чем утопия «Союз Европы»¹⁵, но при этом самостоятельность российского «плавания», как оказалось, может достигаться только целенаправленным нагнетанием напряженности по линии разлома. Россия объективно находится в мощном поле притяжения Европы, которое может быть преодолено только конфликтным отталкиванием — к марту 2014 года оно как раз достигло требуемой эффективности. Медленно выходящая из кризиса Россия вряд ли может позиционироваться как растущий центр силы, подобный Китаю или даже Индии; рост ее силового потенциала — вели-

чина относительная к упадку Европы; новая конфронтация выявляет глубину этого упадка и недостаточность воли к его преодолению.

Во-вторых, способность России противостоять посягательству на ее зону «привилегированных» интересов определялась тем, что правила и запреты, которые утвердились в европейской системе безопасности после развала СССР и завершения балканских войн, стали устаревать. Попыткой ревизии этих норм была инициатива президента Дмитрия Медведева по реформе Организации по Безопасности и Сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), которую большинство стран-участниц отказались обсуждать по существу, увидев в ней едва замаскированную установку на ослабление НАТО¹⁶. Уверенность в том, что вопрос о кардинальном взломе этих правил назрел, пришла к российскому руководству постепенно — и может оказаться ложной. Немаловажную роль здесь, видимо, сыграл нарастающий конфликт между Европейской Комиссией и Газпромом, против которого было начато антимонопольное расследование, грозящее аннулировать его привычные привилегии¹⁷. Серьезное раздражение вызывала и программа Восточное Партнерство, которая конкретизировала амбиции Евросоюза, стремившегося определять развитие шестерки соседей России¹⁸. Для Кремля это стало свидетельством того, что игра по старым правилам приведет только к болезненным поражениям, тогда как решительный переход на новые — жестко-силовые — основания даст России преимущество инициативы.

Аннексия Крыма, таким образом, показала разительную несовместимость двух образов желаемого будущего. Для политиков западного мейнстрима эта переключка границ является попыткой применить практики XIX века (а также воспроизвести гитлеровский аншлюс) в уникально институционализированном регионе мира, где не должно быть

места «жесткой силе». Для российских лидеров эта блестящая операция стала моментом преодоления исторически тупикового постмодернизма пацифистской Европы и прорывом в будущее, принадлежащее динамичным и хорошо вооруженным хищникам.

Местоположение в послекрымской системе координат

Вопрос о том, была ли аннексия Крыма реализацией стратегического замысла или кризисной импровизацией, может долго оставаться неразрешенным (едва ли в кремлевских архивах найдутся документальные свидетельства), но трудно усомниться в том, что последствия этого «прорыва» не были и не могли быть просчитаны. Россия оказалась в крайне непривычном международном положении, где подвести баланс рисков и возможностей было настолько сложно, что пришлось пожертвовать инициативой и взять паузу, которую Киев смог использовать для проведения президентских выборов. На момент написания этой статьи результаты этих выборов превосходят умеренно-оптимистические ожидания (что, разумеется, не исключает новых крутых поворотов), но вынужденная пассивность России в течение майских недель, когда вспышки украинского кризиса следовали одна за другой, дает возможность соотнести бесспорные приобретения и явные, хотя и непризнанные потери ее нового геополитического баланса.

Несомненным плюсом является доказанная способность к применению военной силы в новых формах, недоступных для большинства соседей, и наличие политической воли к рискованным экспериментам. Небесспорным плюсом можно считать решимость противостоять жесткому давлению США, которая не могла не произвести впечатление на разнокалиберные антиамериканские силы, в том числе и в Европе¹⁹. Еще

одним плюсом стала громко заявленная сплоченность политической элиты перед угрозой персональных санкций, которые ударили по некоторым коррупционным схемам, но не затронули чувствительных интересов широких бюрократических масс.

Сумма минусов представляется значительно более весомой в первую очередь из-за того, что Россия понесла (а точнее — нанесла сама себе) серьезный репутационный ущерб, грубо нарушив тот самый принцип нерушимости государственного суверенитета, кото-

отношения России со всеми стратегическими партнерами, не исключая даже Казахстан.

Такой глубокий перевес минусов повлиял и на стандартный баланс возможностей и рисков, вынуждая Москву активнее использовать первые и меньше обращать внимания на вторые. Наиболее богатые возможности открывались в манипулировании созревшими источниками нестабильности в Восточной и Южной Украине, и российское руководство без задержки приступило к конструированию очагов вооруженного

“В середине мая, буквально на последней черте, Путин пошел на попятную и дал настоящий приказ на отвод войск, которые находились в готовности к интервенции”.

рый она отстаивала как основополагающий в многополярном мире. Москва целенаправленно выстраивала позицию неукоснительного поборника международного права и сторонника укрепления роли ООН как арбитра в вопросах применения этого права — однако в новых обстоятельствах отбросила все правовые церемонии и предъявила силу в качестве решающего аргумента²⁰. Прямой эффект применения санкций был — и должен был быть — ограниченным, но сам факт установления режима санкций в сочетании с эффективным уничтожением репутации превратил Россию, претендовавшую на роль конструктора нового мирового порядка, в аутсайдера, попавшего под режим санкций.

Еще одним немаловажным минусом стал шоковый эффект, который заставил европейские государства провести экстренную ревизию механизмов безопасности и укрепил центральную роль НАТО²¹. Говорить об изоляции России было бы преувеличением — этому противоречит как минимум майский визит Путина в Китай и июньский в Нормандию, — но жесткая конфронтация на западном фронте стала фактором, серьезно осложнившим

сепаратизма. Первая боевая группа «зеленых человечков» эффективно сработала в Славянске, после чего несколько городов в Донецкой области перешли под контроль «народного ополчения», а попытки Киева восстановить управляемость путем «контр-террористической операции» окончились провалом. По мере того, как интенсивность вооруженных столкновений быстро нарастала, разыгрывание вариантов дестабилизации перестало выглядеть хитрым маневром: в глазах западных аналитиков Россия целенаправленно добивалась расчленения Украины.

Путин оказался в ситуации, когда кризисная эскалация контролировалась не Кремлем, а малоуправляемыми полевыми командирами. Это заставило его в середине мая, буквально на последней черте, пойти на попятную и дать настоящий приказ на отвод войск, которые находились в готовности к интервенции слишком долго, так что июньские «внезапные проверки боеготовности» уже выглядели малоубедительно²².

Западные лидеры и в первую очередь, руководство Германии приложили максимум усилий, чтобы объяснить Путину масштаб

последствий, сопряженных с более наступательной альтернативой майской дилеммы. Выход на новый уровень конфронтации был чреват серьезными экономическими потерями, но имел и много позитива в виде сохранения инициативы на «украинском фронте» и мобилизации патриотического энтузиазма внутри России, тем более что решимость Евросоюза ввести новый пакет санкций оставалась под большим вопросом²³. Путин тем не менее предпочел проявить гибкость, однако главным побудительным мотивом к такому развороту стала, по всей видимости, необходимость снять остроту кризиса перед визитом в Китай²⁴. Расчет, возможно, строился на том, что силовое давление на Киев может быть возобновлено в любой момент и эскалация будет легко восстановлена на том уровне, откуда началось ее снижение после квазиреферендума в Донецкой и Луганской областях. Исключить такой вариант развития событий нельзя ввиду сохранения силовой структуры конфликта, но издержки нового витка эскалации для России серьезно возросли после выхода Украины из надира революционной ситуации.

Разветвления траектории кризисного развития

Великодушное согласие Путина признать результаты президентских выборов на Украине не отменяет ни высокой вероятности новой вспышки конфликта, ни углубления быстро сформировавшейся конфронтации между Россией и Западом. Именно развитие украинского кризиса будет главным фактором изменения международного положения России на ближайшую перспективу. Исходя из этого, можно сконструировать три базисных сценария. Первый описывает резкую эскалацию вооруженных столкновений на украинском Востоке, второй — валотекущую гражданскую войну, ограниченную в основном Донецкой и Луганской областями,

третий — постепенную стабилизацию обстановки на Украине и восстановление государственных структур на всей территории страны, кроме Крыма. Под влиянием кризисов второго плана эти сценарии разветвляются на переплетающиеся и расходящиеся ветви, из которых лишь несколько можно описать с той степенью достоверности, которая задается логикой февральско — майского цикла. Попыткам описать спектр внешнеполитических перспектив препятствует короткий горизонт обозрения (упирающийся в российские и американские выборы в 2016 году) и узкий коридор маневрирования, заданный резким сужением рамок взаимодействия России и Запада, для которого сотрудничество с режимом Путина становится лишь одним из возможных средств его сдерживания, которое раньше или позже приведет к его устранению.

Сценарий (А) раскола Украины в результате распространения военных действий по всему Юго-Востоку выглядел основным и даже неотвратимым в начале мая, когда Путин произнес роковое слово «Новороссия»²⁵. Дав задний ход и продолжая тактическое отступление до середины июня (момент завершения работы над данной статьей), Москва получила возможность уточнить оценку рисков данного сценария и убедиться в их неприемлемости. Однако для многих участников конфликта, которые описываются термином «*conflict entrepreneurs*», вооруженный сепаратизм остается единственным путем захвата и удержания власти²⁶. Их активные действия против правительственных войск, вынужденных применять авиацию и тяжелое вооружение, могут поставить Россию уже летом 2014 года перед необходимостью интервенции, силы и средства для которой уже были подготовлены и просчитаны²⁷. Основательность этих планов будет, как всегда, опровергнута непредсказуемым ходом войны, но не вызывает

сомнений возрастающая готовность НАТО, захваченного врасплох крымским «блицкригом», оказать противодействие российской интервенции. Прямое вовлечение американских или, к примеру, польских войск в боевые действия на территории Украины представляется крайне маловероятным, но альянс будет готов использовать полный набор не прямых способов применения силы в купе с предельно жесткими санкциями. Уязвимость российской экономики к мерам финансового наказания лишь увеличилась на фоне разви-

ные в «пятую колонну» оппозиционеры²⁹. По мере нарастания проблем в экономике России, которые усугубляются в результате уже введенных санкций, ее ценность как партнера будет падать, и Пекин без церемоний будет требовать все новых привилегий³⁰. Подписанный с большой помпой газовый контракт, колоссальный по объему обязательств по инвестициям в инфраструктуру, может служить примером умения Китая воспользоваться сложностями партнера: Китай сумел добиться от Газпрома

“Статус младшего партнера и «сырьевого придатка» доминантного Китая не отвечает привычным культурным установкам российского общества”.

вающейся рецессии, и цена военной интервенции может оказаться неподъемной²⁸. Этот сценарий, таким образом, имеет весьма ограниченную длительность и не дотягивается даже до лета 2015 года.

Сценарий (В) затяжной, но низкоинтенсивной гражданской войны, не выходящей за пределы крайнего востока Украины, имеет более длительную перспективу, но в любых его вариантах сохраняется высокая опасность срыва в вышеописанный кризис резкой эскалации боевых действий. Можно выделить три основных варианта, различающиеся уровнем сотрудничества России с Китаем и жесткостью конфронтации с Западом.

В первом варианте обе переменных имеют максимальное значение, то есть Россия стремится компенсировать разрыв связей с Европой и США быстрым развитием партнерско-союзнических отношений с Китаем. Именно такой вариант выглядит предпочтительным для российского руководства после майского визита Путина в Шанхай, но сомнения в его осуществимости высказывают отнюдь не только построен-

максимально благоприятных условий, в первую очередь, ликвидации принципа «бери-или-плати»³¹. Геополитический разворот с запада на восток выглядит спасительным маневром, но на самом деле чреват не только затяжным экономическим спадом и репутационными потерями, но и глубоким кризисом социальной и государственной идентичности. Статус младшего партнера и «сырьевого придатка» доминантного Китая не отвечает ни привычным культурным установкам российского общества, ни разветвленным коррупционным связям элит, которые не удастся переформатировать по непостижимым для россиян правилам китайской коррупции.

Второй вариант описывает средневзвешенную траекторию, на которой определенное укрепление связей с Китаем дополняется некоторым восстановлением отношений с Европой³². Главным направлением внешней политики при этом становится строительство собственного «полюса силы» в виде Евразийского союза, ядро которого составляет плотный союз с Беларусью и Казахстаном. Украинский кризис оказал негативное воз-

действие на реализацию этого проекта, и ради того, чтобы удержать Союз на плаву, понадобилось его существенно облегчить, сбросив сложные проблемы, такие как единая валюта или общее гражданство³³. Путину придется продавливать решение этих проблем одновременно с включением в структуры ЕАЭС Армении, что не может не создать трудностей в отношениях с Азербайджаном. России будет необходимо не только добиться согласия союзников на включение Крыма в зону общего экономического пространства, но и подтянуть к ней свои «подопечные

творечиях в альянсе³⁶. Грубое давление, в особенности на Латвию или Эстонию, скорее всего, даст результат обратный желаемому, но более умелые маневры с упором на экспорт коррупции могут серьезно снизить пресловутый общий знаменатель единой североатлантической позиции. Важной составляющей российской политики в этом варианте будет упрочение партнерства с Турцией, которая накопила собственный запас противоречий и с США, и особенно с ЕС³⁷.

Сценарий (С), исходящий из нормализации обстановки в Восточной Украине и упроче-

“Идея о трансформации Украины в «буферную зону» имеют сторонников на Западе, но не совместимы с базовыми ценностями и конкретными интересами как ЕС, так и НАТО”.

территории», включая и отдельные куски Восточной Украины³⁴. Очевидно, что реализация таких амбиций возможна лишь при значительном увеличении ресурсной базы внешней политики России, и необходимым условием такого усиления оказывается обширный кризис на Ближнем Востоке, ведущий к длительному росту цен на нефть.

В третьем варианте партнерские отношения с Китаем осложняются, и России приходится искать способы восстановления связей с Европой. Причиной первого может быть эскалация конфликтов в Восточно- и Южно-Китайском морях, где Москва предпочтет сохранять нейтралитет, вызывая раздражение Пекина³⁵. Второе в условиях злокачественной нестабильности в Восточной Украине возможно только при утрате дееспособности НАТО и ослаблении лидерства США. Вероятность такого поворота событий значительно ниже, чем хотелось бы многим профессиональным патриотам, но исключать его нельзя, и можно уверенно предполагать, что Россия постарается по максимуму использовать любую возможность сыграть на про-

ния украинской государственности, в целом более позитивен, но сопряжен с полным отказом от фантазий о «Новороссии» и попыток присоединить к России «исконно русские» земли³⁸. Основными переменными в разработке этого сценария будут динамизм и сплоченность Евросоюза, определяющие силу его воздействия на Украину, а также интенсивность революционных потрясений в мире (то есть очередная «волна» революций), определяющая устойчивость правящего режима в России.

В первом варианте оба параметра имеют наивысшее абсолютное значение, и динамично развивающийся ЕС служит моделью и источником поддержки для различных и необязательно демократических революционных сил, атакующих стагнирующие авторитарные режимы.

Украина получает исторический шанс утвердить свою европейскую идентичность путем проведения глубоких реформ, но резонно воспринимает Россию как экзистенциальную угрозу своей государственности³⁹. У Москвы нет возможности замедлить

вестернизацию Украины, поскольку она вынуждена сосредоточиться на отражении критических угроз собственной безопасности, возникающих вследствие крушения деспотических режимов Центральной Азии, а также нового обострения вооруженных конфликтов на Северном Кавказе⁴⁰. Единственным внешним фактором, дающим России возможность противостоять этим угрозам, является рост нестабильности на Ближнем Востоке (аналогично второму варианту Сценария В). Это не снимает неизбежности жесткой постановки вопроса о «возвращении» Крыма — со стороны сплоченного Запада и продвигающейся к членству в НАТО Украины. Для блокирования этого вопроса Путин может инициировать эскалацию одного из многочисленных локальных революционных кризисов, например в Азербайджане, но существует и вероятность того, что Крым может оказаться удобной уступкой для разгрызания интриги сохранения путинского режима без Путина.

Второй вариант задается умеренным динамизмом в выходе Евросоюза из затяжного кризиса начала 2010-х годов и эпизодическими революционными кризисами, в том числе и на пространстве бывшего СССР. Неизбежные разногласия в евро-атлантическом лагере оставляют России возможность настаивать на «нейтралитете» или «финляндизации» Украины, которая, несмотря на сложности в продвижении реформ, по мнению Федора Лукьянова, «все равно будет пытаться всеми возможными способами дрейфовать на Запад»⁴¹. Идеи о трансформации Украины в традиционную «буферную зону» имеют сторонников на Западе, но не совместимы с базовыми ценностями и конкретными интересами как ЕС, так и НАТО, для которых центральной задачей остается восстановление устойчивости европейской системы безопасности⁴². Россия, даже отступив из Восточной Украины, остается главной

угрозой для этой системы, но ее экономическая слабость определяет тщетность попыток «светского полицейского государства» (как обозначил Россию Владимир Пастухов) играть роль системного центра, сопоставимого с самодостаточным СССР⁴³. Любой революционный спазм в Центральной Азии, неизбежность которых не вызывает сомнений, может вызвать резонанс в России, вынужденной отвлекать усилия для сдерживания «патриотических» сил, мобилизованных в ходе неосуществленного «освободительного похода» в Донбасс.

Третий вариант предусматривает хроническую слабость Евросоюза и затухание революционных потрясений, включая относительную стабилизацию обстановки в Афганистане. Майские выборы в Европарламент указывают на реальную вероятность первого параметра, и при этом, как меланхолично заметил один из крупнейших американских экономистов, «главными победителями на выборах в Европарламент, по-видимому, станут те, кто встанет на сторону Путина в украинском кризисе»⁴⁴. Воспользоваться этой слабостью Москве будет тем не менее весьма сложно, поскольку вялая экономическая динамика в Европе будет способствовать усугублению экономической рецессии в России. Трансформация режимов в Центральной Азии в русле «мягкой исламизации» будет выгоднее Китаю, чем России, утрачивающей влияние в этом регионе — для России огромной проблемой может стать выход Ирана из экономической блокады — и умеренное снижение цен на нефть⁴⁵. При всей неотстроенности политической системы Украины, она может оказаться более гибкой в период экономической депрессии, чем громоздкая политическая машина России, которая набрала высокие обороты на старте украинского кризиса, но может не выдержать демобилизации.

Пусть впереди большие перемены

Экспертное сообщество и в России, и на Западе с видимым удовольствием анализирует структуры новой «холодной войны», хотя ограниченная пригодность этой апробированной модели конфронтации слишком очевидна. Дело не только в том, что Россия качественно уступает СССР в любом измерении «жесткой» и «мягкой» силы и не в состоянии исполнить роль принципиального антагониста Запада, как бы этого ни хотелось ветеранам «холодной войны» по обе стороны воображаемого занавеса. Дело главным образом в том, что структура военно-политического противостояния в 1945–1990 годах отличалась высокой степенью устойчивости, тогда как в остром конфликте, развивающемся с начала 2014-го, именно неопределенность, непредсказуемость и неустойчивость являются ключевыми характеристиками.

Российское руководство, изображая непоколебимую уверенность в завтрашнем дне, на самом деле, крайне остро чувствует эту неустойчивость — отсюда и навязчи-

вая тревога по поводу угрозы «цветных революций», которые признаны не только инструментом политики враждебного Запада, но и новой формой ведения войны⁴⁶. Шаткость опорных структур режима задается в основном действием внутренних сил (которые рассматриваются в других статьях этого номера), но роль внешних факторов значительно повысилась в ходе продолжающейся серии действий по взаимному сдерживанию. Нагнетание враждебности к Западу стало важнейшим средством для преодоления разрыва между правящей элитой и средним классом, но этот курс быстро привел к опасной черте, за которой ущерб от санкций и контрударов противника становился неприемлемым. Выверенность вызовов и компромиссов оказалась критически важной в поддержании новой конфронтации, но характер принятия решений в авторитарных режимах задает высокую вероятность грубых просчетов. Крымский аншлюс в этом плане имеет много общего с вторжением на Фолклендские острова, предпринятым аргентинской хунтой в

Таблица 1

СЦЕНАРИИ И ВАРИАНТЫ ИЗМЕНЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПОЛОЖЕНИЯ РОССИИ				
	Украина	Запад	Китай	Евразия
Сценарий А	Война и раскол	Жесткая конфронтация	Невмешательство	Развал ЕАЭС
Сценарий В	Локальная война			
Вариант 1		Конфронтация	Доминирующий союзник	Размывание ЕАЭС
Вариант 2		Мягкая конфронтация	Стратегический партнер	Продвинутая интеграция
Вариант 3		Выборочное восстановление	Осложнения	Укрепление ЕАЭС
Сценарий С	Нормализация			
Вариант 1		Мягкая конфронтация	Стратегический партнер	Дестабилизация
Вариант 2		Выборочное восстановление	Партнерство и соперничество	Размывание ЕАЭС
Вариант 3		Взаимный упадок	Осложнения	Доминирование Китая

1982 году, или вторжением Ливии в Чад, закончившемся полным поражением войск Каддафи в 1987-м, или вторжением Ирака в Кувейт летом 1990-го.

Конфронтация с Западом стала условием существования российской политической системы, но резко повысила цену ошибок при проецировании силы, готовность к которому рассматривается как главное конкурентное преимущество. Не имея серьезных ресурсов наращивания силового потенциала, Россия пошла поперек центральной тенденции формирующегося многополярного мира, где главным критерием успеха и влияния служит экономический динамизм. Пытаясь играть на рисках эскалации и деэскалации украинского кризиса, Москва усугубляет свое неблагоприятное международное положение, в котором частичная изоляция закрывает и без того не блестящие перспективы экономической модернизации, а наращивание связей по оставшимся

направлениям оказывается высокочрезвычайно затратным. Китай не стесняется извлекать прямую выгоду из превращения стратегического партнерства с Россией в ее основную точку опоры на международной арене, и при этом его руководство трезво оценивает высокую уязвимость российской позиции. Эта уязвимость определяется жесткой заданностью дальнейших шагов, необходимых для защиты акта территориальной экспансии. Каждая попытка Москвы стабилизировать конфронтацию на основе ситуативных компромиссов подрывается не только провокациями неправых «полевых командиров», но и невозможностью построить удовлетворительный баланс приобретений и потерь. Необходимость компенсировать нарастающую сумму просчетов и ошибок заставляет вновь захватывать инициативу в эскалации кризиса — и приближает Россию к поражению, которое угрожает основам ее неустойчивой государственности. ■

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ Об упадке политической экспертизы по России см.: *Horowitz J.* Russia Experts See Thinning Ranks' Effect on US Policy // *International New York Times*. 2014. March 6 (http://www.nytimes.com/2014/03/07/world/europe/american-experts-on-russia.html?_r=0).

² Мой анализ российских представлений о многополярности см.: *Baev P. K.* Defying That Sinking Feeling: Russia Seeks to Uphold Its Role in the Multi-Structural International System in Flux // *Perspectives on Russian Foreign Policy* / S. Blank (ed.). Carlisle Barracks PA: US Army War College, 2012.

³ Об этих непредвиденных последствиях условный Charlemagne высказался с характерной иронией: "Mr Putin has not only rekindled relations between America and Europe, but also hastened Russia's divorce from many ex-Soviet partners, despite trying to win them back by fair means or foul". См.: *Putin's Arrow: The Crisis in Ukraine Is*

Reinvigorating Transatlantic Ties // *The Economist*. 2014. March 29 (<http://www.economist.com/news/europe/21599802-crisis-ukraine-reinvigorating-transatlantic-ties-putins-arrow>).

⁴ Одной из влиятельных работ такого плана остается: *Asmus R. D.* *A Little War That Shook the World*. N. Y.: Palgrave Macmillan, 2010.

⁵ См., например: *Nexon D.* The "Failure" of the "Reset": Obama's Great Mistake? Or Putin's? // *Washington Post*. 2014. March 4 (<http://www.washingtonpost.com/blogs/monkey-cage/wp/2014/03/04/the-failure-of-the-reset-obamas-great-mistake-or-putinss/>).

⁶ См.: *Lucas E.* *Russia's New Cold War* // *Wall Street Journal*. 2014. Febr. 19 (<http://online.wsj.com/news/articles/SB10001424052702304675504579388913610934806>).

⁷ Взвешенный анализ этой интервенции можно найти в седьмой главе ("Russian Intervention in Georgia 2008") основательной работы: *Allison R.*

Russia, the West and Military Intervention. Oxford: Oxford Univ. Press, 2013.

⁸ Оценку этой готовности см.: *Galeotti M.* Deconstructing Victory Day // Russia! 2014. May 10 (<http://readrussia.com/2014/05/10/deconstructing-victory-day/>).

⁹ Попытка подвести баланс издержек и достижений радикальной перестройки вооруженных сил сделана в статье: *Баев П.* Траектория военной реформы в России // Pro et Contra. 2012. Июль-окт. (<http://www.carnegie.ru/proetcontra/?fa=50675>).

¹⁰ Именно к этому моменту, по всей видимости, восходит отношение, точно схваченное одним бывшим кремлевским инсайдером: «Путин, несомненно, испытывает отвращение при виде революции, буквально физиологическое». См.: *Павловский Г.* Путин в дни Великой русско-украинской революции // Гэфтер, 14 марта 2014 (<http://gefter.ru/archive/11640>). См. также: *Ioffe J.* What Really Scares Vladimir Putin the Most // New Republic. 2013. Sept. 29 (<http://www.newrepublic.com/article/114804/whats-behind-vladimir-putins-syria-policy>).

¹¹ См.: *Лукьянов Ф.* Дипломатия третьего десятилетия // Газета.ру. 9 янв. 2014 (<http://www.gazeta.ru/comments/column/lukyanov/5834329.shtml>).

¹² См., например: *Бартош А.* Цели и механизмы модели управляемого хаоса // Независимое военное обозрение. 2013. 27 сент. (http://nvo.ng.ru/concepts/2013-09-27/6_chaos.html).

¹³ Самое примечательное в этой комбинации геополитики и теории заговора — ее эффективная трансляция в социальных слоях, ранее именовавшихся интеллигенцией, которые призваны выступать носителями критической мысли. См., например: *Жиртуева Н.* Украина и Крым в жерновах мировой геополитики // РИА-Новости. 2014. 12 марта (<http://rian.com.ua/analytics/20140312/340930745.html>).

¹⁴ См.: *Тренин Д.* Одиночное плавание. М.: Центр Карнеги, 2009.

¹⁵ См.: *Караганов С.* Союз Европы: последний шанс? // Россия в глобальной политике. 2010. 9 июль (<http://www.globalaffairs.ru/pubcol/Soyuz-Evropy-poslednii-shans-14943>).

¹⁶ Российские эксперты честно пытались придать серьезный вид этой пустой инициативе; см., например: *Данилов Д.* Договор о европейской безопасности в рамках треугольника ЕС — США —

НАТО // Индекс безопасности. Дек. 2010 (<http://www.pircenter.org/articles/163-the-european-security-treaty-within-the-eu-usanato-triangle>).

¹⁷ Примером злой критики Газпрома может служить статья: *Ashund A.* Why Gazprom Resembles a Crime Syndicate // Moscow Times. 28 Febr. 2012 (<http://www.themoscowtimes.com/opinion/article/why-gazprom-resembles-a-crime-syndicate/453762.html>).

¹⁸ Отсутствие ресурсов для реализации этих амбиций было очевидно с самого запуска программы в 2009 году, но признание этого факта стало неизбежным только после провала вильнюсского саммита в ноябре 2013-го. См.: *Rachman G.* Europe Has Lost the Ability to Shape Its Neighbours // Financial Times. 2014. May 20.

¹⁹ См. об этом: *Gregory P. R.* Emphasizing With the Devil: How Germany's Putin-Verstehers Shield Russia // Forbes. 2014. May 4 (<http://www.forbes.com/sites/paulroderickgregory/2014/04/05/empathizing-with-the-devil-how-germanys-putin-verstehers-shield-russia/>).

²⁰ О резонансе этого нарушения международного права см.: *Shevtsova L.* The Putin Doctrine: Myth, Provocation, Blackmail, or the Real Deal? // American Interest. 2014. Apr. 14 (<http://www.the-american-interest.com/articles/2014/04/14/the-putin-doctrine-myth-provocation-blackmail-or-the-real-deal/>).

²¹ Основательное мнение о необходимости дальнейших шагов в этом направлении высказано в статье: *Pifer S.* NATO Looks Divided and Its Eastern Members Look Exposed // Financial Times. 2014. May 19 (<http://www.brookings.edu/experts/pifers>).

²² Вопрос о недостаточности развернутой группировки для решения задачи эффективной оккупации двух областей (не говоря уже о ключевом для Восточной Украины Харькове) убедительно ставил Александр Гольц (с которым автор в середине мая имел возможность обсудить эти ограничители); см.: Российским войскам опять приказано отойти от границы // Ежедневный журнал, 2014. 19 мая (<http://ej.ru/?a=note&id=25160>).

²³ Утечка информации о содержании этого пакета была весьма своевременной, см.: *Exclusive: EU Weights Russia Sanctions From Caviar to Oil and Gas* // Reuters. 2014. May 23 (<http://www.reuters.com/article/2014/05/23/us-ukraine-crisis-exclusive-idUSBREA4M0J020140523>).

²⁴ Это мнение в развернутом виде см.: *Ваво P.* Going to Beijing, Putin Opted for Backing-off in Ukraine // Eurasia Daily Monitor. 2014. May 19 (http://www.jamestown.org/programs/edm/single/?tx_ttnews%5Btt_news%5D=42380&tx_ttnews%5BbackPid%5D=756&no_cache=1#.U4EEEn8uKDIU).

²⁵ См., например: *Robins-Early N.* Here Is Why Putin Calling Eastern Ukraine “Novorossiya” is Important // Huffington Post. 2014. Apr. 20 (http://www.huffingtonpost.com/2014/04/18/putin-novorossiya-ukraine_n_5173559.html).

²⁶ О неуправляемости «ополченцев» см.: *Mallack C.* Why Putin’s Ukrainian “New Russia” Could Be an Ungovernable Mess // Bloomberg Business Week. 2014. May 5 (<http://www.businessweek.com/articles/2014-05-05/why-putins-ukrainian-new-russia-could-be-an-ungovernable-mess>).

²⁷ Оценка боеспособности российских войск остается умозрительной; см. об этом: *Putin’s New Model Army* // The Economist. 2014. May 24 (<http://www.economist.com/news/europe/21602743-money-and-reform-have-given-russia-armed-forces-it-can-use-putins-new-model-army>).

²⁸ Экспертное мнение на эту тему см.: *Åslund A.* Russia Is in No Economic Shape to Fight a War // Moscow Times. 2014. Apr. 22 (<http://www.themoscowtimes.com/opinion/article/russia-is-in-no-economic-shape-to-fight-a-war/498728.html>).

²⁹ См., например: *Адоманис М.* Почему экономический союз России и Китая невозможен // Слон.ру. 2014. 26 мая (http://slon.ru/economics/pochemu_ekonomicheskij_soyuz_rossii_i_kitaya_nevozmozhen-1103414.xhtml).

³⁰ О неравноправности партнерства см.: *Каушн В.* Благожелательный баланс // Россия в глобальной политике. 2014. 27 апр. (<http://www.globalaffairs.ru/number/Blagozhelatelnii-balans-16589>).

³¹ Компетентная оценка этой сделки дана в статье Михаила Крутихина: Шанхайский набат // The New Times. 2014. May 26 (<http://www.newtimes.ru/articles/detail/82783/>).

³² Обоснование возможности такого баланса дается в статье: *Weafer Ch.* Russia Needs to Pivot East and West // Moscow Times. 2014. May 7 (<http://www.themoscowtimes.com/opinion/article/russia-needs-to-pivot-east-and-west/499792.html>).

³³ См. об этом: *Barbashin A.* A Eurasian Union No More? // The National Interest. 2014. Apr. 23 ([http://nationalinterest.org/feature/eurasian-](http://nationalinterest.org/feature/eurasian-union-no-more-10296)

[union-no-more-10296](http://nationalinterest.org/feature/eurasian-union-no-more-10296)); заслуживает внимания также: *Сатнаев Д.* Переход на крымское время // Независимая газета. 2014. 27 мая (http://www.ng.ru/stsenarii/2014-05-27/9_geopolitika.html).

³⁴ Любопытное рассуждение на эту тему см.: *Байер А.* Новороссия как новая ГДР // Ведомости. 2014. 26 мая (<http://www.vedomosti.ru/opinion/news/26954051/novorossiya-kak-novaya-gdr>).

³⁵ Серьезное предупреждение об опасности этих микроконфликтов содержится в статье: *Рубини Н.* Глобальный эпицентр в Азии // Россия в глобальной политике. 2014. 7 мая (<http://www.globalaffairs.ru/global-processes/Globalnyi-epitcentr-v-Azii-16620>); см. также: *Мосяков Д.* На грани фола: Политика Китая в Южно-Китайском море // Индекс Безопасности. Т. 19. Зима 2013 (<http://www.pircenter.org/articles/1593-na-grani-fola-politika-kitaya-v-yuzhnokitajskom-more>).

³⁶ Неустойчивость лидерства США акцентируется в статье Александра Храмчихина: Геополитический тупик Вашингтона // Независимая газета. 2014. 23 мая (http://www.ng.ru/realty/2014-05-23/1_washington.html).

³⁷ Грамотная оценка этих противоречий дается в статье: *Бусыгина И.* Нужна ли Турции Большая Европа? // РСМД. 2014. 20 марта (http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=3343#top).

³⁸ Порочность этих фантазий предметно доказывается в материале Дмитрия Орешкина: Никакой Новороссии нет // Новая газета. 2014. 12 мая (<http://www.novayagazeta.ru/politics/63501.html>). Ярким примером их претворения в политическую жизнь может служить: *Дугин А.* Рождение Новороссии – главное событие минувшей недели // РИА-Новости. 2014. 19 мая (<http://ria.com.ua/view/20140519/349469436.html>).

³⁹ Как подчеркивает Лоренс Фридман, один из самых уважаемых английских специалистов в области стратегии: «Наихудшим для России является такое развитие событий, при котором происходит возрождение Украины под присмотром Запада, которое создает контраст с политико-экономической стагнацией в самой России. Россия уже потеряла Украину в качестве конструктивного элемента в большом (российском) геополитическом проекте, а ее влияние на постсоветском пространстве оказалось подорвано». См.: *Freedman L.* Ukraine and the Art of Crisis Management // Survival. Vol. 56. Spring 2014. P. 7–42 (<http://www.iiss.org/en/regions/ukraine/56-3-02-freedman-6162>).

⁴⁰ Массовые протесты в Абхазии, которые едва не привели к революции, могут оказаться первым звеном в этой цепи кризисов; см.: *Рокс Ю.* Абхазцы разочаровались в жесткой руке // Независимая газета. 2014. 29 мая (http://www.ng.ru/cis/2014-05-29/1_abhazia.html).

⁴¹ См.: *Лукьянов Ф.* Следующая остановка — Дейтон // Газета.ру. 26 мая 2014 (<http://www.gazeta.ru/comments/column/lukyanov/6048309.shtml>).

⁴² Одним из первых подал свой голос за «финляндизацию» патриарх американской дипломатии, см.: *Kissinger H. A.* How the Ukrainian Crisis Ends // Washington Post. 2014. March 5 (http://www.washingtonpost.com/opinions/henry-kissinger-to-settle-the-ukraine-crisis-start-at-the-end/2014/03/05/46dad868-a496-11e3-8466-d34c451760b9_story.html).

⁴³ См.: *Пастухов В.* Витязь на распутье: старые

сказки о российской государственности на новый лад // Полит.ру. 2014. 25 мая (<http://polit.ru/article/2014/05/25/crossroads/>).

⁴⁴ См.: *Krugman P.* Crisis of the Eurocrats // International New York Times. 2014. May 22 (http://www.nytimes.com/2014/05/23/opinion/krugman-crisis-of-the-eurocrats.html?_r=0).

⁴⁵ Интересное мнение о политическом исламе в Центральной Азии высказано в статье: *Starr F.* Moderate Islam? Look to Central Asia // International New York Times. 2014. Febr. 26 (http://www.nytimes.com/2014/02/27/opinion/moderate-islam-look-to-central-asia.html?partner=rssnyt&emc=rss&_r=3).

⁴⁶ Об этой новации в теории войн см.: *Гольц А.* Минобороны оживляет путинские фантомы // Ежедневный журнал. 2014. 26 мая (<http://ej.ru/?a=note&id=25204>).

Посткрымский политический режим

«Крымский фактор» стал не радикальным изменением вектора прежних тенденций, а скорее их ускорением, логическим, хотя и резким, а отчасти и неожиданным | **БОРИС МАКАРЕНКО**

К 2014 году в России — равно как и в Украине — возможности инерционного сценария развития оказались полностью исчерпаны. Критическая развилка для России состояла в следующем: пытаться сохранить статус-кво (а следовательно, и правящий режим, умеющий извлекать из этого статус-кво максимум дивидендов, как властных, так и материальных) или искать институциональные решения проблем, порожденных развитием страны за предыдущее десятилетие. Как описывалось нами в проекте «Россия-2025»¹, после возвращения на пост президента Владимир Путин стремился совместить оба этих сценария: с одной стороны, сохранить несущую конструкцию своего режима — «пирамидальную» коалицию элит, монополизировавшую контроль над отношениями власти и собственности, с другой — произвести частичную реформу политической системы, перейдя от тотального доминирования партии власти к режиму манипулирования оппозиционными силами. Однако качественные изменения в системе при таком подходе проявились бы в лучшем случае в среднесрочной перспективе. Таким образом, в событиях 2012–2013 годов можно было найти признаки как усиления авторитарных тенденций, так и точечной либерализации.

Постановка проблемы: прощай, надежда на модернизацию

При другом стечении обстоятельств, возможно, правящая элита тактическими маневрами могла бы еще несколько лет уклоняться от выбора модели развития. Однако события вокруг Украины, и особенно присоединение Крыма, в сущности, означали, что выбор сделан². Как изменение во внешнеполитическом позиционировании, так и внутриполитические и социально-экономические последствия «крымского решения», по сути дела, закрывают перед Россией модернизационный сценарий развития: шансы на то, что российское руководство его выберет, были невелики и раньше, теперь же модернизация становится просто невозможной. Кратко перечислим обоснования такого вывода.

Во-первых, и без того остановившийся экономический рост грозит перейти в откровенную рецессию, испорченные отношения с Западом и рост непредсказуемости порождают отток капитала, падение курса рубля, крах надежд на приток инвестиций, удорожание кредита. Сокращение потребительского спроса лишает экономику и этого драйвера (подробнее об этом см. статью Сергея Алексашенко в этом номере *Pro et Contra* — с. 104–107). Вынужденная рецессией

дальнейшая централизация регионов лишает региональные власти инициативы и стимулов к поиску стратегий роста. Этот тренд только кажется экономическим, политический фактор делает его необратимым: Запад переходит от сотрудничества к «сдерживанию» России по всем направлениям, где может без такого сотрудничества обойтись. А без динамично развивающегося сотрудничества с передовыми экономиками модернизация вряд ли возможна ³.

Во-вторых, конфронтация с Западом резко усиливает охранительные и реакционные

Как и по всем другим измерениям российской ситуации, «крымский фактор» стал не радикальным изменением вектора прежних тенденций, а скорее их ускорением, логическим, хотя и резким, а отчасти и неожиданным. Если раньше в тактике режима просматривались как инерция, так и стремление к контролируемому обновлению, способному со временем обрести собственную динамику, то ныне целеполагание властной элиты направлено исключительно на сохранение нынешнего режима.

«Посткрымская ситуация» просто повысила риски, неизбежные в случае децентра-

“Власть будет сохранять опору на патерналистское большинство, стремиться к изоляции и маргинализации меньшинства, добивающегося права влиять на политику”.

тренды в том, что недавно мягко называлось «консервативной волной». Развитие, реформы, преобразования уходят из реального целеполагания власти (сохраняясь лишь на уровне риторики и частных технократических решений) и подменяются проповедью гарантий от «движения назад и вниз, к хаотической тьме, возврату к первобытному состоянию», со ссылкой на авторитет Николая Бердяева ⁴.

В-третьих, как будет показано ниже, нарастающее разочарование населения по мере ухудшения социально-экономического положения власть будет компенсировать «подъемом патриотизма», формируя сверху единственную «патриотическую» позицию, маргинализуя все иные точки зрения, навязывая нетерпимость к «чуждым ценностям». Оговоримся, подобная позиция скорее типична для некорпоративистских режимов; некоторые из них оказывались вполне способны на авторитарную модернизацию, однако при принципиально ином целеполагании, когда авторитаризм власти использовался для мобилизации ресурсов и подавления сопротивления непопулярным реформам.

лизации режима и повышения автономии как экономических, так и политических институтов. И именно поэтому власть — в вековой российской традиции — старается сохранить за собой роль единственного субъекта политики страны, а потому не останется и перед ужесточением режима ради достижения нужных результатов. С этой целью власть будет сохранять опору на патерналистское большинство, стремиться к изоляции и маргинализации меньшинства, добивающегося права влиять на политику. Удержание этого большинства в условиях сокращающегося перераспределения общественных благ требует более грубых и идеологизированных механизмов социальной мобилизации для сохранения статус-кво, но главное, при этом сценарии невозможны институциональные реформы — они разбалансировали бы имеющуюся базу поддержки, а резервов гибкости у власти немного.

В такой ситуации все чаще проводятся параллели с правлением Николая Первого, в частности, цитируется характеристика императора Василием Ключевским:

«Николай поставил себе задачей ничего не переменять, не вводить ничего нового в основаниях, а только поддерживать существующий порядок, восполнять пробелы, чинить обнаружившиеся ветхости помощью практического законодательства и все это делать без всякого участия общества, даже с подавлением общественной самостоятельности, одними правительственными средствами; но он не снял с очереди тех жгучих вопросов, которые были поставлены в прежнее царствование, и, кажется, понимал их жгучесть еще сильнее, чем его предшественник. Итак, консервативный и бюрократический образ действия — вот характеристика нового царствования; поддержать существующее помощью чиновников — еще так можно обозначить этот характер»⁵.

Николаевское правление закончилось поражением в Крымской войне, для нынешнего режима обретение Крыма кажется открывшимся «вторым дыханием», но о его долгосрочном воздействии на политическое развитие России судить пока рано.

В своих дальнейших построениях мы исходим из допущения относительного «статус-кво» в парадигме отношений России с Западом «после Крыма»: Запад перешел к стратегии сдерживания (*containment*) России, что имеет долгосрочные последствия, но при этом поводов для дальнейшей эскалации не возникает. В этом случае «сохранение режима» будет возможным через минимизацию ущерба от этой конфронтации, постепенное «выгребание на тихую воду» в контактах с внешним миром и минимизация резких шагов в отношениях с собственными элитами и неподконтрольными политическими силами. Иной сценарий — который стал бы не просто вероятным, а практически неизбежным в случае полномасштабной конфронтации с Западом — подразумевал бы превращение России в чисто авторитарное государство.

Ключевая переменная — легитимность власти

«Возрастные болячки» режимов, подобных российскому, хорошо известны и, продолжая медицинскую аналогию, образуют «букет» взаимосвязанных заболеваний: падение эффективности, эрозия легитимности, вопрос преемственности власти. Проблема легитимности в этом «букете» представляется ключевой: в ней отражаются представления населения и об эффективности власти, и о символическом лидерстве, от которого зависит вопрос преемственности. С известным упрощением ее можно свести к двум основным составляющим: *как нами правят* (насколько эффективна власть в удовлетворении потребностей общества) и *насколько правители заслуживают доверия*. Уже в прошлые годы, начиная с 2011-го, эти составляющие развивались по расходящимся траекториям.

«Легитимность эффективности власти» (способность удовлетворить социально-экономические запросы) снижалась и в прошлые годы. Модель поддержания социального самочувствия в «майских (2011 года) указах» президента исходит из совсем иных темпов роста, то есть попросту невыполнима без ущерба для других направлений государственных расходов. «Обрушения» легитимности по этой причине ждать не следовало и не следует: ресурс терпения у общества велик, запас прочности у власти достаточен, чтобы в ручном режиме гасить точечные прорывы (например, помогать регионам или городам, в которых складывается особо тревожная ситуация с финансированием социальных расходов). Чаще для расшивки таких ситуаций власть будет пользоваться «пряником» (по модели спасения Пикалево в 2009-м): мода на протесты прошла, «крымский консенсус» пока силен, что позволит не прибегать к «кнуту» в виде разгона демонстраций, однако на долгосрочную перспективу такой прогноз был бы опрометчив. В любом случае

в таких обстоятельствах пропадает социальный оптимизм, затрудняется социальная мобилизация для выражения лояльности власти (на выборах и не только).

Российская власть не может быть эффективной хотя бы по той причине, что «политика» у нас отделена от «управления» (несколько упрощая: *politics* от *policy*). «Политикой» — управлением губернаторами и партией власти, выборами, отношениями с оппозицией, публичной политикой — занималась «президентская вертикаль», а «управлением» — правительство и органы исполнительной власти на местах. Они и раньше не умели, а со снижением политической конкуренции совсем разучились просчитывать и учитывать реакцию общества на свои действия. Отсюда многочисленные скандалы и волнения с реформой школ, «оптимизацией» медицинских учреждений, скачками тарифов на ЖКХ, сокращением социальных льгот. Урон от такого разрыва между политикой и управлением рос по мере того, как государству приходилось «оптимизировать» (на деле — сокращать, перекладывать на плечи регионов) социальные расходы.

Институциональные реформы в повестке дня власти занимали крайне небольшое место: введению обязывающих и универсальных «правил игры» власть предпочитала режим «ручного управления», обеспечивающий сохранность ее монополии. Там же, где такие попытки предпринимались, успех оказывался ограниченным. Например, в реализации «дорожных карт» повышения места России в рейтинге Всемирного банка *The Ease of Doing Business* (а этот проект находится под приоритетным контролем президента) в 2013-м по одному из трех наиболее критичных направлений (присоединение к электросетям) был достигнут успех, но по двум остальным (разрешения на строительство и таможенное регулирование) пришлось констатировать полный провал. В то

же время госрегулирование становится все более избыточным — восстановлено право МВД возбуждать дела по налоговым преступлениям, порядок проверок НКО становится более жестким, чем проверки коммерческих фирм и т. п. «Правила игры» непредсказуемы, на что жалуются все (вполне лояльные) общероссийские объединения бизнеса: один из свежих примеров — неожиданное повышение налога на коммерческую недвижимость, что усугубит и без того непростое положение малого бизнеса в условиях сокращения покупательского спроса и нарастания бюрократического давления и коррупции. Попытки «взбодрить» экономику мобилизационными мерами и замещением международных экономических и производственных структур отечественными аналогами или повышением налоговой нагрузки на частный бизнес и средний класс будут иметь сомнительную экономическую эффективность, зато оттолкнут в лагерь противников власти наиболее динамичную часть общества.

Еще одна важная составляющая неэффективности власти состоит в том, что в глазах абсолютного большинства общества (в том числе тех, кто за нее голосует) она остается «неправедной», несправедливой. В недавнем опросе, проведенном по заказу автора этой статьи и его коллег «Левада-Центром», выявилась иерархия институтов и практик, которые, по мнению респондентов, наиболее дефицитны в российском обществе. Четыре позиции — *равенство граждан перед законом* (54 проц.), *независимый суд* (44 проц.), *честные и справедливые выборы* (41 проц.), *подотчетность власти гражданам* (35 проц.) не только получают наибольшее количество сторонников, но и носят почти консенсусный характер у разных категорий общества. Констатация их дефицита — это и есть установка общества на «несправедливость государства»⁶.

Эта составляющая легитимности власти уже подорвана, и перспектив «обратного дви-

жения» не просматривается. Как показано выше, при стагнации роста и из-за отложенных последствий осложнения отношений с Западом ресурсы для перераспределения будут сокращаться, а качество госуправления — падать. Но она, сама по себе, не вызовет резкой делегитимации в обозримом будущем, по крайней мере, если не разовьется масштабный экономический кризис.

Вторая составляющая легитимности — признание за властью миссии символиче-

В том же ряду и желание (пусть «платоническое») смены власти, то есть обострение проблемы преемственности. Напомним данные «Левада-Центра»: видеть Путина президентом после 2018-го осенью 2013 года не хотел 41 проц., хотела — порядка четверти населения. Забегая вперед, отметим, что после крымских событий это соотношение поменялось на 22 проц. против 49 процентов) ⁷.

Казалось, российский режим утрачивал такую трудноуловимую черту, как *репутация*

“Важная составляющая неэффективности власти состоит в том, что в глазах абсолютного большинства общества она остается «неправедной», несправедливой”.

ского лидерства, что в российском режиме практически сводится к персоналистской составляющей. Казалось, что и по этому направлению наблюдается существенная эрозия. «Обратная рокировка», то есть возвращение Путина на президентский пост, оказалась сопряжена с немалыми издержками: часть общества увидела в ней сигнал о несменяемости власти и отсутствии перспектив как личных социальных карьер, так и развития страны в целом. Последовавшая за этим волна протестов против нечестных выборов расколола «путинский консенсус». Выделилось отчетливое меньшинство, отвергающее легитимность режима и требующее для себя роли в политике — *появилась «культура граждан, а не подданных»*. Граждане уже ощутили себя если не силой, то общностью (пусть и виртуальной, лишенной лидеров и программы и разочарованной итогами «выхода на площадь»).

Другие признаки эрозии такой «персоналистской легитимности» — это растущий в обществе запрос на большую открытость и конкурентность в политике — не смену власти, но ее большую подконтрольность и право критиковать, оспаривать ее действия.

удачливости, — социологи фиксировали спад эмоционально насыщенной, активной поддержки Путина, доминирующими мотивами которой оставались боязнь перемен и безальтернативность ⁸; путинской власти «перестало везти» с ценами на нефть, высокими темпами роста, увеличением «пирога» для патерналистского перераспределения, с добрыми отношениями с Западом, «не повезло» со ставкой на Януковича на Украине. Разве что блестящий олимпийский успех в Сочи отчасти вернул нации чувство оптимизма, которое вряд ли бы продлилось долго.

Правда, эрозию этой составляющей легитимности не следует преувеличивать. Рейтинг президента оставался стабильным, хотя и не достигал в последнюю пару лет высших значений. Его главный ресурс (как убедительно пишет об этом Алексей Левинсон ⁹) в том, что президент — не единственный, но главный объединяющий символ для страны и общества, переживших совсем недавно множественные шоки распадов огромной страны, единой народнохозяйственной пирамиды мощной промышленности, сменившейся атомизированными «субъектами рынка». Общество утрачивало веру в спо-

способность президента и его администрации добиться качественных сдвигов к лучшему, но по-прежнему ценило стабильность и гарантию от потрясений.

Присоединение Крыма и «посткрымское состояние» переломили негативный тренд, повысили легитимность власти как защитника от внешних угроз, вызвали эффект «сплочения вокруг флага». На определенный период (скорее годы, чем месяцы) повысившаяся «символическая легитимность» будет перекрывать пессимизм, накопившийся в результате повседневной деятельности власти. Однако противоречие между этими двумя трендами остается неразрешенным: «патриотический подъем» не решает ни одной насущной социально-экономической проблемы и только усугубляет описанные выше антимодернизационные тренды (в экономике, общественном дискурсе, целеполагании власти).

То, как будут развиваться противоречия между этими двумя составляющими легитимности власти, во многом задает рамку развития всей политической системы.

Тренды развития политической системы

Начатая в 2012-м политическая реформа сама по себе стала кризисом системы, потому что усугубляла противоречие: ставка власти на полное доминирование в публичном пространстве отставала от описанного выше общественного запроса, но движение навстречу этому запросу — создание более плюралистического политического поля — могло придать дальнейшую динамику процессам либерализации и тем самым поставить под вопрос сохранность властно-собственнической пирамиды и — в сочетании с неблагоприятными социально-экономическими тенденциями — гарантии воспроизводства режима после президентских выборов 2018 года.

Подход власти к разрешению этого противоречия наметился еще до крымского

кризиса, но после него приобрел завершенную форму. Первая его составляющая — доведение централизации управления до предела, ставка на крупный бизнес (государственный или сращенный с бюрократическим аппаратом), взятие под государственный контроль всего что можно — от социальных сетей и поисковиков до сферы морали и культурных ценностей. Вторая составляющая — выхлещивание смысла реформы политической системы.

Посткрымский рост популярности и обретение новой легитимности самой власти кажутся решением прежних проблем политической системы. Однако на самом деле такая политика порождает новый кризис, еще глубже загоняя внутрь имеющиеся противоречия и неадекватное представительство интересов в политическом поле.

Добавим: объективная ситуация на сегодняшний день не требует усиления авторитарности, поскольку доминирование властной вертикали на всех уровнях абсолютно, а все виды оппозиции слабы и деморализованы. Протестное движение 2011–2012 годов сошло на нет, не породив новых организованных политических сил. Тем не менее искушение воспользоваться моментом для превентивного закручивания гаек может оказаться слишком сильным — его порождают и иррациональные страхи перед «оранжевыми революциями», усиленные украинскими событиями, и непредсказуемость социально-экономической ситуации в перспективе ближайших двух-пяти лет. Целеполагание режима в посткрымской ситуации во многом определяется именно такими страхами и авторитарными искушениями, а потому «субъективная» сторона вопроса — завышенные страхи, ошибочные решения, служебное рвение и стремление показать суперлояльность¹⁰ — все это приводит к спонтанной и заведомо избыточной «жесткости» действий власти. Крен в «жесткость» не будет встречать еще одной преграды, которая суще-

ствовала в предыдущие годы: конфронтация с Западом резко снижает готовность российского руководства учитывать реакцию Запада на свои действия.

Вопрос о том, становится ли в результате российский политический режим авторитарным, представляется несколько схоластическим. Очевидно, что авторитарных черт и практик в этом режиме становится больше и что «жесткость» этого режима с большой вероятностью будет возрастать и дальше¹¹, но само по себе «присвоение» России этого статуса мало что даст для анализа перспектив ее политического развития. Гораздо важнее зафиксировать факт отката в модернизационном развитии России, при котором нарастание авторитарных черт фактически становится зависимой переменной, но масштабы этого отката и прогноз дальнейшей траектории развития плохо поддаются прогнозированию.

ПАРТИЙНАЯ СИСТЕМА Реформа партийной системы продолжается и дала первые ощутимые результаты. Выборы сентября 2013-го показали реальный рост плюрализма: эффективное число партий выросло и впервые с 2007 года превысило отметку 3 (3,15)¹², до 12 выросло число партий, имеющих право выдвигать кандидатов в Государственную думу без сбора подписей. Повышается роль одномандатников, что «возвращает человека в политику». Этот позитивный тренд кажется необратимым, но его эффект в посткрымских условиях будет ограниченным и небыстрым. Власть стремится путем уже не прямого зажима конкуренции, а манипулирования (что мы назвали два года назад «необонапартизмом»¹³) сохранить почти полное доминирование в партийном пространстве. Такое доминирование обеспечивается сочетанием нескольких методов.

Первый из них — обеспечение более жесткой управляемости партий думской

оппозиции. Пока партия власти абсолютно доминировала в Думе, не было стимулов ограничивать «свободу крика» оппозиции — в ней не чувствовали угрозы. Теперь, когда власть ощущает опасность, причем исходящую не из парламента (сокращение доли «Единой России» в палате никак не повлияло на ее властную монополию), а из внепарламентского пространства, она стремится продемонстрировать почти полный консенсус «парламентского истеблишмента». Власть пытается оседлать и возглавить почти все повестки дня (кроме либеральной): социальную, консервативную, патерналистскую, патриотическую. Крымский фактор многократно усиливает этот тренд: не случайно, даже отчет правительства перед Думой в апреле 2014-го за объективно провальный в экономике год почти не вызвал критики — оппозиция стесняется хоть как-то усомниться в «патриотическом консенсусе». Голосования становятся все более единодушными, все труднее сказать, чем оппозиционные партии отличаются друг от друга и от партии власти. По сути, мы наблюдаем *полное вырождение партийной системы*: при несменяемости власти и слабости парламента содержательная дискуссия угасла, ее подменяют популистские и демагогические пиар-ходы. Все это только усиливает зависимость «системных» партий от исполнительной власти. По сути, парламентские партии становятся частью неокорпоративистской системы, в которой выполняют функции «попутчиков» режима, подыгрывают ему. Например, устами лидеров «оппозиционных» партий озвучиваются более радикальные призывы по украинскому кризису, от «Справедливой России» и ЛДПР исходят инициативы о введении в Думе «императивного мандата» — права партийных фракций лишать мандата собственных депутатов, несовместимого с европейским парламентаризмом, и т. п. Именно поэтому режим будет заинтересован в сохранении в

парламентском пространстве именно этих партий, создавая помехи для их потенциальных конкурентов.

Прочие способы не новы, они возникли одновременно с началом политических реформ. Второй из них — возведение новых барьеров для политической конкуренции. Введение в качестве условия автоматической регистрации на региональных выборах наличия у нее депутатов в муниципальных органах — чрезмерно жесткий ограничитель, пролоббированный региональными элитами. Он противоречит духу реформы: если

ми, новых «сгустков» в партийном пространстве не появилось, а со старыми власть уже давно научилась работать. При этом очевидны признаки давления на партии, подающие признаки жизни, как на старые (возбуждение уголовных дел против статусных коммунистов), так и на новые, — «Гражданская платформа», «Альянс зеленых».

При таком доминировании у власти нет необходимости лобовых запретов или принудительного введения однопартийности: посткрымская ситуация закрепила полное доминирование власти в партийном пространстве.

“Партия «Единая Россия» перестает быть публичной опорой для президента и единственно возможной идентификацией провластных политиков”.

партии труднее пробиться в региональные собрания, то и получить право регистрации на федеральных выборах для нее становится затруднительнее. В полную силу действуют прежние ограничители, в первую очередь, муниципальный фильтр, который делает невозможным выдвижение кандидата в губернаторы без согласия действующей власти.

Третий способ — расширение плюрализма при недопущении появления реальных альтернатив власти. На выборах 2013 года «Единая Россия» потеряла порядка 19 пунктов по сравнению с предыдущим циклом таких же выборов, но *ее проигрыш не стал ничьим выигрышем*: традиционные парламентские партии получили примерно столько же, сколько в прошлом цикле. Эта «дельта» оказалась размазанной между двумя десятками новых малых партий, лишь в единичных случаях преодолевавших отсекающий барьер. Лучшей из них стала «Гражданская платформа» (4,5 процента). Против нее же наиболее активно применялись репрессии и отсечение от выборов (губернаторских, законодательных в Ярославской области). Иными слова-

В рамках нового курса переопределяется и партия власти, причем главное в этом переопределении — усиление некорпоративистских тенденций. До последнего времени казалось, что власть разочаровалась в опоре на «доминантную партию» (даже в той поверхностной форме, в которой она существовала в России) и переходит к формату чисто корпоративистскому и персоналистскому — опоре на Общероссийский народный фронт (ОНФ), прямой коммуникации общенационального лидера с обществом при очень эфемерном посредничестве ОНФ.

«Единая Россия» в той тенденции все равно оставалась партией власти, которая «набирала сколько могла». В ряде регионов ЕР остается почти такой же сильной (национальные республики, регионы с моноцентрической системой власти), в других — сохраняет относительное большинство, но во многих — усиливается конкуренция. Главное, что «Единая Россия» перестает быть публичной опорой для президента (эту роль взял на себя ОНФ) и единственно возможной идентификацией провластных политиков.

Последствия присоединения Крыма эту тенденцию как минимум приостановили. Вслед за рейтингом Путина поднялся и рейтинг партии, вновь став функцией от рейтинга президента. Так, по данным фонда «Общественное мнение», президентский рейтинг вырос с 45 проц. в феврале до 67 проц. в середине мая, а «Единой России» — с 38 до 50 процентов¹⁴. Очевидно, что на выборах сентября 2014-го «Единая Россия» покажет убедительный результат. Однако это не сделает политический режим в России менее персоналистским и не вернет «Единой России» роли «непрерывной партии власти». К тому же более широкое применение мажоритарной системы чревато значительным обновлением депутатского корпуса ЕР за счет людей более активных, публичных, способных общаться с избирателями. Не случайно «Единая Россия» переходит к модели открытых (*blanket*) праймериз, вынуждающих единороссов конкурировать друг с другом за симпатии активных избирателей. Фактически это будет означать некоторую плюрализацию лояльного пространства: по округу сильная фигура может баллотироваться и победить под почти любым партийным флагом или без него (напомним победу коммунистического кандидата на выборах мэра Новосибирска), то есть «Единая Россия» перестает быть непрерывным маркером лояльной власти фигуры.

Появление одномандатников повысит публичность политики. Изначально большинство победителей по округам (на всех уровнях) будут ориентированы на власть, но среди них окажется немало новых людей. Сильнее станет популистский момент и акцентирование низовых (уровня соответствующего избирательного округа) аргументов. В случае ухудшения социально-экономической ситуации одномандатники (даже лояльные) будут сохранять верность «своей» исполнительной власти, но вставать в оппо-

зицию уровню выше (в первую очередь — федеральному). В конфликт «Центр — регионы» вернется забытая составляющая одномандатников — региональных лоббистов, а возможно, и сенаторов-лоббистов по мере прихода в верхнюю палату тех, кто теснее связан со своим регионом. Можно ожидать появления двух типов одномандатников. С одной стороны, это действительно представители избирателей и лоббисты регионов (а иногда — и городов, округов). С другой — и Центр, и некоторые регионы будут стремиться провести в парламенты послушных популистов.

В межвыборный период Общероссийский народный фронт будет ограниченно активен: ему будут атрибутироваться популярные (а на самом деле тщательнее отобранные и срежиссированные наверху) инициативы антибюрократического толка (например, по контролю над выполнением президентских указов), на региональных выборах будут обкатываться модели выступления партии власти двумя колоннами (ЕР + группы лояльных одномандатников). Смысл этой модели — построение корпоративистской вертикали, в которой формально институционализированная через «Единую Россию» вертикаль региональных элит отойдет на задний план, а реальный контроль окончательно сосредоточится в непубличных вертикалях гражданской и силовой бюрократии. «Патриотический консенсус» придаст этой конструкции не идеологию, но «отчетливую ментальность»¹⁵ и легитимацию.

Скорее всего, полномасштабное выступление Общероссийского народного фронта будет отложено до президентских выборов 2018 года, когда ему будет предназначена роль новой персонально-путинской коалиции, но не исключено, что в каком-то виде эта коалиция проявится уже на перевыборах Думы в 2016-м. Однако подчеркнем, что персоналистский характер конструкции «партии

власти» носила и ранее: институционализация «Единой России» формально была высокой, но ее реальная роль в формировании повестки дня и выдвижении на высшие государственные посты оставалась крайне незначительной¹⁶. Как и ранее, партия власти — это не опора режима, а «квазипартийная» функция властной вертикали.

Наличие в политическом поле одномандатников повлияет на поведение и других партий. Жесткая вертикаль внутри партии власти сменится режимом «торга и уговари-

облегченном виде «красный пояс» — в традиционных регионах КПрФ все же может стать главной альтернативой и обрести одномандатников. ЛДПР может усилиться в регионах с сильной националистической темой или «пограничным мышлением» (Дальний Восток). Однако «жизненный цикл» этой партии ограничен дееспособностью ее лидера, который все еще умеет совмещать национализм с популизмом, а потому не оставляет места в российской политике для иных националистических проектов. Правда,

“Вероятность появления дееспособной новой партии на либеральном фланге представляется крайне низкой”.

вания», то есть появятся предпосылки для развития внутрипартийной демократии, пусть и ограниченной. В следующем (после 2016-го) цикле партия власти предстанет не монолитом, а коалицией «Единой России» с одномандатниками ОНФ (депутатские группы последнего будут похожи на «Регионы России» в первых трех Думах). Возврат к смешанной системе на федеральном уровне и снижение доли пропорциональных списков на региональном понизят цену «партийной франшизы». Стимулы к партийному строительству в регионах сильно ослабевают. Маловероятно, чтобы на базе одномандатников создалась новая дееспособная партия. Как и в начале прошлого десятилетия, такая партия оказалась бы заложницей «дилеммы заключенного», ее легко перекупить или развалить сверху.

Парламентские партии будут вынуждены доказывать свою состоятельность. КПрФ — относительная константа: ее электорат будет понемногу сжиматься по причине естественного выбывания, а новых избирателей (по мотивам «самой сильной оппозиции») не добавится. Но может восстановиться в

и этому политику будет труднее разыгрывать националистическую карту на фоне «крымского консенсуса», при котором все лавры национального успеха достаются президенту. «Справедливая Россия» останется в парламентах, если в обмен на федеральную лояльность получит свободу привлечения элитных фигур в регионах и если не «запустится» иная, относительно сильная партия, претендующая на голоса «рассерженных горожан».

Возможны точечные успехи «франшиз» — какие-то партии (вопрос: одна-две на всю Россию или разные в разных регионах?) станут флагом для объединения альтернативных группировок региональных элит. Маловероятно возвращение в «высшую лигу» «Яблока». Не исключено появление «Родины», и тогда опять возникнет старое противоречие: партию пускают в политику как лояльный филиал партии власти (в новой, пока не до конца понятной концепции «народного фронта»), но ее популизм и национализм будут противоречить этой лояльности. В кризисной ситуации возможно повторение судьбы рогазинской «Родины» или раскол.

Вероятность появления дееспособной новой партии на либеральном фланге представляется крайне низкой. Ко всем традиционным для этого лагеря объективным трудностям добавляются еще две. Во-первых, события 2011–2012 годов существенно расширили пропасть между либеральным избирателем и властью, что — с угасанием протестного движения — привело к обострению противоречий между «истеблишментной» (условно — «прохоровской») линией поведения, попыткой встроиться в политическую систему на диктуемых властью условиях, и радикальным отторжением действующей власти (условно — «партия Навального»). Недавнее проявление этого противоречия — раскол РПР-Парнаса на «умеренных» Владимира Рыжкова и «радикальных» сторонников Бориса Немцова. Такой раскол не ограничен партийным пространством, он существует и в либеральном сегменте электората, что объективно снижает шансы на появление дееспособной партии, выражающей интересы «рассерженных горожан» (потому что и сами «горожане» колеблются между этими двумя плохо совместимыми позициями). Второй фактор — резкое обострение идеологического противостояния в обществе в посткрымскую эпоху. Новая «системная» партия могла возникнуть лишь как союз «горожан» с прагматичной и умеренно реформаторской частью элиты, который в новых условиях становится предельно затруднительным.

Таким образом, изменения в партийной системе в обозримом будущем не породят нового качества политической системы — она станет несколько более плюралистичной и «обновит лица», но останется слишком слабым и преимущественно подконтрольным властью субъектом политики. Но и для усиления репрессивности в отношении партий нет оснований, поскольку запас прочности контроля и рычаги давления на партии достаточно велики.

ЦЕНТР — РЕГИОНЫ В политических системах с невысоким уровнем конкуренции именно размежевание между Центром и регионами может стать главной осью противоречий. Поэтому не случайно, что укреплению «вертикали власти» Кремль уделял особое значение. «Вертикальность» в отношениях вышестоящих уровней власти с нижестоящими достигает максимума, несмотря на формальное возвращение выборности глав регионов.

Эта тенденция усиливает существовавшее и ранее противоречие между объективной необходимостью децентрализации и усиливающейся тягой к сохранению монополии на властно-собственнические отношения. Децентрализации требуют интересы и экономики (повысить ответственность регионов за улучшение инвестиционного климата, стимулировать рост, оптимизировать социальную политику), и политики (гибкая адаптация поведения элит в условиях продолжающейся политической реформы, создание оптимальной модели местного самоуправления). Но Центр будет требовать полной подконтрольности в расходовании бюджетных средств, «оптимизации» (на самом деле — урезания) социальных расходов и выполнения социальных показателей «майских указов», а также будет регулировать в режиме ручного управления проблемы дефицита региональных бюджетов.

Усугубляющаяся финансовая зависимость от Центра (см. статью Натальи Зубаревич в этом номере журнала — с. 118–128), очевидное усиление влияния «силовиков» во внутренней политике (назначения новых полпредов с «силовым прошлым» — только один из симптомов этого явления) да и решающее влияние Центра на судьбу губернатора — все это посылает региональным элитам ясные сигналы о бесперспективности «фронды» против Центра. Массовые досрочные отставки губернаторов весной 2014 года — явление абсолютно предсказуемое: большинство из них

в любом случае стремились бы пройти через выборы как можно раньше, опасаясь ухудшения социально-экономических условий в регионах, а «крымский консенсус» создает для выборов в 2014-м более благоприятные условия. С обретением всеми главами регионов выборного статуса будет сокращаться возможность Центра регулировать конфликты через досрочное снятие губернаторов: отстранение по «утрате доверия» или отзыву — процедуры с гораздо более высокой политической ценой, возможные только в крайних случаях. Однако других инструментов контроля Центра над

фактически уничтожает крупный город как политический субъект, поскольку дает губернатору возможность отменить прямые выборы мэра и городского представительного органа, а также оказывать решающее влияние на назначение сити-менеджера. Последнюю новацию один из «отцов» этой реформы, депутат Госдумы Вячеслав Тимченко, прокомментировал предельно откровенно: «Мы просто ситуацию, которая существовала де-факто, облекли в юридическую форму»¹⁷. В нынешних обстоятельствах Центр не нуждается в игре на сдержках

“За подчинение центру губернаторы получают компенсацию в виде еще большего усиления контроля над местным самоуправлением в крупных городах”.

губернаторами в течение нескольких последующих лет будет достаточно, чтобы сохранить полную управляемость. В перспективе конкурентность на губернаторских выборах будет расти: в каких-то случаях губернатор (или кандидат, «назначенный победителем выборов») окажется в конфликте либо с основной массой региональной элиты, либо с ее частью (там, где элита многосоставна или близка к расколу). С возвращением одномандатников у регионов появятся лоббисты в федеральном парламенте. Как и в случае с партийной системой, попытка решить кризисы политики прошлых лет путем ужесточения контроля позволяет выиграть время (очевидно, несколько лет), но чревато новыми кризисами в будущем, для преодоления которых у федерального центра будет еще меньше институциональных ресурсов.

За подчинение Центру губернаторы получают своеобразную компенсацию в виде еще большего усиления контроля над местным самоуправлением в крупных городах. Проводящаяся весной 2014-го реформа законодательства о местном самоуправлении

и противовесах между губернаторами и мэрами городов, поскольку уверен в запасе прочности своего контроля над регионами, а потому позволяет губернаторам по собственному усмотрению там, где они будут чувствовать конкуренцию со стороны мэров, ввести жесткую «губернаторскую вертикаль». Ценой этой реформы станет *подрыв возможностей крупных городов быть «точками роста» экономики и человеческого капитала. Регион будет изымать у города бюджетные ресурсы и перераспределять их в пользу депрессивной периферии. Не случайно первым субъектом Федерации, поспешившим воспользоваться этими возможностями, стала Московская область с традиционно высокой ролью множественных городских элит при отсутствии регионального центра.*

Противостояние города с «субъектом» будет политизироваться в силу обострившейся борьбы за ресурсы, но каналы институционализации городских интересов (мэр, городская дума) будут ослаблены или ликвидированы. Это станет стимулировать развитие феномена «разгневанных горожан», при-

чем стимулом к активизации будет выступать городская (или региональная), а не федеральная повестка дня. Там, где такой реформы не произойдет, давление региональной власти на «Россию-1» (в терминологии Натальи Зубаревич) и на точки роста все равно будет нарастать.

Тем не менее и по данному параметру кризис политической системы не предотвращен, а отложен. Поправки к закону о местном самоуправлении дают регионам возможность выбора между более «жесткими» и «мягкими» моделями. В каких-то регионах плюрализм и политическая конкуренция не будут востребованы в краткосрочной или среднесрочной перспективе. В ряде других регионов, напротив, конкуренция становится обязательной. Таких типов два:

- более либеральные по политической культуре (Москва, Северо-Запад, Урал) не допустят недостаточно конкурентной системы.
- плюралистичным по характеру экономики регионам и/или группам интересов демократизация понадобится для того, чтобы создать механизмы урегулирования конфликтов. (Впрочем, приведенный пример Московской области это предположение опровергает.)

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО В том, что касается партийной системы и «региональной вертикали» власти, достаточно плавного ужесточения нормативных рамок, поскольку ее доминирование в этих пространствах выглядит достаточно уверенным. *Более жестких ограничений следует ждать в отношении гражданского общества и информационного пространства.* Причина в том, что сетевой характер этих пространств не позволяет установить над ним прямой контроль, притом и угроза делегитимации власти, и потенциал мобилизации, а также самоорганизации может прийти только оттуда.

«Лакмусовой бумажкой» отношения государства к гражданскому обществу по-прежнему является судьба закона «Об иностранных агентах»: если в прошлом году вероятным казалось хотя бы «косметическое» смягчение его норм (например, более адекватное определение понятия «политическая деятельность»), то на фоне крымских событий Конституционный суд РФ фактически признал закон юридически корректным, многатятся планы его ужесточения (законопроект о принудительном включении НКО в реестр «агентов» по решению органа исполнительной власти, лоббирование распространения закона на научные организации и физические лица). По еще одной новой законодательной норме режим проверок НКО стал более жестким в сравнении даже с коммерческими организациями. Не менее показательно давление на интернет-медиа (давление на сеть «ВКонтакте», вынудившее ее основателя выйти из компании и покинуть страну, введение регистрации блоггеров в качестве СМИ, угрозы ограничения действия в России зарубежных социальных сетей). *Чтобы поставить на грань закрытия либеральный телеканал «Дождь», оказалось достаточно спровоцировать отказ большинства вещателей транслировать его сигнал.*

Прогрессирующий зажим свободной общественно-политической деятельности становится неизбежным следствием резкого идейно-политического размежевания в обществе. Обострение конфронтации с Западом, порожденное «внешним фактором», проецируется на внутривосточную ситуацию. Все несогласные или даже автономные от власти общественно-политические силы в глазах и самого режима, и его адептов превращаются в «пятую колонну» и «национал-предателей». На политической карте, как в советские времена, почти не остается нейтрального пространства для общественной (даже необязательно политической) деятельности:

таковая либо «патриотична», либо объявлена дестабилизирующей и наносящей ущерб интересам России¹⁸.

В последние годы из властного или околовластного дискурса почти исчезли послылы к развитию демократии (даже «суверенной»), либерализм стал едва ли не бранным словом, ценности демократии и свободы объявляются чуждыми и «импортными». Заявка на превращение России в оплот «консервативных ценностей» не решает ни одной проблемы ни внутри-, ни внешнеполитической повестки дня, означая, по сути, окончательный отказ от модернизационных стратегий.

Все это чревато стагнацией в развитии гражданского общества, еще более назойливыми попытками подменить его культивированием *GONGO* (*government-organized NGO*) — общественных структур, созданных сверху для продвижения прорежимной повестки дня и освоения средств, выделяемых властью лояльным общественным структурам. Наряду с существующими общественными палатами, общественными советами при органах власти появится еще одно «семейство» таких организаций, которые ныне рассматриваемый Думой законопроект наделит функциями «общественного контроля», имитирующего ответственность власти перед обществом.

В благополучные для власти периоды подконтрольные НКО будут послушным приводным ремнем в отношениях государства с частью общества, однако в долгосрочной перспективе последствия такого развития событий неоднозначны. В случае падения легитимности режима гражданское общество «отвязывается», притом политизированными могут оказаться — как это показал на примере Центральной Европы четверть века назад Адам Пшеворский — не только «диссидентские», но и вполне лояльные и даже досуговые ассоциации граждан¹⁹.

Перспективы посткрымского режима

Совокупность действий российской власти в первые месяцы 2014-го обозначила очередную развилку в развитии страны. Решение о присоединении Крыма было в значительной степени ситуационным: оно, с одной стороны, напрямую не вытекало из предшествующих событий, будь то во внутренней или во внешней политике, но, с другой стороны, не противоречило ранее действовавшим тенденциям и — как показано выше — усилило определенные тренды.

Суть пройденной развилки — в отказе от модернизационного развития страны, которое в сегодняшних условиях потребовало бы определенной либерализации политического пространства и децентрализации, в пользу поддержания статус-кво и сохранения нынешнего политического режима. В совокупности эти факторы чреватые:

- Замораживанием фазы «бюрократического авторитаризма»²⁰ — намеренного ограничения политического плюрализма и зажима активизировавшегося городского класса, предпочтением подавления оппонентов выстраиванию конкурентного сотрудничества с ними. «Крымское решение» значительно снижает издержки подавления и ослабляет стимулы терпимости к оппонентам.
- Закреплением ситуации «царя горы»²¹, когда монополия властно-собственнической пирамиды поддерживается ценой порчи институтов и зажима политической конкуренции. Режим окончательно лишается стимулов к институциональному совершенствованию.
- Дальнейшим падением качества управления и экспонентным ростом рисков ошибочных решений и упорной их реализации. Принятию таких решений не будут препятствовать ни публичное обсуждение внутри России, ни учет «взгляда извне», то есть возможная реак-

ция Запада. Именно этот фактор делает практически невозможной даже авторитарную модернизацию²².

Подчеркнем: главной чертой политического режима ближайшего будущего становится антимодернизационный тренд — именно он обрекает режим на стагнацию и лишает перспектив любые попытки технократического обновления. Чтобы удержать ситуацию, неизбежно усиление репрессий, причем скорее превентивных, а потому велик риск их диспропорциональности, приводящей к усугублению политического конфликта.

но выстроенном неокорпоративистском режиме элиты будут готовы терпеть многие неудобства (и бояться «чисток») ради сохранения своего места во властной иерархии. Неизбежны конфликты в региональных элитах и между элитами регионального и городского уровня, но критической массы они, скорее всего, не создадут. Сокращение перераспределяемых ресурсов породит множество «подковерных» напряжений, в том числе между «силовой» и «гражданской» элитами, также увеличится количество конфликтов между различными бизнес-интересами.

“Заявка на превращение России в оплот «консервативных ценностей» не решает ни одной проблемы ни внутри-, ни внешнеполитической повестки дня”.

Главным вопросом в прогнозировании будущего политического режима становится степень его устойчивости в новой ситуации и новый набор гипотетических выходов из состояния стагнации.

До тех пор, пока эффект «крымского консенсуса» дает себя знать, а влияние конфронтации с Западом только начинает ощущаться, власть будет сдерживаться в проявлениях авторитаризма и репрессии будут носить точечный характер. В логике нашего допущения о том, что кризис отношений с внешним миром из-за Украины не претерпит радикального усугубления, режим будет стремиться к инерционному развитию и избегать резких шагов.

Предельная закрытость такого режима крайне затрудняет рациональное прогнозирование его будущего. А потому трудно предсказать сценарий и темпы ослабления «крымского консенсуса» под влиянием усугубляющихся трудностей в социально-экономической сфере. На уровне гипотез можно сформулировать следующие предположения.

Риск расколов в элитах долгое время будет оставаться невысоким. При вертикаль-

Однако рациональных оснований для более конкретного прогнозирования расколов на сегодня не просматривается. На поверхность эти расколы выйдут лишь в случае существенного усугубления всех остальных кризисных «линий напряжения».

Как и в случае распада СССР четверть века назад, социально-экономические факторы не станут главным драйвером развития или обвала режима. Однако их значение нельзя преуменьшать. Восприятие социально-экономической ситуации и собственного благосостояния как ценности, достойной сохранения (то есть страх потерять «нормальность жизни»), является важнейшей основой стабильности любого общества, мощнейшим «демпфером» любых революционных настроений. Ощущения своего благосостояния как ценности не было в позднесоветском обществе, его может не оказаться и в завтрашнем российском. Подобный сценарий станет вероятным, если совпадут несколько факторов:

Снижение социального благополучия примет массовый и достаточно резкий характер, а власть не сумеет эффективно купировать

такой кризис, и он начнет «прорываться» пусть не повсеместно, но в значимом числе точек по всей России;

«Крымский консенсус» перестанет действовать — причем его обрушение станет резким и неожиданным (например, по причине какого-либо знакового провала власти), вызывая мощный резонанс во всем обществе.

Даже эти допущения на самом деле не складываются в сценарий выживания или обвала режима — они зависят от многих дополни-

тельных факторов типа масштаба ошибочных действий власти, реакции «улицы», политизации гражданского общества, первых расколов в элитах, обострения кризиса ответственности власти к 2018 году и т. п.

Однако нет сомнений, что при означенных допущениях режим обваливается. Эволюционный же сценарий выхода из существующих кризисных состояний и из нынешней линии действий власти просматривается еще хуже. ■

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ Макаренко Б. Рамки развития политической системы // Pro et Contra. 2012. Вып. 56, № 4-5 (июль-окт.). С. 84–100. Английское издание см.: *Макаренко В. Frameworks of Political System Development // Russia 2025: Scenarios for the Russian Future / M. Lipman, N. Petrov (eds). L.: Palgrave Macmillan, 2013. P. 161–180.*

² Заметим на полях, что и Украина, долгое время уклонявшаяся от стратегического выбора между инерционным сценарием и сменой модели развития, прошла эту точку: не сам факт отказа от евроинтеграции, которая потребовала бы тектонических институциональных сдвигов, но то, как грубо и неумело Виктор Янукович реализовал этот отказ и пытался подавить протест против такого решения, привело к падению его режима и спровоцировало глубочайший политический кризис в стране.

³ Хотя параллель между сегодняшней Россией и СССР может быть лишь ограниченной, напомним, что на масштабное расширение сотрудничества с Советским Союзом, дававшее толчок модернизации, Запад шел лишь в очень тяжелой экономической ситуации — например, в годы Великой депрессии 1930-х или после резкого повышения нефтяных цен в 1970-е (проект «газ-трубы»). Сейчас ничего подобного не наблюдается.

⁴ См.: Послание Президента Федеральному собранию РФ 12 дек. 2013 // <http://www.kremlin.ru/transcripts/19825>

⁵ *Ключевский В. О.* Лекция LXXXV. Царствование Николая I. Благодарим за подсказку Владимира Гурвича (см.: Будущее, диктуемое прошлым // Независимая газета. 21.05.2014).

⁶ Доклад ЦПТ для КГИ «Российская политика — шанс для реформаторов» // <http://komitetgi.ru/analytics/1292/>. С. 23.

⁷ <http://www.levada.ru/15-05-2014/vladimiraputina-priznali-nezamenimym>

⁸ *Белановский С., Дмитриев М.* и др. Движущие силы и перспективы политической трансформации России: Аналитический доклад. М.: Фонд «Центр стратегических разработок». Ноябрь. 2011.

⁹ *Левинсон А.* Российское общество до и после 2012 г. // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссия. № 1 (114). Янв.—март 2013. С. 30–34

¹⁰ Показательный пример — диверсификация реакции «силовых ведомств» на рекомендацию МИДа об «осторожности» в выезде граждан России за рубеж. См.: *Баринюв В.* Судьям разослали подписки о невыезде // Коммерсант. 28.05. 2014, а также: *Евстифеев Д., Баранова К.* Силовики отдыхают в России // <http://www.gazeta.ru/social/2014/05/29/6053105.shtml>

¹¹ В Индексе демократии журнала *The Economist* в 2011-м Россия впервые опустилась из категории «гибридных» в категорию «авторитарных» режимов, в 2012 году оказалась ниже еще на несколько строк, на 122 месте из общего числа 167 стран. См.: Democracy Index 2012. Democracy at a Standstill: A Report From The Economist Intelligence Unit.

¹² Исключением были выборы в декабре 2011 года, когда в условиях общенациональной кампании с сильным «антиединороссовским» голосованием оно оказалось еще выше (3,39).

¹³ См.: *Макаренко Б.* Рамки развития политической системы.

¹⁴ <http://bd.fom.ru/pdf/d20ind14.pdf>

¹⁵ Термин, введенный Хуаном Линцем для описания «эрзаца» идеологии в авторитарных режимах. См.: *Linz J. J., Stepan A. Problems of Democratic Transitions and Consolidation: Southern Europe, South America and Post-Communist Europe.* Baltimore: Johns Hopkins Univ. Press, 1996.

¹⁶ Макаренко Б.И. Постсоветская партия власти: «Единая Россия» в сравнительном контексте // Полис. 2011. Вып. 121. № 1. С. 42–65.

¹⁷ Цит. по: Реформа муниципалитетов бежит впереди закона // Коммерсант. № 82 (5355). 16.05.2014.

¹⁸ Показательный пример: в конце мая автор выловил в спаме своего почтового ящика обращение из Калужской области о создании общественного движения «Против пятой колонны» — на

самом деле речь шла о судебной тяжбе его инициатора с некой дамой, «проводящей по полгода в Израиле», которая построила дом на якобы спорном участке земли.

¹⁹ *Przeworski A. Democracy and the Market.* Cambridge, 1991. P. 58–70.

²⁰ Макаренко Б. Рамки развития политической системы // Pro et Contra. 2012. Вып. 56, № 4-5 (июль-окт.). С. 84–100.

²¹ Макаренко Б., Мельвилль А. Как и почему «зависают» демократические транзиты? Посткоммунистические уроки // Демократия в российском зеркале: Монография / Редакторы-составители А.М. Мигранян, А. Пшеворский. МГИМО (ун-т) МИД России. М.,: МГИМО-Университет, 2013. С.211–237.

²² См.: Обретение будущего: Повестка дня 2012 / Под ред. И.Ю. Юргенса. М.: Экон-Информ, 2011.

Экономика России к началу эпохи «после Путина»

Каркас российской экономики чрезвычайно устойчив. В базовом сценарии «Россия на пути к 2025» к концу прогнозного периода экономические проблемы могут сильно ослабить режим, но не обрушить его | **СЕРГЕЙ АЛЕКСАШЕНКО**

Экономика — механизм чрезвычайно инерционный. Эффект даже самых сильных потрясений может сказываться через несколько месяцев, а результаты принятых властями решений, изменений в законодательстве, в методах и принципах регулирования могут проявляться через несколько лет. Это заставляет с особой осторожностью относиться к сценарному прогнозированию: если применительно к политическим процессам можно идентифицировать некие развилки, которые приводят к принципиально различным сценариям, то в прогнозировании экономических процессов даже радикально отличающиеся друг от друга сценарии будут развиваться под воздействием инерции предыдущих лет, силы накопленных трендов, а также внешних (для экономики) предпосылок. И никакая власть не может на них повлиять в кратко- или даже среднесрочной перспективе.

Для данного сценарного упражнения — Россия на пути к 2025 году — в качестве базового условия выбрана гипотеза о том, что в 2018 году Владимир Путин будет переизбран на очередной президентский срок и, таким образом, останется в Кремле как минимум до 2024-го. Экономическая ситуация в России

в этом базовом сценарии будет развиваться инерционно, без радикальных изменений в экономической политике, но одновременно будут набирать силу новые внешние (по отношению к экономике, но не к России) факторы, которые уже сегодня отчетливо видны, но чье воздействие на экономику пока не очень ощутимо. Для того чтобы получить представление о механизмах развития такого сценария, необходимо совершить краткий экскурс в экономическую историю России начиная с 1999-го года. Это позволит зафиксировать движущие силы экономического роста до кризиса 2008-го и причины его замедления в 2011–2014-м, а также определить характерные элементы экономической политики Владимира Путина.

В качестве отклонений от базового сценария вкратце будут рассмотрены два варианта: 1) «новая холодная война» как следствие российской политики в отношении Украины; основными факторами этой войны станут экономические санкции со стороны Запада и попытка российского руководства обеспечить развитие с опорой на собственные силы, и 2) «смена вех», в ходе которой российское руководство (независимо от личностей) примерно в середине

прогнозного периода осознает глубину экономических проблем и начнет заниматься их решением.

Российское экономическое чудо: а было ли оно?

Десятилетний период, с конца осени 1998-го до середины 2008 года, вполне можно рассматривать как «русское экономическое чудо» – средние темпы роста экономики в этот период составили примерно 7 проц. в год, что очень много по мировым меркам. Достаточно отметить, что после Второй мировой войны зафиксировано всего 13 случаев, когда экономики отдельных стран росли с такой скоростью на протяжении жизни целого поколения – 25 лет. Но для того, чтобы России удалось «зацепиться» за такие темпы, нужно, чтобы у экономической динамики был мощный двигатель роста, опирающийся на сочетание природно-географических, политических и экономических факторов. Однако уже к 2010–2011 годам стало понятно, что удерживать семипроцентный рост экономика России не может, и это позволяет утверждать, что в первом десятилетии XXI века никаких рецептов быстрого роста политическому руководству страны найти не удалось. Более того, посекторный анализ динамики российской экономики в это десятилетие показывает, что период быстрого экономического роста не был однородным: в разные периоды времени его определяли разные факторы, которые сменялись, а временами наслаивались друг на друга.

- 1999–2001 – рост экономики обусловлен резкой девальвацией рубля во время кризиса 1998-го, которая повысила конкурентоспособность российских, в первую очередь потребительских, товаров. Действие этого фактора оказалось исчерпанным к середине 2001-го;
- 1999–2004 – стабильность прав собственности и основных правил игры в экономи-

ке привели к резкому росту инвестиций и эффективности частных компаний в экспортно-ориентированных сырьевых секторах. Производство нефти в физическом выражении в это время выросло на 50 проц., металлов – на 30–35 проц. (для сравнения, производство газа в этот период увеличилось всего на 10 процентов). Действие этого фактора было исчерпано к середине 2004-го под влиянием «дела ЮКОСа»;

- 2002–2005 – быстрый рост нефтяных цен на мировом рынке и запоздалое (лишь в конце 2004-го) повышение налоговой нагрузки на нефтяной сектор привело к формированию существенных финансовых ресурсов у частных компаний, которые частично были направлены на цели развития;
- 2005–2008 – быстрый рост внешней задолженности корпоративного и банковского сектора привел к перегреву экономики; практически весь рост был сконцентрирован в неторгуемых секторах (финансы, строительство, операции с недвижимостью).

Таким образом, надо признать, что причиной десятилетия бурного роста была не экономическая политика президента Путина, а наследие так нелюбимых им реформ 90-х годов и внешние факторы. Тогда становится понятно, что основными причинами торможения экономики стали контрреформы, проводимые Владимиром Путиным в 2004–2013 годах, и исчерпание позитивного импульса от улучшения внешней конъюнктуры в первом десятилетии XXI века.

Кризисное «похмелье»

Существует распространенная точка зрения, что кризис 2008-го пришел в Россию извне, а никаких внутренних предпосылок для кризиса в России в тот момент не было. Хотя самый мощный за последние 80 лет мировой

экономический кризис, разумеется, оказал сильнейшее воздействие на экономику большинства стран мира, включая Россию, тем не менее указанная точка зрения не имеет под собой оснований. Конечно, события лета-осени 2008 года, когда финансовый шторм рушил один за другим крупнейшие американские финансовые институты и, в конечном итоге, привел к параличу мировой банковской системы, сыграли крайне негативную роль и спровоцировали многие негативные для российской экономики тенденции и процессы. Но нельзя не отметить, что к

счет быстрорастущих нефтяных цен. Наша экспертная оценка говорит о том, что границей устойчивости платежного баланса России является величина положительного сальдо счета текущих операций (СТО) в размере 0,5–1 проц. ВВП. Традиционно, когда величина СТО опускалась ниже этого уровня, российская валюта резко ослабевала. Так было в 1997–1998 годах, так случилось и в 2008-м¹.

3) Быстрое наращивание внешнего долга корпоративным и банковским секторами², который с начала 2005 года прирастал на 100–120 млрд дол. ежегодно. Самым опасным

“В условиях сложившегося политического режима экономическая политика государства оказалась в полной зависимости от **личных взглядов** Владимира Путина”.

этому кризису экономика России подошла «беременной кризисом»; к лету 2008-го в ней сформировались болевые точки, которые на горизонте двух-трех лет должны были стать причиной кризисных явлений. По крайней мере, об этом говорит опыт многих развивающихся стран, попадавших в аналогичные ситуации. Такими болевыми точками были:

1) Перегрев экономики с признаками «голландской болезни», которая росла исключительно за счет неконкурентных секторов (главным образом строительство, операции с недвижимостью и финансовый сектор). Если в 2006–2007-м многие эксперты отрицали наличие и перегрева, и голландской болезни, то к началу кризиса это стало общей позицией в оценке ситуации. Даже правительственные чиновники признавали некоторые признаки перегрева. Опыт мировой экономической истории утверждает, что бескризисный выход из состояния перегрева – крайне редкое явление;

2) Резкое ослабление платежного баланса; положительное сальдо текущих операций удавалось поддерживать исключительно за

для экономики был даже не размер совокупного долга, накопленного к моменту кризиса (долг был относительно невелик – 508 млрд дол., менее 32 проц. ВВП), а то, что примерно треть его подлежала погашению в течение полутора лет – с третьего квартала 2008 года по четвертый квартал 2009-го. Можно говорить, что в 2008-м произошло определенное дежавю – повторение кризиса 1998 года, только не с государственным долгом, а с корпоративным. Стратегия внешних заимствований российских банков и компаний была построена не на точном расчете эффективности собственной деятельности, что позволило бы генерировать положительный финансовый поток, достаточный для обслуживания долга, а на логике рефинансирования «короткий долг – длинный долг – продажа акций». В результате банки и компании стали заложниками конъюнктуры финансовых рынков. Опыт многих развивающихся стран (Мексика в 1994-м, Корея, Таиланд, Индонезия в 1997-м, Турция в 2001-м) свидетельствует о том, что рано или поздно наступает «точка насыщения», когда

инвесторы считают, что дальнейшее кредитование становится слишком рискованным, и прекращают давать новые займы, требуя, однако, погашения старых.

4) Центральному банку России не удалось создать нормально функционирующую систему банковского надзора. Банк России не только оказался не в состоянии адекватно оценивать риски банковской системы в целом или отдельных банков³, но и не смог отследить банальные случаи разворования активов, например, в Связь-Банке, банке «Электроника» или Межпромбанке. Российские банки пренебрегли всеми разумными ограничениями в своей деятельности и, уверовав в тенденцию постоянного укрепления российского рубля, взяли на себя несоразмерные валютные риски. По оценкам Банка России, незахеджированная открытая валютная позиция российских банков (несовпадение их обязательств и активов) к осени 2008 года составила примерно 130 млрд дол.⁴, что соответствовало величине капитала банковской системы. Такая ситуация означает, что 10-процентная девальвация рубля немедленно приводила к потерям банковской системы в размере 13 млрд дол. при том, что вся прибыль российской банковской системы за три квартала 2008-го составляла 354 млрд рублей (14 млрд дол. по курсу на начало октября 2008-го).

Кризис 2008—2009 годов оказался чрезвычайно разрушительным для российской экономики. Ее падение от точки максимума (середина 2008-го) до точки минимума (конец первого квартала 2009-го) составило 10 процентов. Был разрушен механизм докризисного роста, восстановление было крайне медленным и опиралось исключительно на финансовые вливания государства (частный бизнес и банки занимались реструктуризацией долгов и не могли инвестировать в развитие значимые объемы ресурсов). Докризисного уровня российская экономика

достигла только в конце 2011 года, то есть на преодоление последствий кризиса ей понадобилось 11 кварталов.

Экономическая доктрина Путина

К моменту выхода из кризиса стало понятно, что на дальнейшее сохранение исключительно благоприятной внешней среды (продолжение роста сырьевых цен, наращивание корпоративного внешнего долга) российской экономике рассчитывать не приходится. И что траектория ее дальнейшего развития будет определяться главным образом политикой российских властей. При этом в условиях сложившегося в России политического режима экономическая политика государства оказалась в полной зависимости от личных взглядов Владимира Путина и его «экономической доктрины». На наш взгляд, она не является комплексной, а скорее напоминает не до конца собранную картинку пазла при том, что в собранной части явно присутствуют совершенно разнородные, плохо согласующиеся между собой элементы. Попробуем тезисно выделить ключевые элементы такой доктрины. Итак, Владимир Путин

1) не является (по крайней мере, пока) сторонником возврата к советской плановой экономике. Водоразделом между рыночной и плановой экономиками является свободное ценообразование, которое российский президент пока не подвергал сомнению. Более того, следует признать, что российские власти, пусть медленно, но последовательно, движутся в сторону либерализации в таких ключевых для экономики секторах, как цены на электроэнергию и газ. В последние пару лет не приходилось слышать о каких-либо решениях правительства (или «добровольных» решениях российских нефтяных компаний) о замораживании цен на горюче-смазочные материалы для сельского хозяйства, что было нормой вплоть до 2012 года;

2) не являлся и не является сторонником реформ. Ни экономических, ни каких-либо еще. С точки зрения Путина, любые реформы нарушают статус-кво, баланс интересов и тем самым дестабилизируют ситуацию⁵. Доказательством его реформаторских настроений в экономике обычно называют введение единой (плоской) ставки подоходного налога в 2001-м⁶, но других примеров с тех пор не прибавилось⁷;

3) в экономической политике (и, пожалуй, не только в ней) больше доверяет личностям, нежели принципам. Именно поэтому так легко

ВВП) являются безусловными и пересмотру не подлежат — он готов идти на сокращение любых расходов бюджета в кратко- или среднесрочной перспективе, но не готов принять решение даже о временном и незначительном повышении размера дефицита (например, до 1,5–2 проц. ВВП), которое никак не скажется на макроэкономической ситуации в стране;

5) двойственно относится к верховенству права. С одной стороны, Путин исходит из того, что все граждане и предприятия обязаны соблюдать те законы, которые существуют в стране. С другой стороны, он не считает,

“Путин не рассматривает ни конкуренцию, ни частную инициативу как двигатель экономики, и поэтому спокойно идет на повышение налогов”.

«проходили через него» и пользовались его решительной поддержкой и защитой такие неоднозначные реформы, как, например, монетизация льгот по рецепту Михаила Зурабова в 2004–2005 годах. На стадии законодательного процесса в ней были обнаружены арифметические ошибки, которые впоследствии стали причиной массовых протестов пенсионеров и «пожарных» расходов федерального бюджета. По каким-то вопросам Путин доверял Алексею Кудрину, по каким-то — Герману Грефу, по каким-то — Татьяне Голиковой, по каким-то — Игорю Левитину, взгляды которых на экономику и принципы экономической политики не всегда совпадали между собой. И это, как правило, приводило к блокированию многих решений на стадии обсуждения;

4) хорошо помнит кризис 1998-го, был им сильно напуган, и этот страх, по всей видимости, владеет им до сих пор. Путин проанализировал причины того кризиса и признал, что главной болезнью российской экономики в то время был дефицит бюджета. Именно поэтому для него зафиксированные предельные размеры дефицита бюджета (1 проц.

что государство обязано соблюдать законы и, более того, государство может их менять в любой момент либо подменять и корректировать своими решениями, исходя из собственных представлений о целесообразности;

6) является приверженцем дирижистских методов экономической политики. Путин уверен, что государство не может ошибаться и тем самым, принимая то или иное решение, контролируя то или иное предприятие или сектор, вводя те или иные ограничения, оно всегда играет сугубо положительную роль. Поэтому он активно выступал за создание различных госкорпораций и поддерживает их существование периодическими бюджетными вливаниями. По той же причине Путин так спокойно относится к невыполнению планов по приватизации (денег у бюджета хватает, а истинная приватизация — выход государства из экономики — ему не представляется правильной) и к периодическому поглощению госкомпаниями частных фирм, находящихся в конкурентных секторах, зачастую даже вне сферы их прямых интересов;

7) не верит в силу конкуренции и частной инициативы. Путин не рассматривает ни то, ни другое как двигатель экономики и потому спокойно идет на повышение налогов (социальные налоги, налоги на малый бизнес); по той же причине он так неохотно и в таком усеченном виде провел экономическую амнистию;

8) скорее мирится с наличием частной собственности в России, нежели считает ее основой экономической системы. Путин полагает, что все крупные состояния в современной России возникли на основе советских активов и что их нынешним владельцам определенным образом повезло. Именно это, с его точки зрения, оправдывает существование концепции «пользования активами». Суть ее в том, что для крупных олигархов не существует собственности на активы; они могут управлять активами и являться их бенефициарами, но при этом не вправе принимать самостоятельные решения об их продаже, реструктуризации (закрытии производств) и т. д. Права управления и получения бенефициарного дохода даны государством, и, следовательно, государство имеет право в любой момент отобрать эти права и передать их другому (или оставить в своей собственности). Процесс отъема активов может проходить в форме цивилизованной продажи по реальным ценам (Сибнефть, Уралкалий, Теле2), продажи под принуждением с дисконтом (ВСМПО-АВИСМА) или в форме силового захвата (ЮКОС, Банк Москвы). Крупный российский бизнес принимает эту концепцию и не оспаривает ее⁸;

9) не считает правильным привлекать масштабные прямые иностранные инвестиции. Путин понимает, что с иностранным бизнесом нельзя будет выстраивать такую же политику, как с российским, поэтому он считает необходимым наличие формальных и неформальных фильтров для вхождения иностранного капитала в Россию (такими

фильтрами являются закон об иностранных инвестициях в стратегические отрасли экономики и правительственная комиссия по допуску иностранных инвесторов к покупке российских активов);

10) поскольку все крупные российские состояния 1990-х возникли не без поддержки государства, то, с точки зрения Путина, нет ничего зазорного в том, что и в 2000-е годы такие же состояния могут возникать при его (государства) поддержке. Поэтому нормальным является использование административного ресурса для того, чтобы знакомые Путина получали контроль над крупными финансовыми потоками (Тимченко и *Gunvor*), выигрывали практически все крупные строительные контракты, финансируемые за счет средств бюджета, или попросту получали право устанавливать посредническую наценку при закупках госкомпаниями каких-либо товаров (трейдинговая компания братьев Ротенбергов по поставке труб «Газпрому»).

Экономика России в базовом сценарии

Ключевой вопрос для прогноза может звучать так: «есть ли основания ожидать, что наблюдаемые сегодня негативные процессы в экономике будут постепенно набирать силу и со временем перерастут в экономическую катастрофу, что создаст предпосылки для резкого ослабления режима и возможной его смены?» Вкратце ответ на него звучит следующим образом: каркас российской экономики чрезвычайно устойчив в базовом сценарии к концу прогнозного периода «Россия на пути к 2025» экономические проблемы могут сильно ослабить режим, но не обрушить его. Аргументация выглядит следующим образом:

1. Любая экономика является внутренне устойчивым организмом, и разрушить эту устойчивость не очень просто. Устойчивость российской экономики повышается в силу ее примитивной структуры.

Так 85 проц. экспорта — сырье и продукты его первичной переработки (67 проц. — углеводороды). Понятно, что в растущей мировой экономике спрос на сырье будет сохраняться. Замедление экономического роста в Китае и его переход на режим снижающегося ресурсопотребления на прогнозном периоде будет компенсироваться нарастанием спроса на первичные ресурсы в Индии и Африке. Следовательно, российские сырьевые ресурсы будут добывать и до определенной степени перерабатывать (в том числе и за счет освоения новых месторождений в Восточной Сибири, для чего потребуются масштабные точечные инвестиции); транспортники будут его перемещать (по железной дороге или трубопроводам), банкиры обслуживать финансовые потоки, связисты обеспечивать связь и т. д. В силу высокой зависимости российской экономики от импорта будет работать вся система экспортно-импортной торговли и логистики. Будет работать ОПЕК, которому выделены громадные финансовые ресурсы, бюджетный сектор, строительство жилья, пищевая промышленность. Все это составляет каркас российской экономики, и этот каркас чрезвычайно устойчив. Конечно, его состояние будет зависеть от внешней конъюнктуры, но было бы неправильно ожидать, что на десятилетнем горизонте произойдет более чем один глобальный кризис (который будет и слабее, и короче кризиса 2007–2009 годов).

2. Зависимость российской экономики и, что более важно, федерального бюджета от мировых цен на нефть крайне велика. Но пока не видно причин для сильного (25 проц. и более) и долгосрочного снижения мировых цен на нефть⁹. Набор аргументов в пользу этой позиции достаточно убедителен:

- страны ОПЕК (Саудовская Аравия) уже подогнали свои бюджетные расходы к текущим уровням цен и сегодня, скорее,

готовы двигаться в сторону снижения добычи, чем наращивать ее с одновременным снижением цен;

- Россия не может нарастить добычу нефти, но вряд ли пойдет и на ее сокращение. Последнее возможно только в случае, если страны Запада объявят бойкот российской нефти, а глобальным компаниям запретят технологическое сотрудничество с нефтяной отраслью России (но это выходит за рамки базового сценария);

- влияние сланцевого газа на десятилетнем горизонте будет слабым. В Европе его добыча в значимых объемах не начнется (может быть, за исключением Великобритании, но это будет компенсировать спад добычи газа в Северном море). Импорт газа из Америки будет ограниченным, так как это немедленно приведет к росту цен на газ в США, что подорвет экономику многих инвестиционных проектов;
- в мире пока не существует экономически оправданных технологий, позволяющих отказаться от двигателя внутреннего сгорания в автомобиле, которые находились бы на стадии внедрения. А автомобильный транспорт потребляет примерно 50 проц. производимой в мире нефти. Хотя технологические усовершенствования позволяют снизить потребление бензина современными автомобилями¹⁰, рост уровня жизни в развивающихся странах будет способствовать росту автомобилизации, и тем самым указанное снижение будет компенсировано.

3. Важным трендом развития нефтегазовой отрасли России станет постепенное истощение крупных, хорошо освоенных месторождений Западной Сибири и перемещение добычи в Восточную Сибирь и на северный шельф. Согласно прогнозным оценкам Минэнерго, к 2025 году примерно четверть российской нефти будет добываться в новых регионах (менее 5 проц. сегодня). Поскольку

освоение и разработка новых месторождений является существенно более дорогой, то российское правительство пошло на снижение (и временами отказ от взимания) экспортной пошлины при экспорте нефти с этих месторождений. Если предположить, что в среднем снижение экспортной пошлины составит 50 проц., то это приведет к снижению доходов федерального бюджета примерно на 5–7 проц. (при прочих равных условиях)¹¹.

4. Напряжение в бюджетной системе России постепенно будет нарастать. Резкое

нет 3–4 проц. ВВП. Это вряд ли приведет к быстрому росту госдолга, так как дефицит будет финансироваться главным образом за счет внутренних источников и, следовательно, обесцениваться из-за текущей инфляции.

5. Финансовое положение регионов будет ухудшаться быстрее, так как их доходы в большей мере зависят от внутренней конъюнктуры (налог на прибыль, подоходный налог), но при этом регионы не способны повлиять на налоговые ставки или изменить базу налогообложения¹². С другой стороны,

“Начиная с 2017–2018-го, дефицит федерального бюджета России будет медленно расти и к 2025 году достигнет 3–4 проц. ВВП”.

замедление роста экономики приведет к крайне медленному росту или стагнации доходов бюджетной системы в реальном выражении. Уже сегодня для того, чтобы уложиться в заданные бюджетные ограничения российским властям приходится идти на сокращение инвестиционных расходов и активно прибегать к использованию несистемных источников (конфискация пенсионных сбережений 2014-го, использование средств Фонда национального благосостояния) или к открытому эмиссионному финансированию со стороны Банка России (кредитование ВЭБа, кредитование банков под залог долгосрочных кредитных договоров). При планировании бюджетов 2013–2015 годов Минфин России активно сдвигал расходы по финансированию многих обещаний Владимира Путина (майские указы), сроки которых не были жестко привязаны к периоду 2016–2018 годов, что неизбежно будет вести к росту давления на расходную часть бюджета. В рамках базового сценария можно предположить, что начиная с 2017–2018-го дефицит федерального бюджета России будет медленно расти (например, на 0,3 проц. ВВП в год) и к 2025 году достиг-

регионы будут вынуждены наращивать расходы или изменять их структуру, так как именно на них в значительной мере возложены обязательства по выполнению «майских указов» Владимира Путина. Представляется, что постепенно регионы сократят до минимума свои инвестиционные проекты и продолжат наращивание долгов. В рамках выстроенной вертикали власти Минфину России придется всё активнее брать на себя дополнительные функции по контролю за бюджетами регионов и в конечном итоге также и ответственность за их расходы¹³. Постепенно бюджетная конструкция будет все отчетливее трансформироваться из федеративной в унитарную. Впрочем, этот процесс начался еще в 2003-м под руководством тогдашнего министра финансов Алексея Кудрина.

6. На рассматриваемом горизонте самую серьезную угрозу устойчивости экономики создает инфляционно-девальвационная спираль. С лета 2011-го российская экономика начала ощущать постепенное исчезновение нефтяной подушки безопасности — курс рубля (к бивалютной корзине) начал потихоньку снижаться. К лету 2013-го этот запас

прочности исчез совсем, и снижение курса рубля ускорилось. Как только население осознало этот факт, люди начали конвертировать свои сбережения в валюту: наличность активнее, депозиты — помедленнее. С января 2014 года ослабление курса рубля стало сказываться на инфляции примерно с коэффициентом 0,1. Судя по всему, в ближайшие годы трендовое ослабление рубля (которое будет обеспечивать устойчивость платежного баланса при умеренных — до 50 млрд дол. в год — продажах валюты Центральным банком) составит 12–15 проц. в год¹⁴. Такая девальвация будет

объемы рисков. Постоянная девальвация либо (А) сделает рублевые депозиты непривлекательными для населения, и банки должны будут привлекать валюту, но выдавать кредиты экономике в рублях, либо (В) сделает рублевые кредиты очень дорогими для экономики, что подорвет финансовые механизмы поддержки экономического роста¹⁵.

9. Серьезнейшей проблемой российской экономики в прогнозном и постпрогнозном периоде (безотносительно к политическому режиму и проводимой политике) является демография. Все прогнозы говорят о грядущем

“Базовый экономический сценарий предполагает стагнацию экономики с возможным чередованием периодов медленного роста и незначительных спадов”.

постепенно разогревать инфляцию, которая к 2018-му может превысить 10 проц. в год, а к 2025-му — 20 процентов.

7. Нет оснований утверждать, что российское население будет остро и активно реагировать на рост инфляции — такого не было в течение последних двадцати лет, хотя в социологических опросах респонденты часто называли рост цен в числе главных проблем. Да, уровень жизни значительной части населения перестанет расти, что приведет к снижению рейтингов поддержки политических лидеров, но это вряд ли отразится на электоральных результатах. Последние поправки в избирательное законодательство однозначно говорят о том, что российская власть приняла решение не допустить сколько-либо серьезной потери позиций ни на федеральном, ни на региональном уровне. Иными словами, никакой реальной политической конкуренции на выборах здесь не будет.

8. Инфляционно-девальвационная спираль будет влиять на экономику через ослабление устойчивости банковской системы, которой придется брать на себя все большие

решением резком снижении численности рабочей силы, которую не сможет компенсировать приток мигрантов из Средней Азии¹⁶. В теории Россия могла бы преодолеть негативный эффект (сокращение рабочей силы плюс относительный рост численности неработающего населения) за счет повышения производительности труда, но этот сценарий требует масштабных инвестиций. Между тем при нынешнем качестве инвестиционного климата и нынешнем уровне защиты прав собственности и контрактного права привлечение масштабных инвестиций крайне маловероятно. Соответственно, в отсутствие значимых инвестиций в России будет работать обратная зависимость — для того, чтобы поддерживать нынешние масштабы экономической деятельности, потребуется как минимум сохранять стабильную численность рабочей силы¹⁷. Если же (независимо от причин) России не удастся удерживать объем рабочей силы на стабильном уровне, это станет действенным фактором снижения темпов экономического роста.

10. Нарастающий дефицит квалифицированной рабочей силы будет толкать бизнес

к повышению зарплат для удержания работников. (Кроме того, бизнесу придется реагировать на то, что бюджет время от времени будет инициировать гонку зарплат.) Это приведет к повышению удельных расходов экономики на рабочую силу, что, в свою очередь, снизит инвестиционную привлекательность. Получается своеобразный заколдованный круг, из которого трудно вырваться любому правительству, а тем более такому популистскому, как путинское.

11. Демографические ограничения сами по себе не будут создавать угрозы режиму в экономике — они будут сдерживать рост, содействовать разогреву инфляционного давления, противодействовать появлению высокотехнологичных отраслей. Но не более того.

12. В целом базовый экономический сценарий предполагает стагнацию экономики с возможным чередованием периодов медленного роста и незначительных спадов, нарастающие бюджетные проблемы, рост инфляции и перманентно слабеющий рубль. Неготовность Владимира Путина идти на серьезные политические реформы, связанные с восстановлением верховенства права и созданием независимой судебной системы, будет главным препятствием на пути улучшения инвестиционного климата в стране. Без этого российская экономика не сможет рассчитывать на устойчивый рост инвестиций и в результате будет все больше отставать и по уровню развития, и по качеству жизни населения не только от развитых, но и от стран-конкурентов. Хотя все эти экономические процессы будут крайне неприятны для властей, в базовом сценарии количество не переходит в качество, и экономическая ситуация не доходит до критической. Перевести негативные процессы в кризисные могут какие-то триггеры. Такими триггерами могут стать решения властей более активно использовать административные рычаги регулирования экономики, к числу которых относит-

ся, например, введение контроля над ценами или масштабные ограничения на использование депозитов (запрет на досрочное снятие), а также политические изменения в стране (смена лидера) или внешние факторы.

Сценарий Б: самоизоляция

В рамках данного сценария предполагается рост напряженности в политических отношениях с Западом, что, с одной стороны, будет вести к постепенному углублению и расширению экономических санкций против России, а с другой стороны, к ее постепенной самоизоляции от мировой экономики в соответствии с решениями политического руководства. Россия занимает слишком большую долю на мировых сырьевых рынках, и даже в среднесрочной перспективе закрыть ей дорогу к потребителям будет невозможно — мировой спрос на сырье не может резко сократиться. Если европейский рынок окажется закрыт для российских компаний, они будут объективно переключаться на поиск потребителей в Азии (Китай и Индия) и Африке. Очевидно, что переключение на новые рынки сбыта не может пройти одновременно, и российская экономика должна будет пойти на временное снижение объемов производства, на рост транзакционных издержек и на снижение экспортных цен (как это происходит в случае с Ираном, который живет под санкциями уже несколько лет и предоставляет Китаю 20–25-процентные скидки к цене на нефть). Самыми болезненными для России станут финансовые санкции (запрет для западных банков на обслуживание счетов российских банков и запрет на страхование и перестрахование российских рисков). В сегодняшнем мире есть две глобальные валюты — доллар и евро, которые обслуживают основную долю мировой торговли. В случае введения финансовых санкций российские банки утратят возможность использовать мировые валюты второго

уровня – Великобритании, Швейцарии, Канады, Австралии и т. д. Это означает, что им придется выстраивать сложные и дорогие финансово-логистические схемы с использованием китайского юаня, индийской рупии, бразильского реала, что приведет к существенному удорожанию российского импорта и еще более разогреет инфляцию. Высокий уровень санкций против России, который рассматривается в рамках данного сценария, может привести к запрету на экспорт в Россию запасных частей и комплектующих для ранее проданных товаров (промышленное оборудование и потребительские товары). Результатом станет постепенное обветшание и промышленных мощностей, и домашнего оборудования, и автомобильного парка. Представляется, что сильный негативный эффект от такого сценария может наступить не ранее, чем через пять лет после начала его реализации. Однако на протяжении этого периода отток капитала из России резко усилится, годовые объемы продаж валюты Банком России могут составлять до 100 млрд дол., что быстро приведет к их исчерпанию.

После этого самым серьезным следствием финансовых санкций может стать превращение рубля в неконвертируемую валюту и исчезновение легального внутреннего валютного рынка. Российские власти должны будут принять решение о принудительной конвертации валютных депозитов и кредитов в рублевые, об ограничении свободы обмена рублей на иностранные валюты, а также ввести рационирование (распределение) поступающих в экономику валютных ресурсов. Это будет подталкивать российский бизнес к еще более интенсивному выводу капитала из страны (уже в основном в полужагдачных формах), а наиболее активную часть населения к трудовой эмиграции в Восточную Европу. Столкнувшись с этим, власти могут начать масштабную юридическую или фак-

тическую национализацию сырьевых компаний. Российские банки и компании, которые активно занимали средства на внешних рынках, в массовом порядке объявят дефолт по своим долгам, что окончательно изолирует финансовую систему России от мировой.

В результате такого развития событий негативные тренды, которые существуют в базовом сценарии (инфляция, девальвация, дефицит квалифицированной рабочей силы), будут развиваться с существенно более высокой скоростью; экономика будет устойчиво сокращаться, уровень жизни населения – снижаться. В таком сценарии к 2025 году Россия окончательно выйдет из категории развивающихся стран. Наиболее близкими историческими аналогиями для нее в долгосрочной перспективе станут, в лучшем случае, Аргентина XX века (то есть экономика страны будет топтаться на одном уровне, со слабой тенденцией к росту, заметно более медленному, чем у сопоставимых стран) или Заир/Зимбабве. При наихудшем развитии событий экономика страны рискует потерять 20–30 проц. в течение 15–20 лет. Однако и в этом сценарии негативные экономические процессы могут привести к политическим переменам в пределах нашего прогнозного периода только в случае появления сильнодействующих триггеров.

Сценарий В: смена веков

В рамках данного сценария можно предположить, что в середине прогнозного периода (2018–2019 годы) в России происходят серьезные политические изменения (мы не обсуждаем ни их причин, ни механизмов, ни форм реализации). Эти изменения приводят к тому, что власть начинает реагировать на накопившиеся экономические проблемы и радикально меняет экономическую политику. Очевидно, что эти изменения могут быть направлены как на усиление административного контроля за экономикой,

так и на постепенное преодоление коренных причин нынешнего положения дел. Первый вариант будет толкать Россию в сторону сценария «Самоизоляция», поэтому его описание можно не повторять. Второй — может создать основу для иного развития событий. Попробуем пофантазировать на эту тему. Итак, в рамках новой политико-экономической парадигмы российские власти¹⁸:

- решительно реформируют судебную систему с целью придания ей независимости — происходит пересмотр наиболее резонансных дел, виновные в злоупотре-

их возникновения. В случае выявления признаков коррупции эти активы конфискуются в пользу государства и передаются в собственность Пенсионного фонда;

- происходит резкое снижение административного регулирования бизнеса со стороны государства и массивная приватизация государственной собственности;
- создается должность независимого прокурора по борьбе с коррупцией;
- проходят досрочные выборы в Государственную думу, к которым не допускаются те лица, которые голосовали за

“Самым серьезным следствием финансовых санкций может стать превращение рубля в неконвертируемую валюту и исчезновение легального внутреннего валютного рынка”.

блении правом и в давлении на суд несут наказание; происходит очищение системы от судей, которые скомпрометировали себя; создается верховная апелляционная инстанция с привлечением иностранных судей, которая вправе пересматривать решения российских судов, вплоть до принятия решений о реституции собственности; на работу в судебную систему привлекаются свежие кадры;

- реформируется система правоохранительных органов с целью создания системы правоприменения и равенства всех перед законом — уничтожаются все ее части, выполнявшие функции политической полиции, проходит тотальная антикоррупционная проверка руководящего звена этих органов на федеральном, региональном и местном уровнях с рассмотрением даже анонимных заявлений; из системы увольняются те, кто участвовал в политических процессах или в рейдерско-рекетирских операциях;
- замораживаются активы «новых олигархов» и проводится расследование истории

принятия наиболее одиозных законов.

Резко ослабляются ограничения для участия партий в выборах;

- восстанавливаются федеративные основы государства — меняется избирательное законодательство, президент теряет право назначения и снятия губернаторов, отменяется система муниципальных фильтров; пересматривается распределение налогов и расходных обязательств между уровнями власти; восстанавливается система бюджетного федерализма, основанная на законодательных принципах предоставления межбюджетных трансфертов;
- резко ослабляются ограничения на участие иностранного капитала в российской экономике.

Такой набор шагов, конечно, не может быть реализован в течение одного месяца и не способен привести к резкому улучшению экономической ситуации в стране. Но для инвестиционного климата важны и политические намерения, и последовательность движения в объявленном направлении. В результате через два-три года российская экономи-

ка начинает ощущать новые жизненные силы и постепенно преодолевать накопленные негативные тренды.

* * *

Как и к любой другой попытке сценарного прогнозирования ко всему изложенному выше нужно относиться с полным пониманием того, что в распоряжении автора нет никакой «машины времени» или магического зеркала, которые могут помочь ему заглянуть в будущее. Свою задачу автор видел в том, чтобы выделить те тренды, которые сформировались в российской экономике к настоящему времени. Кроме того, предпринята попытка определить те ограничения, в рамках которых будут действовать российские власти, и обратить внимание на ключевые внешние (по отношению к действиям властей) факторы, которые будут оказывать существенное воз-

действие на развитие экономики, и на этой основе продлить действие выявленных трендов на прогнозный период. Автор не является сторонником апокалиптических прогнозов, в которых на коротком промежутке времени происходят сначала катастрофы, а затем преодоление их последствий. Для этого пришлось бы каким-то образом преодолеть инерционность экономики, в которой принимаемые сегодня решения могут давать результат лишь через два-три года. Это потребовало бы не только найти рецепты политических и институциональных реформ в России (верховенство права, защита прав собственности, федеративное государство, система разделения властей и политических сдержек и противовесов), но и понять, кто, когда и почему может стать их движущими силами. Одним словом, все сказанное выше является лишь пищей для размышлений. ■

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ Так случилось и в 2013–2014 годах.

² http://www.cbr.ru/statistics/print.aspx?file=credit_statistics/debt_maturity.htm&pid=svs&sid=vdRF_fisp

³ Например, Глобэкс-банк, который за счет краткосрочных депозитов населения финансировал долгосрочные девелоперские проекты своего собственника; или банк КИТ-Финанс, который на заемные средства организовал массивную покупку акций телекоммуникационных компаний.

⁴ См.: Выступление первого заместителя председателя Банка России Алексея Улюкаева на XVII Российском банковском форуме, организованном Институтом Адама Смита в Лондоне в ноябре–декабре 2010-го.

⁵ Представляется, что в личной системе важнейшим приоритетом для Путина является удержание власти. В этой связи, рассматривая варианты решения любой другой проблемы, он соотносит возможные решения с ответом на вопрос: «Это ослабит или усилит возможности удержания власти?» Если ответ — «ослабит», то у такого решения нет никаких шансов на принятие.

Эта конструкция позволяет объяснить, почему Путин категорически отказывается не только двигаться в сторону независимости суда и демократических принципов формирования власти, но и даже обсуждать эти темы.

⁶ У меня лично эта реформа вызывает неоднозначное отношение. С одной стороны, низкая ставка подоходного налога примирила государство и налогоплательщика, сделала российскую юрисдикцию привлекательной для физических лиц. С другой стороны, низкая ставка подоходного налога делает многих граждан нечувствительными к налогам, что одновременно резко снижает их интерес к контролю за государством в части расходования бюджетных средств.

⁷ Подробное описание реформаторских намерений, содержащихся в так называемой «программе Грефа», и историю того, как постепенно они либо блокировались, либо выхолащивались, можно найти в ежегодных выпусках «Обзоров российской экономики», выпускаемых Институтом экономики переходного периода (ныне — Институт Гайдара).

⁸ В 2003–2004 годах Генпрокуратура в очередной раз начала расследование процесса приватизации Норильского никеля, угрожая Потанину и Прохорову судебными исками по примеру ЮКОСа. Этот эпизод немедленно завершился после того, как Потанин написал письмо Путину, где очень четко обозначил свою позицию: «Хотите отобрать? Так и скажите — отдам без промедления и сопротивления. Потому как понимаю правила игры». Такую же позицию в кризис 2008-го продекларировал Дерипаска, когда заявил, что готов отдать РУСАЛ государству в обмен на его поддержку деньгами ВЭБа.

⁹ Краткосрочные снижения цен на нефть бюджет компенсирует Резервным фондом и девальвацией рубля.

¹⁰ Не стоит забывать, что средний возраст автомобильного парка, например, в США составляет 11,4 года, то есть для получения полномасштабного эффекта от новых технологий потребуется не менее 6–7 лет.

¹¹ Скорее всего, в силу соглашений о создании Таможенного союза России придется пойти на резкое снижение размера экспортной пошлины или на полную ее отмену, но очевидно, что в таком случае российские власти создадут альтернативный механизм налогообложения нефтяной отрасли, который как минимум не приведет к снижению доходов бюджета.

¹² Введение налога на недвижимость, который может укрепить доходы регионов, тормозится неготовностью налоговых правил и незавершенной работой по созданию глобального реестра недвижимости.

¹³ <http://www.vedomosti.ru/opinion/news/26510851/devalvaciya-ukazov>

¹⁴ У девальвации рубля есть побочный положительный (для бюджета) эффект: в 2013-м 50 проц. доходов федерального бюджета были привязаны к долларовой цене на нефть, а еще 13 проц. доходов составляли НДС и акцизы на импорт, также имеющие под собой валютное основание. Это означает, что 10-процентная девальвация рубля (при прочих равных условиях) ведет к росту доходов федерального бюджета на 5–6 процентов.

¹⁵ С точки зрения устойчивости платежного баланса и давления на курс рубля, значимым фактором (помимо счета текущих операций), безусловно, является интенсивность оттока капитала из России. Для базового сценария мы исходим из её «нормальной» величины, а повышенный отток капитала будет являться элементом пессимистического Сценария Б.

¹⁶ С одной стороны, и в этих регионах ресурсы рабочей силы не безграничны, это — не Китай. С другой стороны, приезжающие в Россию работники существенную часть своих заработков отправляют на родину, что снижает потребление внутри России и давит на платежный баланс. Кроме того, не будучи вовлеченными в систему уплаты налогов, они будут создавать «бюджетные ножницы» — относительное падение доходов бюджета и рост спроса на бюджетные услуги (образование и здравоохранение).

¹⁷ Или же добиваться ее роста (в силу более низкого профессионального качества иностранных работников).

¹⁸ Перечень ключевых шагов заведомо является неполным, и каждый желающий может его расширить, последовательность перечисления ключевых шагов не является отражением каких-либо приоритетов.

Пространство России после Крыма и на фоне кризиса

При существующем политическом режиме риск конфронтации региональных элит с федеральным центром минимален | **НАТАЛЬЯ ЗУБАРЕВИЧ**

Экономическую и политическую ситуацию в регионах трудно назвать благоприятной. В 2009-м десятилетие экономического роста сменилось сильным кризисным спадом. Экономика России восстановилась только в 2012 году, но не все регионы вернулись на докризисный уровень промышленного производства и инвестиций. В 2013-м началась экономическая стагнация: промышленное производство не росло, в 30 проц. регионов был зафиксирован спад. Инвестиции сократились на 0,2 проц., отрицательную динамику имела половина российских регионов, в том числе большинство развитых. Сильнее всего сократились инвестиции на Дальнем Востоке (на 27 проц.). Последствия политических событий 2014-го неизбежно усугубят спад инвестиций в регионах, стагнация с большой вероятностью перейдет в вялотекущий экономический кризис. Состояние рынка труда пока в целом благоприятно, уровень безработицы в России на историческом минимуме (5,1 процента). Однако в промышленных городах безработица стала расти в связи с сокращением производства либо в результате неблагоприятной мировой конъюнктуры (металлургия,

угледобыча, целлюлозно-бумажная промышленность) или падения внутреннего спроса (автомобильная отрасль и в целом машиностроение).

Темпы роста доходов населения и потребления в 2013 году снизились до трех процентов. В 2009-м и 2011-м было еще хуже, доходы практически не росли. Заканчивается сформировавшийся в 2000-е годы «социальный контракт» между властью и обществом — «политическая поддержка в обмен на рост благосостояния». Чтобы продлить «договор» с обществом, в 2009-м федеральные власти существенно повысили пенсии, а с 2012-го вступили в силу указы Путина, которые предусматривали значительное повышение заработной платы занятым в бюджетном секторе. Тем самым теперь действие «контракта» сузилось и распространялось только на важнейшие для власти электоральные группы.

Экономику поддерживал рост потребления за счет расширения кредитования, но в 2013-м рост потребительского кредитования замедлился, а вслед за этим перестал расти и потребительский спрос. Население перекредитовано, риски невозврата растут. Большинство

новых кредитов населению банки выдают для выплат по предыдущим кредитам.

Еще хуже дело обстоит с бюджетами регионов. В 2013-м доходы бюджетов выросли на один процент без учета инфляции (в реальном выражении сократились более чем на 5 процентов). Две основные причины – сократившиеся поступления налога на прибыль (13 проц.) и трансфертов из федерального бюджета (6 процентов). Эти потери были компенсированы за счет налога на доходы физических лиц: поступления выросли благодаря повышению заработной платы бюджетников, а также благодаря росту ставок налога на имущество. Этот налог платит в основном бизнес, его издержки выросли.

Расходы бюджетов регионов в 2013 году увеличились на 6 процентов. Выполнение указов президента легло тяжким бременем на бюджеты регионов: доля заработной платы в расходах выросла с 24 проц. в 2012-м до 34 проц. в 2013-м, а в десяти регионах превысила 50 проц. всех расходов (данные *Standard&Poors*). Именно из-за повышения заработной платы быстрее всего росли социальные расходы бюджетов – на образование, здравоохранение и культуру (на 8–14 процентов). Выполнение указов президента объявлено главным приоритетом при оценке деятельности губернаторов, поэтому во многих регионах указы выполнялись опережающими темпами, несмотря на рост дефицита бюджетов. Федеральный бюджет софинансировал выполнение указов не более чем на треть, основная тяжесть расходов легла на бюджеты регионов.

В результате бюджеты утратили стабильность. Дефицит вырос за год с 278 до 642 млрд руб., или с 3,3 до 7,9 проц. всех доходов бюджетов регионов. В 2012-м дефицит бюджета имели 67 регионов, а в 2013-м – 77 регионов, при этом в 13 регионах он достиг 15–55 проц. от всех доходов бюджета.

Дефицит пришлось покрывать заимствованиями. На 1 апреля 2014-го суммарный долг

регионов и муниципалитетов достиг 2,2 трлн руб., что соответствует трети собственных доходов бюджетов регионов (без учета трансфертов из федерального бюджета). В 40 проц. регионов объем долга превысил половину собственных доходов бюджета. Дестабилизация бюджетов регионов стала критической.

Проблема огромного дефицита и долга регионов решается методами «ручного управления». Министерство финансов предлагает регионам оптимизировать другие расходы, что приведет к сокращению числа получателей социальных пособий, опережающему росту тарифов ЖКХ и снижению инвестиционных расходов регионов. Долги регионов банкам будут переведены в бюджетные кредиты, что позволит снизить процентную ставку и пролонгировать сроки возврата долга. Эта мера увеличит расходы федерального бюджета.

Таким образом, попытка федеральных властей продлить социальный контракт с электорально важными группами населения с помощью опережающего повышения их заработной платы создала огромную проблему. Адекватность действий в экономике снижается. Дестабилизация бюджетной системы началась еще до аннексии Крыма, которая неизбежно потребует дополнительных бюджетных расходов.

В политической сфере федеральные власти лучше контролируют ситуацию и демпфируют угрозы. Ожидалось, что восстановление выборов губернаторов с 2012-го усилит политическую конкуренцию: многие назначенные губернаторы не пользуются популярностью в своих регионах, поскольку выражают интересы тех, кто лоббировал назначение, а деловые качества назначенцев играют второстепенную роль. Губернаторский корпус деградировал, региональные власти не способны находить адекватные управленческие решения, оптимизировать бюджетные расходы и при этом сохранять поддержку населения в ухудшаю-

щихся экономических условиях. Но, вопреки ожиданиям, возврат выборов не изменил ситуацию. Жесткий законодательный фильтр, требующий собрать подписи 5 проц. муниципальных депутатов региона, оказывается практически непреодолимым препятствием для альтернативных кандидатов. В ближайшие годы выборы губернаторов вряд ли станут инструментом смены элит и прихода к власти более подготовленных политиков или бизнесменов. Обновление региональных элит с помощью выборов губернаторов возможно только при ослаблении федерального центра и снижении контроля над ситуацией в регионах.

На укрепление режима работает и готовящаяся отмена прямых выборов мэров 67 крупнейших городов страны. Отмена прямых выборов стала ответом властей на победу оппозиционных кандидатов на выборах мэров четырех крупных городов (Ярославль, Екатеринбург, Петрозаводск, Новосибирск) в 2013–2014 годах. Обеспечивая себе краткосрочные выгоды, федеральные власти не учитывают долгосрочные издержки. Отказ от прямых выборов ухудшит представительство интересов крупных городов в регионе, разрушит систему сдержек и противовесов, усилит доминирование губернатора. Создаваемая авторитарная модель политических режимов в регионах в случае ослабления федеральной власти усилит риски дезинтеграции.

Последствия аннексии Крыма для регионов

Аннексия Крыма в 2014-м и санкции против России серьезно скажутся на регионах. Вследствие сокращения трансфертов из федерального бюджета, особенно инвестиционных и социальных субсидий, в той или иной степени понесут потери почти все регионы России.

Наиболее негативны последствия для инвестиционно активных регионов (Калужская, Калининградская, Ленинградская области, Республика Татарстан и др.), которые пытались

улучшать инвестиционный климат и привлекать инвесторов. Эти регионы брали кредиты на развитие инфраструктуры и накопили большие долги, которые будет труднее отдавать в ухудшившихся экономических условиях, многие проекты останутся или не дадут запланированной прибыли. До 2014 года инвестиционно активные регионы были «витриной» российской модернизации, а теперь она не нужна.

Федеральные города также несут потери, но в меньшей степени, поскольку ужесточение политического режима усилит централизацию управления и концентрацию финансовых ресурсов. Санкт-Петербургу, как и раньше, поможет постепенный перевод из Москвы штаб-квартир крупного бизнеса, который в России является основным налогоплательщиком. Для бюджета Москвы потери сильнее: из-за рецессии и санкций снизятся поступления главного источника доходов — налога на прибыль, который выплачивают штаб-квартиры крупнейших компаний. Большинство из них пока находится в столице, но число таких компаний и объем налоговых поступлений сокращаются. Сокращение бюджетных инвестиций в инфраструктуру усугубит транспортный коллапс, уменьшится число рабочих мест в секторе услуг, где занято образованное население с более высокими доходами. Однако агломерационные преимущества позволят столице сохранить более высокий уровень жизни по сравнению с другими регионами.

Для средне- и менее развитых регионов главный риск — снижение трансфертов из федерального бюджета из-за необходимости финансировать Крым и общего ухудшения экономической ситуации в стране. Если цена на нефть останется стабильной (нефтегазовые налоги и экспортные пошлины дают две трети доходов федерального бюджета), объем федеральной помощи сократится не слишком сильно.

На ближайшее десятилетие территориальные приоритеты федеральных властей будут выглядеть следующим образом:

1. *Развитие восточных регионов, где сосредоточены новые месторождения нефти, газа и других экспортных ресурсов.* В 2000-е экономическое развитие Дальнего Востока пытались стимулировать в основном за счет инвестиций из федерального бюджета. Российский крупный бизнес не проявлял активности из-за высоких издержек. Иностранные инвестиции пришли только в добычу нефти на Сахалине, где действует соглашение о разделе продукции, но оно не нравится российским властям, поскольку не обеспечивает им полного контроля над бизнесом. После введения санкций доминирующей тенденцией станет ориентация на Китай для получения кредитов, инвестиций, организации совместных проектов по добыче сырья и развитию инфраструктуры. Наиболее привлекательны для китайских инвесторов сырьевые проекты в приграничных регионах Сибири и Дальнего Востока, добыча нефти и газа в Западной Сибири. Вероятно также участие китайского бизнеса в инфраструктурных проектах, в том числе в строительстве моста в Крым. Платой за такое взаимодействие станет продажа российского сырья Китаю по более низким ценам. Чтобы стимулировать развитие восточных регионов, будут также увеличены инвестиции из федерального бюджета в инфраструктуру соответствующих территорий.

2. *Масштабные инвестиции федерального бюджета и крупных госкомпаний в Крым.* Расходы российского бюджета на финансирование Крыма, включая выплату пенсий, оцениваются примерно в 200 млрд руб. в год (7 млрд дол.), что сопоставимо с бюджетом такого крупного региона России как Краснодарский край. Благодаря ослаблению рубля, федеральный бюджет может рассчитывать на дополнительные доходы от экспорта, поэтому в ближайшие годы финансирование текущих расходов Крыма не создаст больших проблем. Инвестиционные расходы в Крыму намного больше: придется финан-

сировать затратные инфраструктурные проекты, такие как мост через Керченский пролив или инфраструктуру водо- и энергоснабжения. Суммарный объем расходов может достичь 1 трлн руб. (30 млрд дол.), что сопоставимо с финансированием Олимпиады в Сочи. Чтобы ускорить и скоординировать эту работу, создано Министерство по делам Крыма. Решать инфраструктурные проблемы придется аврально и поэтому дорого, причем в ухудшающихся экономических условиях. Выделение огромных средств из федерального бюджета приведет к снижению поддержки других регионов. Крупный российский бизнес будут принуждать к инвестициям в развитие Крыма, что усугубит долговые проблемы российских компаний.

3. *Финансовая поддержка республик Северного Кавказа в сочетании с жесткими силовыми методами для обеспечения политической стабильности.* Высокодотационные республики Северного Кавказа получают 10 проц. от всех трансфертов регионам, и федеральный бюджет в состоянии выделять эти средства. Федеральная помощь идет на текущие расходы, инвестиции минимальны (3 проц. от всех инвестиций в России), поэтому новых рабочих мест создается мало. Трудовая миграция в другие регионы России и занятость в теневом секторе экономики частично смягчают социальные проблемы, но коррупция, терроризм и силовые акции усиливают напряженность. Эти проблемы превращают Северный Кавказ в пороховую бочку для федеральных властей.

Перспективы и риски: региональный ракурс

В региональном ракурсе рассматриваются следующие возможности и риски:

- вероятность децентрализации с передачей более значительного объема ресурсов и полномочий регионам,
- риски конфронтации региональных элит с федеральным центром,

- возможности региональных альянсов с целью давления на центр для расширения полномочий и ресурсов,
- риски распада страны или сецессии отдельных регионов.

Пока все вышеперечисленные вероятности и риски России не угрожают. В стране создана жесткая вертикаль управления с системой контроля сверху. Регионы полностью лишены политической самостоятельности, их полномочия и бюджетные ресурсы регламентированы и жестко контролируются. Особые привилегии отдельным регионам

дополнительные расходные обязательства не будут обеспечены достаточными финансовыми ресурсами.

При существующем политическом режиме риск конфронтации региональных элит с федеральным центром минимален. Региональные власти дезинтегрированы. В 1990-е годы горизонтальные взаимодействия регионов развивались «снизу»: создавались межрегиональные ассоциации, самыми сильными из которых были Сибирская и Уральская. В начале 2000-х были созданы федеральные округа, которыми управлял

“После Крыма вероятность децентрализации полномочий и финансовых ресурсов стала еще меньше. На регионы переложена ответственность за непопулярные решения”.

основаны на договоренностях с федеральным центром.

После Крыма вероятность децентрализации полномочий и финансовых ресурсов стала еще меньше. Вместо этого на регионы переложена ответственность за непопулярные решения. Им позволили самостоятельно осуществлять маневр финансовыми ресурсами, чтобы выполнить указы президента и изыскать средства на повышение заработной платы работникам социальной сферы. Региональным властям придется идти на болезненные меры: сокращать количество учреждений образования и здравоохранения, численность занятых в социальной сфере и получателей социальных пособий. Если при реализации непопулярных мер губернаторы допустят рост социальной напряженности, федеральный центр их накажет. Воспроизводится привычная для России схема — добрый «царь» (федеральный центр) заботится о народе, а плохие «бояре» (губернатор и региональные власти) ему мешают. Эта схема помогает поддержать рейтинг президента. В таких условиях губернаторам не нужна децентрализация управления, так как

«сверху» аппарат полномочных представителей президента. Ассоциации были ликвидированы, самостоятельные горизонтальные контакты губернаторов не приветствуются. Навыки горизонтального взаимодействия (бриджинговый социальный капитал) в России и так развиты слабо, а за последние лет десять они почти уничтожены и вряд ли быстро восстановятся. Это означает, что даже при резком ухудшении политической ситуации и ослаблении федерального центра губернаторы будут действовать каждый сам за себя, их взаимодействие маловероятно.

Дезинтеграции способствовала система назначений губернаторов. Во главе регионов поставлены лояльные Центру фигуры, часто чужие для местной элиты. Как было сказано выше, хотя выборы были восстановлены, в ближайшие несколько лет это вряд ли изменит губернаторский корпус, поскольку одновременно были введены жесткие электоральные фильтры для кандидатов. Федеральные власти в 2012–2014 годах улучшили технику предвыборной подготовки: за полгода-год до выборов губернатора с низким рейтингом

снимают с должности, а на его место назначают отобранного центром представителя местной или федеральной элиты, который к выборам успевает поднять свой рейтинг с помощью многочисленных обещаний.

Региональные власти освоили стратегии индивидуального торга с федеральным центром. Татарстан давно выстроил особые отношения, что позволило ему получать из федерального бюджета большие трансферты и снизить налоговые выплаты в федеральный бюджет¹. Главы других развитых республик (Башкортостан, Коми, Якутия) слабее и не способны бороться за расширение прав. Недовольство элит более ощутимо в развитых регионах Сибири и Урала с сильной региональной идентичностью и сохранившейся межрегиональной координацией. Им нужна децентрализация и повышение самостоятельности. Ресурсодобывающие регионы недовольны колонизаторской политикой компаний, вывозящих прибыль, и ставят вопрос о передаче хотя бы части полномочий по лицензированию добычи ресурсов. Но после Крыма недовольные региональные элиты замолчат – в условиях ужесточения режима все стали осторожнее.

Риски сецессии потенциально существуют для окраин России – Северного Кавказа, Дальнего Востока и Сибири. Иногда в этот список включают и Урал, используя в качестве аргумента попытку создания Уральской республики в начале 1990-х, хотя стимулом для создания Уральской республики было желание увеличить доходы бюджета Свердловской области (республики в то время обладали бюджетными привилегиями). Риски отделения восточных регионов возрастают только при сценарии резкого ослабления федеральной власти и окончательной переориентации региональных экономик на Китай. Наиболее привлекательный вектор для развитых восточных регионов – децентрализация.

Республики Северного Кавказа – особый случай. Ситуация в них будет ухудшаться даже при сохранении объемов помощи из федерального бюджета. Северный Кавказ находится на пике модернизационного перехода от традиционного общества с преобладанием клановых структур, высокой долей сельского населения и повышенной рождаемостью к более современному, урбанизированному обществу, в котором формируются городской образ жизни и модернизированные ценности. Миграционный приток сельского населения замедляет трансформацию городского социума, но урбанизация постепенно меняет поведение мигрантов. Модернизационный переход происходит в условиях коррумпированной системы управления, которая вызывает отторжение у местных жителей, особенно у молодежи. Альтернативой стало следование религиозным нормам нетрадиционного ислама. Некоторые исследователи рассматривают его как исламский протестантизм, противодействующий господствующей коррупции и продажности властей². Можно сравнить ситуацию в республиках Северного Кавказа с Россией начала XX века, когда она испытывала сильнейшие перенапряжения на стадии модернизационного перехода. Рост религиозности на Северном Кавказе чреват социальным взрывом, а жесткое подавление оппозиции федеральными силовыми структурами усугубляет эту угрозу. Рост ксенофобии в остальной России также усиливает отторжение, жители республик Северного Кавказа воспринимаются как чужие. Однако вероятность сецессии выглядит минимальной, поскольку элиты и население республик экономически связаны со всей страной (трансферты, трудовые миграции и др.).

Прогноз ситуации в регионах можно разделить на два периода.

Прогноз на 2016 год. Экономические условия будут ухудшаться постепенно по мере использования накопленных финансовых ресурсов Фонда национального благосостояния

ния. По оценкам экономистов, этих ресурсов может хватить на полтора-два года. К 2016-му в большинстве регионов экономическая ситуация вряд ли кардинально ухудшится, исключение могут составить города с сильным и длительным промышленным спадом. Население будет постепенно адаптироваться к ухудшению, как это было в начале 1990-х.

Региональные власти сохранят лояльность — компромат есть на каждого губернатора. Однако будет расти напряжение в региональных элитах, так как ужесточение вертикали усилит страх и зависимость от федеральной власти. Губернаторские выборы смогут стать триггером протестов, но вероятность этого невелика. Законодательство о выборах, принятое в 2012-м, обеспечивает контроль над результатами, а в пяти наиболее проблемных республиках Северного Кавказа прямые выборы глав республик заменены скрытым назначением (голосованием законодательного органа республики за кандидата, предложенного президентом РФ). При необходимости и под любым предлогом эта схема может быть распространена на многие регионы или даже на все, закон это позволяет. Хотя население предпочитает прямые выборы глав регионов (65–70 проц. по результатам социологических опросов в 2000-е годы), но в условиях жесткого политического режима Кремль вряд ли будет с этим считаться. Губернаторские выборы останутся управляемыми, выборы мэров крупных городов — тем более, а прочие муниципалитеты не опасны для власти.

Только подготовка к выборам в Государственную думу начнет расшатывать систему власти в регионах. Половина депутатов будет избираться как одномандатники, выдвижение претендентов усилит активность групп интересов с финансовыми и политическими ресурсами, особенно в более развитых регионах. Волна популистских обещаний будет дополняться информационной войной, политическая жизнь в регионах оживится. Губернаторы

не смогут тотально влиять на выборы в Госдуму, поскольку не везде они способны контролировать элитные группы. Однако в условиях сильной деморализации и апатии общества и дискредитации Думы как института выборы одномандатников дадут значимые результаты лишь в ограниченном числе регионов.

Прогноз на 2018 год. К президентским выборам 2018-го финансовые запасы будут исчерпаны из-за длительной экономической стагнации или рецессии. Еще более усилится централизация и унитаризация системы государственного управления, в которую фактически будут включены муниципалитеты. Если власти не начнут еще одну маленькую победоносную войну для поднятия рейтинга президента, то придется опираться на жесткую политическую систему, но без достаточных рычагов экономического давления или стимулирования. Усилится торг с региональными элитами при крайне ограниченных финансовых ресурсах федеральной власти. Для деградировавших региональных элит многих регионов предметом торга, скорее всего, будут выгоды для узких групп интересов, а не борьба за ресурсы развития для своего региона. Это позволит федеральному центру сохранять контроль над регионами методами «кнута и пряника» при продолжающейся деградации страны.

Сценарии: центр-периферийный ракурс

В сценарном анализе в рамках *центр-периферийной модели* Россия рассматривается как совокупность четырех типов территорий. Россия-1 — это крупнейшие, наиболее модернизированные города (федеральные и региональные центры) с населением свыше 0,5 млн человек, наиболее высоким уровнем образования и доходов. В них живет 31 проц. населения страны. Россия-2 — менее крупные и средние города с индустриальной экономикой и сохранившимися советскими ценностями. В них живет около 30 проц. населения.

Россия-3 — это периферия с сильно постаревшим населением малых городов и сел с низким человеческим капиталом, низкими доходами и более традиционным образом жизни. Ее доля — более трети населения страны. Россия-4 — другой тип периферии (6 проц. населения), к ней относятся слаборазвитые и наименее модернизированные республики Северного Кавказа и юга Сибири с клановой структурой общества, незавершенным демографическим переходом и более высокой рождаемостью, сильными религиозными и этническими противоречиями, максимальной долей теневой экономики. Модернизационный переход в них сопровождается высокими издержками для населения, поэтому социальная и политическая напряженность велика.

Базовый сценарий «Сталин – *medium*»

Основной удар придется по крупным городам, где концентрируется более модернизированное население с высокими и средними доходами. Снижение жизненных стандартов будет более сильным, в первую очередь, для небюрократической части среднего класса крупных городов. Это, во-первых, следствие снижения курса рубля, что сокращает возможности покупки высококачественных импортных товаров, зарубежного туризма, лечения и образования. Во-вторых, будут расти налоги на недвижимость и автомобили, возможен отказ от плоской шкалы налогообложения доходов. В-третьих, вырастет платность всех социальных услуг, хотя этот процесс давно идет в крупных городах и население постепенно к нему адаптируется.

Бюрократию и представителей силовых структур, доля которых в среднем классе существенно выросла за 2000-е, будет поддерживать государство с помощью опережающего повышения заработной платы и различных льгот. Некоторую поддержку получают и другие занятые в бюджетном секторе, но их число уменьшится. Таким образом, внутри крупногородской России-1 усилится раскол между работающими

на государство, с одной стороны, и менее зависимыми от него квалифицированными работниками, а также предпринимателями — с другой.

Еще одна группа — пенсионеры, в крупных городах они более активны. Два фактора могут усиливать недовольство: переход на новую систему расчета пенсий, что замедлит их рост, и повышение тарифов ЖКХ, неизбежное в условиях нарастания бюджетных проблем. Однако эти изменения относительно медленные, население к ним адаптируется, поэтому даже при росте недовольства вероятность массовых протестов мала.

Именно в крупнейших городах формируется гражданское общество, поэтому давление на независимую от власти самоорганизацию граждан будет наиболее жестким. Будут нарастать репрессии в отношении гражданских и политических активистов, что подтолкнет наиболее активных к эмиграции. Отмена прямых выборов мэров в крупных городах лишит оппозицию важного инструмента протестной мобилизации.

Экономические проблемы и рост политического давления будут стимулировать эмиграцию конкурентоспособного населения крупных городов, особенно молодого. Это одна из основных стратегий «выхода» для жителей России-1 с европейскими ценностями, более высоким уровнем образования и доходов.

Индустриальная Россия-2 также разделится. Перераспределение бюджетных средств на поддержку военно-промышленного комплекса поддержит занятость в городах с предприятиями ВПК. Ситуация в городах экспортной промышленности (металлургия, уголедобыча, целлюлозно-бумажная отрасль) и машиностроения останется неблагоприятной или даже ухудшится. Это приведет к стагнации заработной платы и снижению занятости. Менее понятны перспективы нефтегазодобывающих регионов и городов, но и в них занятость будет снижаться даже при стабильных ценах на нефть и газ, поскольку в худших экономических условиях

бизнес будет снижать издержки и меньше инвестировать. Только в городах восточных регионов страны, куда пойдут инвестиции из Китая, экономический рост может сохраниться.

Риски взрывного роста безработицы невелики из-за демографических факторов — в пенсионный возраст вступает многочисленное поколение 1950-х годов рождения, а на смену ему на рынок труда приходит малочисленное поколение 1990-х годов рождения. Демографический фактор смягчит не только риски безработицы, но и протестную активность. Кроме того, власти и крупный бизнес научились координировать действия по санации проблемных предприятий. Сокращение занятости проводится поэтапно, занятых пытаются трудоустроить на других предприятиях, государство финансово поддерживает общественные работы или выделяет небольшие средства на открытие малого бизнеса. На поддержку занятости в наиболее проблемных промышленных городах требуются относительно небольшие средства из федерального бюджета, и они будут выделяться. Это не поможет выходу из кризиса, но частично снимет социальную напряженность.

По России-2 сильнее ударит государственная политика оптимизации социальных расходов: сокращение сети учреждений социальной сферы и занятости в них. Многие средние города почти утратили промышленные функции, главным видом занятости в них стал бюджетный сектор, его оптимизация сократит доходы населения и рабочие места. Помимо свертывания объемов предоставления бесплатных услуг образования, здравоохранения и социального обслуживания, снизится их качество из-за сокращения финансирования. Население городов России-2, за исключением нефтегазодобывающих, имеет более низкие доходы, и ему труднее адаптироваться к росту платности услуг и тарифов ЖКХ. Население России-2 готово терпеть снижение качества и доступности услуг, но не быстрый рост их платности.

Сочетание проблем в социальной сфере и сокращения занятости может послужить триггером протеста, но нужно учитывать низкий социальный капитал России-2. Вероятней всего, протесты будут локальными, концентрируясь в городах с наиболее сложной ситуацией, усугубленной плохой координацией действий власти и бизнеса. Такие «пожары» удастся довольно быстро гасить с помощью дополнительной финансовой помощи из федерального бюджета и публичного наказания мэров или руководителей предприятий. Пожилое население средних городов России-2 более защищено при условии стабильной выплаты пенсий и способно присоединиться к протесту только в наиболее кризисных городах или в ответ на резкий рост тарифов ЖКХ.

В периферийной России-3 свертывание сети социальных услуг и занятости в бюджетном секторе будет идти еще быстрее, существенно снизится доступность услуг образования и здравоохранения. Эти проблемы дополнятся минимальной индексацией пенсий, что в условиях инфляции сократит реальные доходы жителей сильно постаревшей сельской местности и малых городов. Протестный потенциал периферии минимален, она привыкла выживать за счет личного хозяйства и экономии на всем.

Таким образом, социальное напряжение будет нарастать в первую очередь в крупнейших городах России-1, а также в промышленных городах России-2, не связанных с ВПК. Однако возможности объединения двух зон напряжения минимальны, Россия-1 и Россия-2 слишком различаются по качеству населения и ценностям. Ситуация в России-4 будет накаляться, но прогнозировать сроки взрыва невозможно.

Сценарий «Сталин-lite»

В ближайшие годы протестный потенциал населения России останется низким из-за дефицита социального капитала.

Корректировка политики властей может быть обусловлена внешними шоками — резким ухудшением состояния российской экономики и доходов бюджета в случае сильного и длительного снижения мировых цен на основные виды экспорта. Российский бюджет сейчас балансируется при цене на нефть свыше 110 долларов за баррель, при этом быстро растут расходы федерального бюджета на оборонные цели, а в регионах — социальные расходы бюджетов. При такой политике финансовых запасов, накопленных во внебюджетных фондах, хватит не более чем на пару лет. Истощение финансовых ресурсов вынудит российские власти искать заемные средства на внешнем рынке, для чего придется немного смягчать политику режима для получения займов от международных финансовых организаций. Однако вероятность крупных иностранных заимствований тесно связана с ценой на нефть и поэтому непредсказуема

При данном сценарии в России-1 выигрывает только Москва как главный центр распределения финансовых потоков, в меньшей степени — Санкт-Петербург. Другие города-миллионники не получают дополнительных ресурсов и заметного импульса развития, их отставание от Москвы будет нарастать. Это вновь усилит негативное отношение к столице и усилит изоляцию Москвы от остальной России. Во многом повторится ситуация второй половины 1990-х, когда Москва начала экономически восстанавливаться, а вся остальная страна оставалась в депрессии.

В промышленных городах России-2 смягчение режима не приведет к быстрым изменениям. Выход из кризиса и переход к экономическому росту потребует увеличения объема инвестиций, а они будут расти медленно из-за высокой неопределенности: не будет ответа на вопрос, является ли смягчение режима устойчивым или это временный,

тактический маневр властей? Тем не менее стабилизация занятости после нескольких лет сокращений немного смягчит напряженность в индустриальных городах. Для жителей периферийной России-3 принципиально ничего не изменится.

«Антиперестройка» и развал страны (сдвиг к национализму-фашизму)

Такой сценарий возможен при острейшем экономическом кризисе и последующем расколе элит, необходимости поиска нового врага, так как образа внешнего враждебного окружения и внутренней «пятой колонны» будет уже недостаточно для мобилизации населения в поддержку власти. В качестве ресурса поддержки российские власти могут перейти к стимулированию этнической (великорусской, православной) мобилизации и поощрению ксенофобии по отношению к мигрантам. Если великодержавная идея, активизированная с помощью аннексии Крыма, объединила большинство россиян, хотя бы на время, националистическая будет жестко разъединять.

Национализм большинства всегда провоцирует национализм этнических меньшинств, что приведет к неизбежному росту напряженности в России-4 — на Северном Кавказе. Кроме того, межэтническая напряженность вырастет и в более развитых республиках (Татарстан, Башкортостан, Якутия); их власти будут стремиться к дистанцированию от федерального центра, опираясь на поддержку титульного населения.

Будут множиться конфликты в городах России-1, где концентрируются трудовые мигранты из СНГ. Рост насилия приведет к оттоку трудовых мигрантов из крупных городов, снижению уровня благоустройства, проблемам в работе торговых сетей, строительства, где в основном заняты трудовые мигранты. В городах и сельской местности «русского» юга, куда давно идет приток мигрантов с Северного Кавказа, также будут

множиться очаги этнических конфликтов и насилия. Рост насилия сделает эмиграцию из крупных городов России-1 еще более мощной.

Политика ксенофобии резко усилит влияние экстремистских групп на Северном Кавказе. Будет расти терроризм в крупных российских городах и на юге, где много выходцев из республик Северного Кавказа. В самих республиках может быть ограничен выезд местного населения на заработки в другие регионы страны, что создаст угрозу мощного социального взрыва, который будет усугубляться из-за роста этнических и религиозных конфликтов.

Последствия роста русского и этнического национализмов вполне предсказуемы, а поощрение ксенофобии при самом неблагоприятном развитии событий может привести к распаду страны.

Насильственный слом существующего режима (революция)

Минимально вероятный сценарий, его невозможно прогнозировать. Очевидно, что основную роль в нем будет играть Россия-1, точнее – столица страны, но контуры такого сценария пока не просматриваются, а о его последствиях не хочется думать.

* * *

Сценарный анализ позволяет подвести итоги, в основном пессимистические:

Регионы не будут драйверами позитивных перемен в России, у них нет ни экономических ресурсов, ни сильных элитных групп, готовых бороться за более децентрализован-

ную систему управления и распределения экономических ресурсов.

Возрастающие, но точечные политические репрессии будут нацелены на федеральные и другие крупнейшие города с более модернизированным населением. С большой вероятностью это позволит режиму удержать власть до следующих президентских выборов (2018 год), поскольку сопротивление будет снижаться. Образованное и высокодоходное население выберет реальную эмиграцию или уйдет во внутреннюю.

При некотором смягчении режима тенденции восстановления развития будут напоминать процессы середины 1990-х. Инвестиции пойдут в Москву, намного меньше – в Санкт-Петербург, остальные регионы будут все сильнее отставать в развитии.

При самом жестком сценарии главным драйвером изменений в России будет Северный Кавказ. Рост терроризма по всей стране и ответная реакция «усмирения» со стороны силовиков могут привести к отделению Северного Кавказа или его части.

На востоке страны будет усиливаться экономическое влияние Китая, хотя федеральные власти попытаются сохранить политический контроль, не допуская власти восточных регионов к принятию инвестиционных решений. В случае резкого ослабления Центра восточные регионы окажутся в сильной зависимости от Китая. Маловероятно, что дело дойдет до отделения от России, если регионам Сибири удастся перераспределить в свою пользу финансовые ресурсы и полномочия, включая контроль над минеральными ресурсами. ■

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ Компания «Татнефть» платит низкий налог на добычу полезных ископаемых в соответствии с федеральным законом о поддержке добычи нефти на старых месторождениях.

² *Стародубровская И.* Трансформация Северного Кавказа: от традиционного общества к современному // *Pro et Contra*. 2014. № 1–2. С. 96–105.

Путинский рецидив тоталитаризма

На волне искусственно вызванного патриотического подъема возник новый феномен — консервативная реконсолидация общества вокруг власти | **ЛЕВ ГУДКОВ**

Как писал Юрий Левада, когда те или иные события приводят общество в возбужденное состояние, в массовом сознании открываются глубинные пласты, внутренние структуры, которые в обычном спокойном состоянии стерты или не видны.

Именно такие процессы происходят сегодня в российском обществе; именно они определяют базовые установки по отношению к власти, а значит, и типы жизненных стратегий населения, включая и способы адаптации к репрессивному государству. Любые сценарии эволюции российского общества должны учитывать принципиальное изменение социально-политической ситуации в России, наступившее после Евромайдана и аннексии Крыма. Политика российского руководства, стремящегося не допустить кардинальных изменений в политическом развитии Украины — создания правового демократического государства и его интеграции с Европой — приобрела особый характер: провоцируя и поддерживая всеми средствами мятежи пророссийских сепаратистов, угрожая прямым военным вторжением на юго-восточные территории Украины, путинский режим пытается дестабилизировать общее положение в этой стране, парализовать функционирование слабого украинского государства и тем самым удерживать Украину в зоне своего влияния. Неизбежная

негативная реакция на это международного сообщества — санкции, частичная изоляция России — с точки зрения российского руководства, оказываются меньшим злом, чем перспектива ухода самой большой из оставшихся постсоветских республик и расширение самого правового пространства демократических государств (а значит, — сокращение сферы посттоталитарного пространства) ¹.

Смысл этой политики становится понятным, если учесть нарастающую слабость путинского режима, падение доверия и массовой поддержки власти, которые обозначились вскоре после экономического кризиса 2008–2009 годов. Наиболее ярко они выразились в антипутинских акциях и демонстрациях протеста 2011–2012-го. Грандиозная по масштабам и затратам кампания национальной мобилизации — сочинская Олимпиада — хотя и приостановила падение рейтинга Путина, но не дала желаемого эффекта. В этой ситуации прецедент народного восстания против коррумпированного режима Виктора Януковича и резкое изменение политической системы и стратегического курса Украины осознавались в Кремле как не просто неприемлемые, а как крайне опасные, несущие с собой смертельную угрозу для российского режима ².

Полтора месяца интенсивной антиукраинской пропаганды, экстраординарной по

своей агрессивности, активировали, казалось, было уснувшие стереотипы и мифы великодержавного сознания³. На волне искусственно вызванного патриотического подъема возник новый феномен — консервативная реконсолидация общества вокруг власти⁴ (см. рисунки 1 и 2). Действия российского режима в Крыму получили практически всеобщее одобрение населения России (их поддерживают и одобряют от 80 до 88 проц., осуждают — от 7 до 13 процентов). Степень поддержки свидетельствует о практически тотальном единстве — ситуация, крайне

государственного переворота контроль над парламентом и правительством получили радикальные и асоциальные элементы — нацисты, фашисты, бандеровцы, антисемиты, бандиты, криминальные группировки; возник вакуум власти, социальный и политический хаос, повлекший за собой угрозу жизни и благополучию русского (русскоязычного) населения. Такая экстраординарная ситуация, утверждает официальная пропаганда, потребовала от российского руководства обратиться к чрезвычайным мерам для защиты русскоязычного населения в Украине,

“Действенность пропаганды связана с навязываемым имморализмом в трактовках событий и освобождением от сознания коллективной ответственности”.

редко фиксируемая в социологических исследованиях. Подобное состояние возникает только тогда, когда затронуты самые важные для всего коллективного целого символические моменты, такие как угроза его существованию или равнозначные ей.

Кажется, что общественный консенсус в стране восстановлен, но восстановлен на основе чисто реакционной политики и апелляции к символам и ценностям имперского — советского или даже досоветского — прошлого. При этом экономические оценки благосостояния семьи или ожидания положения дел в ближайшем будущем если и изменились, то незначительно. Иначе говоря, уровень частной повседневной жизни и символический план «Россия как мировая держава» в массовом сознании разведены.

Массовые выступления протеста против коррумпированного режима Януковича кремлевская пропаганда объявила результатом происков Запада, заговором против России, цель которого — ослабление российского влияния на постсоветском пространстве. Следующим шагом стал тезис: вследствие

введения войск на украинскую территорию (в Крым). И, наконец, последний аргумент пропаганды: дело не только в защите «своих», а в возвращении Россией «исконно русских территорий». Именно это воспринималось как «исторический поворот» русской политики — от распада империи к ее восстановлению, «собираению земель».

Такими последовательными сдвигами достигался перенос интерпретации происходящего от мотивов протестующих, их стремления к правовому и демократическому государству (жить как в «нормальных странах», «как в Европе») в план символической геополитики, «русофобии», традиционной мифологии вечного противостояния России и Запада. А значит, устранялись основания для слишком явных параллелей с собственно путинской плутократией и административным произволом.

Пропаганда не выдвинула никаких идей и образов будущего⁵. Действенность ее проистекает из навязываемого имморализма в трактовках событий и освобождения от сознания коллективной ответственности по

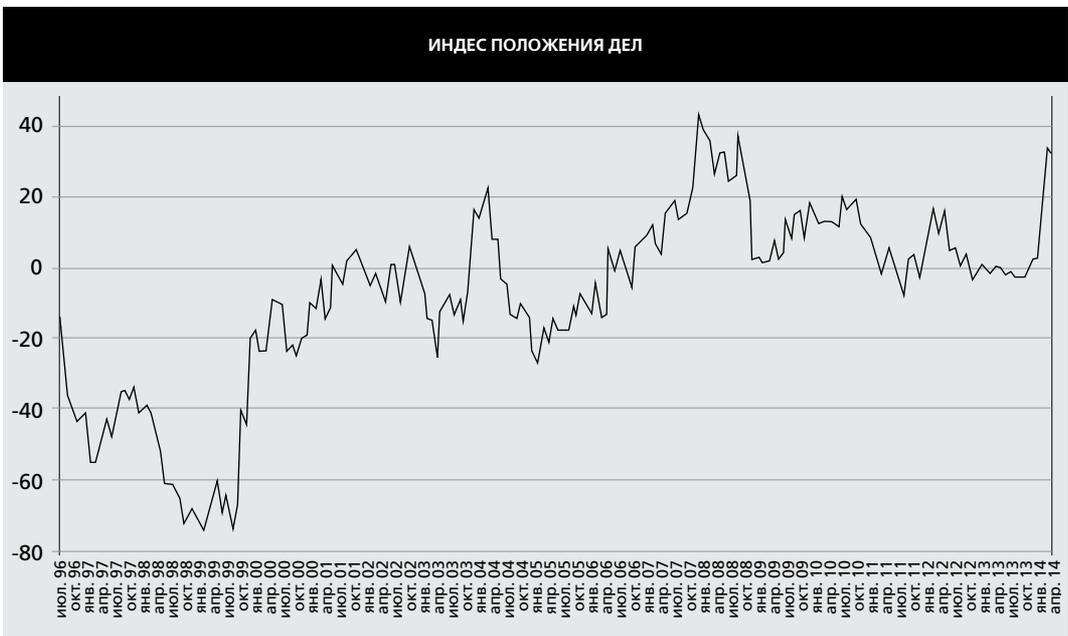
отношению к гражданам соседних стран, с отказом принимать во внимание мотивы и ценности других людей, то есть с утверждением принципа силы в отношениях с другими. В юридическом плане это означало полное пренебрежение национально-государственным суверенитетом других стран, то есть отрицание значимости принципов и норм права, в данном случае — современного международного права и подписанных международных соглашений.

Нынешний взрыв общественного энтузиазма заставляет вспомнить стремительное и радикальное изменение состояния общества и взлет массовых надежд, оптимизма, иллюзий осенью 1999 года (см. совпадение характера кривых на рис. 1 и 2). Тогда на фоне глубокого социального, экономического и морального кризиса появление нового и решительного руководителя страны, подавшего себя обществу в качестве жесткого автори-

тарного национального лидера, произвело огромное впечатление на население и резко повысило общий тонус социальной жизни. Все показатели социальных настроений стремительно пошли вверх, несмотря на то что экономическая ситуация на тот момент оставалась по-прежнему очень плохой.

На первый взгляд события на Украине и реакция на них Кремля — явления неожиданные и недоступные для прогнозирования. Однако дело не столько в иррациональности российской политики и общественного отклика на нее, сколько в идеологических установках самих либеральных аналитиков, блокирующих восприятие нежелательных фактов и тем самым — понимание эволюции политической системы России, когда ее тренд расходится с их ожиданиями⁶. Такие установки предопределяют слишком короткий горизонт рассмотрения явлений, устанавливая в качестве реперной точки

Рисунок 1

Индекс рассчитывается как разница положительных и отрицательных ответов на вопрос: «Как Вы считаете, страна движется в правильном направлении или страна движется по неверному пути?».

Рисунок 2

Индексы строятся как разность одобряющих и не одобряющих действия Владимира Путина и Дмитрия Медведева

отсчета возможный крах авторитарного режима Путина. В рамках такой установки, только «уход Путина» открывает мысленные возможности для продолжения российской модернизации. Однако этот «бог из машины» скрывает проблему слабых оснований или ресурсов для социальных изменений. Такой подход к прогнозируемому будущему (даже если это сценарные модели) имеет неустрашимо телеологический характер, в основе его лежит однозначная и линейная логика транзитологии и рецептурная «практическая политология». Восприятие текущих событий при этом оказывается очень избирательным.

Чтобы разобраться в произошедшем повороте российского общества, необходимо исходить из позиции, историзирующей актуальную ситуацию. Мы имеем дело с незавершенным процессом распада СССР и, соответственно, сохранением в институциональной системе современной России струк-

тур, которые были частью тоталитарной системы, структур, влияющих на воспроизводство советских представлений о природе российского государства, об отношениях власти и общества, значимых для большей части населения России. Понятно, что эти представления уже не существуют в своем «чистом виде», они являются контаминацией позднесоветских массовых установок и мифов с постсоветскими взглядами и отношениями, но в данном случае важно, что они актуализируются пропагандой или особыми, например, кризисными, обстоятельствами жизни.

Последствия «украинской политики» российского руководства еще не вполне ясны. Но, принимая во внимание контекст нынешней законодательной работы кремлевской администрации, уже сейчас можно говорить о том, что имеют место периодически возобновляемые попытки возвращения

к идеологии и практике позднего советского времени. Причины подобных возвратных тенденций обусловлены неоднородностью постсоветской институциональной системы, соединяющей в себе практически не изменившиеся структуры власти (не контролируемые обществом), а также институты, на которые режим Путина опирается. Эти институты — политическая полиция, спецслужбы, следственные и правоохранные органы, зависимый от администрации президента суд, региональные органы управ-

специализированные группы, претендующие на автономию: интеллектуальную, научную и культурную элиту, бизнес, интернет, организации гражданского общества. Но тем самым он обрекает себя не только на радикальное сокращение идеологической базы — символических ресурсов легитимации авторитарного господства, но и в более дальней перспективе — подрывает свою социальную базу: снижение человеческого потенциала тянет за собой стагнацию экономики и рост социального недовольства. Взаимосвязь этих

“Персоналистский режим вынужден в интересах самосохранения подавлять специализированные группы, претендующие на автономию”.

ления, государственный сектор экономики, науки, образования, культуры, с одной стороны, а с другой — далеко ушедшие от советских форм институциональной организации малый и средний бизнес, массовая культура, коммуникации, прежде всего — интернет и социальные сети, потребительское поведение и т. п. Именно эти сферы общественной жизни, которые пытаются эмансипироваться от власти, становятся сегодня объектом все более строгой и принудительной бюрократической регламентации (война за общественную мораль, за правильные, патриотически выдержанные трактовки истории и политики властей и проч.). Сохранение контроля над усложняющейся общественной жизнью дается правящему режиму все с большим трудом, поскольку социальная диверсификация и усложнение общества, процессы структурно-функциональной дифференциации вызывают эрозию действующей системы господства, на которую режим реагирует все более однообразно: ужесточением репрессий и усилением идеологического контроля и цензуры. Персоналистский режим вынужден в интересах самосохранения все сильнее подавлять

факторов понятна: усиливающаяся примитивность власти (а значит, очевидная неэффективность управления) требует расширения репрессивных практик управления.

В этом смысле без Украины путинский режим начнет разваливаться. Весь смысл нынешней политики дестабилизации Украины заключается в том, чтобы дискредитировать силы демократической национальной консолидации и любым образом перенести недовольство российского населения с коррумпированной бюрократии на сторонников права, демократии и европеизации. Задача не просто в том, чтобы создать защитный кордон («Евразийский союз») против «экспансии» демократии и европейских ценностей, но и представить устрашающий пример свержения авторитарного и клептократического режима. Последнее, как источник социальной дезорганизации, больше всего пугает российское население, фрустрированное процессами распада институтов в 1990-е годы.

Учитывать этот институциональный контекст необходимо потому, что общество, само по себе подвергаемое бюрократической

кастрации и принуждению, сохраняющее генетическую связь с советской системой, не является и не может быть субъектом действия в отношениях с не контролируемой им властью. Последовательно проводимая администрацией Путина с 2002 года политика ужесточения репрессивной системы господства и директивного управления за 10–12 лет стерилизовала сферу политики и свободного выражения мнений по общественно значимым вопросам, оставив большую часть населения России без средств рационализации своих проблем и артикуляции групповых

шие выборы на всех уровнях управляемыми. В идеологическом плане важно отметить помпезное празднование шестидесятилетия Победы в Великой Отечественной войне, которое растянулось на целый год (2004–2005) и превратилось в идеологическую кампанию патриотической проработки населения, коллективной мобилизации, регулярного проведения государственных церемониалов — с тем, чтобы стимулировать возрождение «национального самосознания», создать множество симулякров коллективной памяти и ритуалов коммеморации.

“В сознании населения по-прежнему в качестве утраченного и уже недостижимого идеала сохраняется представление о советской **распределительной системе**”.

интересов⁷. Разорвав связи между инновационными и специализированными группами интересов, власти свели к нулю потенциал саморазвития общества в целом, задвинув общественную проблематику в условия «кухонных» принципиально дилетантских, дискуссий в интернете.

Отечественной политологией (в отличие от политической журналистики) не принимается в расчет кумулятивный эффект разнообразных изменений, которые путинский режим производил все эти годы. Их отчет им следует вести с установления монопольного контроля над СМИ с наиболее массовой аудиторией, в первую очередь — над телевидением⁸, и превращения СМИ в главный инструмент пропаганды, формирования и манипулирования общественным мнением. Заметными вехами на этом пути были вторая чеченская война⁹ и административная реформа (введение федеральных округов, отмена выборности губернаторов, устранившая связи региональной и местной власти с населением и привязавшая местные власти к президентской администрации), сделав-

После первого процесса над Ходорковским и установления жесткого контроля над крупными финансово-промышленными группировками, их сращения с высшим эшелонами власти (прежде всего с близким президенту кругом выходцев из КГБ) процесс приватизации в экономике был развернут в противоположном направлении — существенно выросла доля экономики, находящейся под контролем государства¹⁰, прямым (в виде госкорпораций) или опосредованным. Заметно усилилась (особенно в провинции) активность спецслужб после целого ряда «шпионских процессов», пронизывающих все системы исполнительной власти, во всех сферах управления — от правоохранительных органов или ключевых отраслей экономики до культуры и образования.

Страх перед «заразой» демократических революций стал причиной все более заметного (особенно после 2007 года, с мюнхенской речи Путина) разворота российской политики в сторону конфронтации с Западом и попыток создания под эгидой России своего рода санитарного кордона из союза госу-

дарств-сателлитов, бывших республик СССР. Такая политика требовала дискредитации прежних идеологических установок (сближение с Западом, «Европа — наш общий дом», принятие универсальных ценностей — законности, прав человека, гуманности, ограничения насилия и т. п.) и, напротив, замещения их имитационным традиционализмом (навязывание населению православия, почитания прошлого, сакрализация ВОВ, а вместе с ней — запрет на критику сталинского руководства, перерастающий в полный иммунитет власти от каких-либо негативных оценок и сомнений). Постепенная и усиливающаяся дискредитация либерализма сопровождалась все более навязчивым соединением государственнической идеологии со средневековым православием РПЦ, стремившейся подчинить общество своему влиянию.

Речь не идет о тотальной идеологизации, какая была во времена СССР. У нынешних держателей контрольного пакета власти — выходцев из КГБ, сотрудников политической полиции, по определению, проникнутых сознанием своей исключительности, экстраординарности своего статуса по отношению к праву и суду, нет и быть не может никакого другого запаса легитимационных представлений, кроме обломков или остатков идеологических конструкций брежневского времени¹¹. Режим не нуждается в контроле над умами поданных, ему достаточно принудить население к пассивности и лояльности.

Реакцией на демагогию властей оказывается не только формирование массовых негативных установок к оппозиции, США, странам Балтии, Западу в целом или теперь — к Украине, но и к самой власти. Показатели общественного отношения к основным государственным институтам на протяжении последнего десятилетия сохраняют устойчиво негативные значения: за исключением президента, церкви, ФСБ и армии, деятельность всех остальных орга-

нов государственной власти (Думы, полиции, суда, прокуратуры, местных властей) оценивается обществом преимущественно отрицательно¹². И это при том, что уровень жизни населения, несомненно, рос на протяжении всех 2000-х. Само устройство государственной системы, социальный порядок в современной России население считает несправедливыми, то есть лишенными важнейшей характеристики — патерналистской заботы власти о населении (под которой понимается главным образом уравнительное распределение, бесплатная медицина, образование, социальное обеспечение, поддержание социальной инфраструктуры, жилищно-коммунальное обслуживание и т. п.). То, что государство сняло с себя значительную часть социальных обязательств, вызывает стойкое недовольство населения, в сознании которого по-прежнему в качестве утраченного и уже недостижимого идеала сохраняется представление о советской распределительной системе. Люди не могут понять, почему при таких доходах от экспорта нефти и газа государство стремится раз за разом переложить на население все большую часть социальных расходов. Общий вывод, который при этом делает коллективный разум, сводится к тривиальной мысли: власть работает на саму себя, те, у кого сегодня в руках инструменты принуждения и управления, заинтересованы исключительно в собственном обогащении и сохранении собственных позиций, удержании (рисунок 3).

На фоне хронического недовольства правительством особый резонанс имели все более частые коррупционные скандалы в высшем эшелоне власти. Палал не только рейтинг высшего руководства — шел процесс делегитимации всей политической системы, ассоциируемой с именем Путина. Однозначно негативно сегодня оценивается сам политический класс России. Подавляя свободную политическую конкуренцию и

Таблица 1

КАКОЕ ИЗ СЛЕДУЮЩИХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ О РУКОВОДСТВЕ СТРАНЫ БЛИЖЕ ВСЕГО К ВАШЕЙ ТОЧКЕ ЗРЕНИЯ?	
Руководство — это особая группа людей, элита, которая живет только своими интересами; до нас им нет дела	26
Люди, которых мы выбираем в органы власти, быстро забывают о наших заботах, не учитывают в своей работе интересы народа	60
Наши органы власти — народные, у них те же интересы, что и у простых людей	8
Затрудняюсь ответить	6

Декабрь 2007, N=1600

конкурентные выборы, путинский режим привел к тому, что политические и правовые институты стали восприниматься обществом как механизмы негативного отбора, специфической селекции циников, карьеристов и людей, свободных от морали, но лояльных власти (см. таблицу 5).

Представление о коррупции и полном разложении государства захватывает все группы населения. Долгое время подозрения в коррупции и злоупотреблениях не затрагивало

высший уровень власти и самого президента, но после массовых демонстраций протеста в крупнейших городах в 2011–2012 годах, докладов, подготовленных оппозиционными политиками и самым живым образом обсуждаемых в социальных сетях и интернете, представление об аморальности власти стали распространяться также и на Путина. Падение доверия к президенту и правительству, которое наблюдалось с августа 2008 года (пика популярности Владимира Путина, когда

Рисунок 3

его деятельность одобряли 87 проц. россиян), продолжалось вплоть до декабря 2013 года (см. рисунок 2).

Если либеральная часть общества ориентирована на Запад, то для основной массы населения фокус идентичности лежит в «прошлом». Для советских людей восприятие себя в качестве подданных империи — самой мощной в военном смысле и колоссальной по масштабу территории («...нас раньше все боялись и уважали») — служила важнейшим средством компенсации бедности, жалкой частной повседневной жизни, пронизанной сознанием зависимости от начальства и хронического состояния униженности, беспомощности, невозможности отстаивать свои права и интересы. Широко распространенная ностальгия по советскому прошлому является языком, на котором артикулируется критическое отношение к настоящему¹³. Идея, что мы подданные великой державы, оказывается гораздо более значимой для поддержания национальной идентичности, чем кажется на первый взгляд. Она играет фундаментальную роль в массовом самовосприятии, даже в форме констатации утраты («... у нас была великая страна»). Величие империи, расширявшейся за счет колониальных завоеваний, является несомненной ценностью в сознании российского населения, вне зависимости от того, каким образом это

«величие» достигнуто — рыночными преобразованиями или реставрацией элементов советского тоталитаризма, возвращением к традициям и ко всему комплексу «патриотической политики». «Крым-то — наш!»

Недовольство действующей властью не меняет самой структуры массового сознания и не ведет к усилению либеральных и демократических убеждений и взглядов, поскольку в его основе — разочарование от того, что не реализуются патерналистские иллюзии, навешанные остатками советской идеологии «заботы партии и правительства о народе». Это недовольство не может быть выражено напрямую в политических акциях или выборах, а потому принимает косвенную форму — критики власти за утрату «национального величия». Сфера публичности, где могли бы идти общественные дискуссии о способах решения социальных проблем, включая деятельность независимых СМИ, сфера политики (в широком смысле), оказываются полностью стерилизованными в результате последовательной репрессивной и охранительной политики режима. Диффузное и не находящее выхода раздражение и напряжение оборачиваются эрозией коллективных представлений, распространением общего аморализма и цинизма, а оборотной стороной этого сознания оказывается проекция враждебности окружающего мира. Доля

Таблица 2

ЧЬИ ИНТЕРЕСЫ, ПРЕЖДЕ ВСЕГО, ПРИНИМАЕТ ВО ВНИМАНИЕ РОССИЙСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО, ОПРЕДЕЛЯЯ СТРУКТУРУ БЮДЖЕТА И ГОСУДАРСТВЕННЫХ РАСХОДОВ?	
Интересы обычных людей, таких как я	6
Интересы богатых и влиятельных групп и кланов	37
Интересы силовых ведомств (армии, ФСБ, полиции)	18
Интересы тех ведомств и организаций, от которых зависит будущее нашего народа, его благополучие и безопасность — медицина, образование, социальное обеспечение, пенсионный фонд и т. п.	11
Интересы ведомств, защищающих статус России как великой державы — космоса, науки, внешней политики и т. п.	7
Затрудняюсь ответить	21

Июль 2012, N=1600

Таблица 3

КАК БЫ ВЫ МОГЛИ ОХАРАКТЕРИЗОВАТЬ НЫНЕШНЮЮ ВЛАСТЬ?	
Действующая в собственных интересах	35
Воровская и мафиозная	27
Слабая и неуверенная в себе	16
Демократическая, правовая	14
Авторитарная и репрессивная	13
Наглая и беззащитная	11
Профессиональная и компетентная	11
Сильная и уверенная в себе	10
Разумная и дальновидная	8
Справедливая, близкая к народу	2
Затрудняюсь ответить	11
Отношение позитивных (демократичная, компетентная, сильная, дальновидная, справедливая) и негативных (эгоистичная, мафиозная, авторитарная, репрессивная, наглая, слабая) суждений	0.4

Апрель 2013, N=1600 (в % от числа опрошенных).

утвердительных ответов на вопрос: «Есть ли враги у нашей страны?», — поднялась с 13 проц. в 1989-м до 78 проц. в 2013-м. В обществе заметно усилились агрессивная ксенофобия и антирежимный национализм, упрекающий действующую власть в пренебрежении или даже предательстве национальных интересов русского большинства¹⁴.

Массовые патерналистские настроения — оправдание собственной социальной пассивности, беспомощности, аполитичности и иждивенчества, зависимости и хронического гражданского унижения — неотделимы от идеологии великой державы с ее центральным символом (Победа в ВОВ), от милитаризма (героического прошлого страны),

оправдания силы и насилия. По существу, это лишь разные стороны или развороты одного и того же комплекса представлений, образующего основу массовой национальной идентичности: значения коллективного целого, единства могут быть выражены и пережиты лишь в формах насилия (по отношению к своим согражданам или к другим). Это — «дедовщина», но только в масштабах всего коллективного целого. Поэтому эрозия конкретных институтов патернализма вызывает сильнейшую фрустрацию коллективного сознания, проявляющегося как чувство национального унижения, стыда, несправедливости, поражения. В ситуации захвата Крыма волны патриотической и великодержавной

Таблица 4

ЧТО, НА ВАШ ВЗГЛЯД, БОЛЕЕ ВАЖНО ДЛЯ ЛЮДЕЙ, КОТОРЫЕ СТОЯТ СЕЙЧАС У ВЛАСТИ: ПРОЦВЕТАНИЕ СТРАНЫ ИЛИ СОХРАНЕНИЕ И УКРЕПЛЕНИЕ СОБСТВЕННОЙ ВЛАСТИ?					
	2006 II	2010 II	2012 I	2013 I	2014 IV
Процветание страны	16	27	28	26	35
Сохранение и укрепление собственной власти	72	60	59	62	52
Затрудняюсь ответить	12	14	14	12	13

В проц. к числу опрошенных, N=1600

пропаганды отодвинули на второй план весь либеральный критицизм и социальное недовольство и переключили агрессию на «бандеровцев»¹⁵.

Фантазмы солидарности – в ситуации распада или разложения государственных структур (поверхностный уровень интеграции) за неимением «общества» как типа социальной организации – указывают на редукцию к системам понижающей адаптации. Подобная адаптация представляет собой преимущественную тактику приспособления к репрессивному государству и административному произволу, массового конформизма и оппортунизма интеллигенции.

Фрустрация, вызываемая действием этих механизмов, чаще скрывается, табуируется и плохо или с трудом осознается. Все-таки речь идет о ломке и подавлении ценностей частной жизни, личного достоинства, морали. Поэтому на поверхности общественного внимания эти проблемы возникают лишь в виде симптомов массовых комплексов, обозначенных утрированной и навязчивой демонстрацией символов державности, имперскости и милитаризма (георгиевские ленточки, надписи на машинах, почти всегда иномарках, «На Берлин!», «Спасибо деду за Победу!» и т. п.) или нацистской маскулинности футбольных фанатов («Быть рус-

Таблица 5

КАКИЕ ИЗ СЛЕДУЮЩИХ ЧЕРТ, ПО ВАШЕМУ МНЕНИЮ, ПРЕЖДЕ ВСЕГО ХАРАКТЕРНЫ ДЛЯ БОЛЬШИНСТВА СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ ПОЛИТИКОВ?	
Стремление к власти, не гнушаясь самыми грязными средствами	44
Корыстолюбие	41
Неуважение к рядовым гражданам	37
Пренебрежение к законам	36
Бесчестность, непорядочность	30
Безнравственность	27
Непрофессионализм	23
Нелюбовь к России	12
Скудоумие	11
Высокий интеллект	9
Высокий профессионализм	9
Высокие волевые качества	8
Безволие	7
Любовь к России	6
Честность, порядочность	4
Желание получить власть только честным демократическим путем	3
Уважение к рядовым гражданам	3
Бескорыстие	2
Строгое соблюдение законов	2
Высокая нравственность	1
Атеизм	1
Вера в Бога	1
Затруднялись ответить	12

Январь 2014, N=1600, ответы ранжированы

ским — гордо!»). Другими словами, значения коллективной идентичности (великая страна, самая большая территория, героическое прошлое, Победа в войне, ракетно-ядерное превосходство и мощь) нерасторжимо связаны с насилием и принуждением (как по отношению к «своим», внутри страны, так и к «чужим» — другим странам-колониям, входившим в состав СССР или «соцлагерь»). Поэтому переживания национального величия и патриотической гордости за страну одновременно сопровождаются наступлением этической глухоты, тупости и подавле-

вого патриотизма. Семантический переход от спокойного состояния к возбужденному обусловлен тем, что более или менее конкретные причины и мотивы социальных и политических противоречий и конфликтов постепенно замещаются мифологическими, приобретают все более архаический вид борьбы «людей» («своих») с хтоническими силами зла или асоциальными чудовищами.

Психологический механизм этого «самозащита» заключается в том, что при подобной редукции массы испытывают колоссальное облегчение от сброса обременяющих мораль-

“Поднятый пропагандой всплеск патриотических сантиментов у населения России одновременно сочетается с открытой и завистливой враждебностью к Западу”.

ния эмпатии и сочувствия по отношению к другим. В качестве «других» могут выступать как собственные сограждане, попавшие под каток репрессивной или военной машины (будь то сталинские репрессии или чеченцы, терроризируемые федералами или кадыровцами, *Pussy Riot* или осужденные по «болотному делу»), так и население других стран, подвергшихся насилию со стороны России, — граждане Чехословакии, прибалты, финны, венгры, поляки, а теперь и украинцы.

Поднятый пропагандой всплеск патриотических сантиментов у населения России одновременно сочетается с открытой и завистливой враждебностью к Западу. Последний в коллективном сознании всегда выступает в амбивалентном виде: как утопия или идеализация всего того, что хотели бы иметь в себе и у себя сами россияне, и как завистливый и рессантиментный образ «другого», негативная проекция самих себя, по схеме — «...зелен виноград». Антизападная агрессия и неприязнь в наши дни быстро приобрела иррациональный и истерический характер по мере повышения градуса массо-

ных и ценностных обязательств, ассоциируемых с Западом. В «нормальных», западных, странах, как полагает абсолютное большинство населения, не просто выше уровень жизни, а сама жизнь и социальный порядок устроены «по-человечески», более справедливо, чем в России, выше социальная защита населения и взаимная солидарность, существует строгая ответственность власти перед обществом и т. п. Чувство освобождения от «морали», от давящих идеальных требований соответствовать более высоким представлениям о человеке, обществе, гуманности, наступающее после патриотических порывов коллективного и национального единства, схоже с истерикой, поскольку при этом разряжаются все травмирующее массовое сознание комплексы собственной неполноценности, ущемленности, отсталости и злобности. Только давая выход своей агрессии против «Запада», «америкосов», «бандеровцев», «фашистов», «киевской хунты» и т. п., массовое сознание достигает переживания высоких чувств родства со своими, братского единения.

Таблица 6

КАК ВЫ ДУМАЕТЕ, ВИНОВЕН ЛИ ВЛАДИМИР ПУТИН В ТЕХ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯХ ВЛАСТЬЮ, В КОТОРЫХ ОБВИНЯЮТ ЕГО ПРОТИВНИКИ?			
	2012 Апрель	2012 Декабрь	2013 Август
Несомненно виновен, об этом говорит множество фактов, приводимых в интернете и в свободных СМИ	16	11	10
Наверное да, как и все высокопоставленные чиновники, но я мало об этом знаю, не слежу за этим	32	37	42
Даже если это и правда, важнее то, что страна при нем стала жить лучше	25	14	18
Чтобы ни говорили, я не верю в то, что Путин когда-либо злоупотреблял властью	11	15	13
Затруднились ответить	16	23	17

N=1600

Медленный некроз советской коллективной идентичности не мог быть компенсирован выработкой новых ценностных, политических, моральных представлений, поскольку, начиная с конца 1990-х годов (с установления путинского авторитаризма), шло непрерывное давление власти на те потенциально элитные группы, от которых зависит выработка новых, несветских идей, образцов, символов. Таким образом, приходится заключать, что именно институты принуждения и репрессий (а не представительские, правовые, рыночные, культурные) по-прежнему являются системообразующими и символическими структурами режима того типа, каким является российский

«путинизм». В более общем виде управление через произвольное и не контролируемое обществом принуждение принимает формы все более интенсивной регламентирующей бюрократической деятельности, результат которой – паралич процессов и механизмов самоорганизации общества, подавление его разнообразия, сокращения пространства возможностей, предприимчивости, активности для индивидов и, соответственно, упрощения, обеднения социальной структуры.

Такой тип ретроориентированной политики позволял эксплуатировать массовые фобии, комплексы национальной неполноценности, обострившиеся из-за травмы распада прежнего государства, обеспечивая

Таблица 7

КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, ЕСТЬ ВРАГИ У НАШЕГО НАРОДА, НАШЕЙ СТРАНЫ?				
	1989 декабрь *	1994 март	2011 январь	2014 март
Наша страна окружена врагами со всех сторон	4	7	18	26
Самые опасные враги — скрытые, внутренние	23	16	28	20
У народа, ставшего на путь возрождения, всегда найдутся враги	17	12	21	30
Зачем искать врагов, когда корень зла — в собственных ошибках	48	45	19	17
Затруднились ответить	14	20	14	7
Число опрошенных	1500	4000	1600	1600

* в 1989 году в ходе опроса использовалась методика самозаполнения респондентом анкеты (в дальнейшем Центр перешел на интервью), респонденты в некоторых случаях указывали более одного варианта ответа (поэтому сумма всех ответов здесь — 106 проц.)

Таблица 8

КАКИЕ ЧУВСТВА ВЫЗЫВАЕТ У ВАС РЕШЕНИЕ РУКОВОДСТВА РОССИИ О ПРИСОЕДИНЕНИИ КРЫМА К РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ?		
	март	апрель
Чувство торжества справедливости	31	30
Гордость за страну	34	38
Радость	19	23
Одобрение	47	46
Неодобрение	3	3
Протест, возмущение	0,5	0,3
Стыд, отчаянье	0,2	0,3
Тревогу, страх	3	3
Никаких особых чувств	7	11
Затрудняюсь ответить	1	2

2014 год, N=1600, в проц. к числу опрошенных

достаточную легитимацию «путинизма». Этого символического ресурса вполне хватало до тех пор, пока не случился финансовый кризис 2008–2009 годов, подорвавший веру населения в способность властей обеспечивать повышение жизненного уровня. Вера восстановилась после «правильных действий» в Украине, возвращения России к ее традиционной роли «великой державы».

Дискредитация оппонентов Кремля обеспечивает не только разрыв с новыми символическими планами, которые утверждает оппозиция, пытаясь вписать Россию в мировое сообщество с его нормами и ценностями. Более существенно для кремлевских идеологов и политтехнологов то, что дискредитация

оппонентов обеспечивает сохранение массового убеждения во всеобщем аморализме политиков, включая новых претендентов на власть, навязывания населению представлений о безальтернативности правящей элиты, что и является сегодня основным идеологическим ресурсом авторитарного режима¹⁶. Отчуждение массы от политики сохраняет патерналистские иллюзии (и то, и другое образуют единый комплекс массовых представлений), а невозможность вообразить другое будущее, кроме повторения настоящего, служит дополнительным оправданием существующего порядка («нормативность фактического»).

В этом плане внутренний и как будто частный конфликт руководства страны и НКО

Таблица 9

КАК ВАМ КАЖЕТСЯ, ЛИЧНО ВЫ, ВАША СЕМЬЯ ВЫИГРАЛИ ИЛИ ПРОИГРАЛИ ОТ ПЕРЕМЕН, КОТОРЫЕ ПРОИСХОДЯТ В СТРАНЕ В ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ?										
	1999 декабрь	2000 ноябрь	2005 декабрь	2006 декабрь	2007 декабрь	2008 апрель	2009 декабрь	2010 октябрь	2011 сентябрь	
Выиграли	10	20	22	22	29	36	23	19	29	
Проиграли	74	70	57	57	41	37	50	51	50	
Затрудняюсь ответить	16	10	21	21	30	27	27	30	21	

N=1600

(а также серия новых репрессивных законов: «Димы Яковлева», об «иностранных агентах», о «государственной измене», теперь о запрете на призывы к сепаратизму и недопустимости «реабилитации нацизма» и проч.) приобретает принципиальный и симптоматичный характер, ставя под вопрос статус России как «цивилизованной страны», то есть угрожая ей клеймом «государства-изгоя». Принятые законы (и тем более практика их применения) нарушают основополагающие принципы послевоенного мира, строящегося на

в ряде выступлений и статей председателя Конституционного суда Валерия Зорькина, акцентировавшего суверенитет российского законодательства над международным правом и подписанными Россией европейскими конвенциями. Утверждение приоритетности отечественного законодательства над международным в этом случае эквивалентно провозглашению диктатуры.

Рост социального недовольства в 2011–2013-х обернулся не «революцией» и сменой режима, а редукцией общества к пред-

“Невозможность вообразить другое будущее, кроме повторения настоящего, служит дополнительным оправданием существующего порядка”.

базе учета опыта тоталитарных режимов и совершенных ими преступлений против человечества: в основе базовых международных конвенций лежит постулат о приоритетности прав человека как гарантий против преступления государства, номинально обладающего правом легитимного применения силы. Память о последствиях неправовых законов (например, нацистских расовых законов 1935 года или фашистских 1938 года), принятых тоталитарными режимами с формальной юридической точки зрения вполне корректно, заставила европейские страны признать ограниченность национальных суверенитетов по отношению к международному праву.

Для путинского режима такое ограничение суверенитета оказывается сущностно неприемлемым. Уже за год-полтора до украинских событий российские власти объявили о готовности перейти границу правовых норм и принципов, объединяющих развитые страны в сообщество «цивилизованных государств», добровольно принимающих на себя правовые обязательства. Об этом многократно заявляли депутаты Госдумы, но наиболее ярко эти тезисы были сформулированы

существующим идеологическим стадиям и возвращением к более простым структурам отношений власти и общества. Этот вывод и положен в основу настоящего сценарного прогноза.

В авторитарных социально-политических системах накопление социального напряжения не ведет к увеличению потенциала развития (усиления структурно-функциональной дифференциации), накоплению человеческого капитала, мотивации и выраженного стремления общества к изменению политической системы (то есть к повышению собственной активности, участию в деятельности оппозиционных партий или организаций гражданского общества). Социальное напряжение имеет совершенно иные последствия: оно приводит к упрощению идеологической картины реальности и нейтрализации или смещению социального недовольства в другие сферы (например, агрессии против «либерастов», Запада, всех чужих и «не-своих» или ставших таковыми), переводу его в другие формы легитимации власти.

Антимайдановская пропаганда (экстраординарная по своей интенсивности и характеру) привела общество в сверхвозбужденное состояние. Актуализированы все ранее спящие или латентные национальные комплексы и мифы, образующие структуру коллективной идентичности, то есть массового российского сознания. Сочетание воображаемых и реальных угроз и «достижений» (восстановление статуса «великой державы», возвращение России к традиционной имперской роли) вывело общество из состояния равновесия, рутинного существования, переключив восприятие происходящего в чисто символический план. Это крайне важное обстоятельство для понимания: не просто традиционалистская риторика или элементы консервативной идеологии, а именно выведение восприятия событий в символическую плоскость значений коллективного целого, национального единства, противостояния свои/чужие. Только такое переключение (включение других институтов) дает стимулы для массового мобилизации и перевода общества в особое состояние консолидации и «готовности к войне». Механизмы массовой негативной мобилизации (почти исключительно через систему телевизионной пропаганды) актуализируют старые конспирологические представления о происках внешних и враждебных сил (в данном случае «отторжение Западом Украины от России»). Планы интеграции Украины с ЕС разрушают весь путинский проект реконструкции России как «великой державы» — создания на постсоветском пространстве блока постсоветских государств под российской эгидой. Неважно, как он будет называться — СНГ или «Евразийский союз», «Таможенный союз» и т. п., важно, что это будет объединение авторитарных режимов, возникших после распада тоталитарного СССР. Отвлекаясь от символического или скорее психоаналитического планов подобных мечтаний советских чекистов и

функционеров, ставших диктаторами, отметим лишь функциональный смысл такого проекта. Подобный союз предназначен для того, чтобы блокировать разлагающее эти режимы влияние идей и институциональных практик западноевропейской демократии (либерализма, правового государства, конституирующего значения прав человека), то есть играть роль, с одной стороны, санитарного кордона вокруг России, а с другой — ресурсной базы для единой автаркической системы экономики, подчиненной общим целям удержания политического господства (отсюда вся официозная демагогия вокруг сюжетов: «Россия — особая цивилизация», «Особый путь развития России» и прочее). Главная задача — противостояние Западу, что имплицитно предполагает отказ от признания культурного, морального превосходства развитых западных стран (продуктом которого и является высокоразвитая экономика), соответственно, отказ от идей модернизации (= вестернизации), настаивание на «многополярности мира» (изоляциялизм) и требования признать приоритет национального права, ограниченную значимость международных конвенций (и соответственно, условность международного права).

По сути дела, мы имеем «аборт» национального развития (очередную фазу abortивной модернизации). Возвращение к консервативной, охранительной диктатуре, успех которой определяется ее возможностями стерилизовать растущее социальное, культурное, экономическое многообразие общества, его коммуникативной структуры, а тем самым — ограничение или понижение человеческого потенциала. Такой поворот не случаен, он вытекает из логики эволюции авторитарного режима, сталкивающегося с последствиями своего правления и порожденных ими проблем (падением поддержки, ростом социального напряжения и недовольства из-за сокращения социальных расходов, массовы-

ми протестами в мегаполисах). Ослабление легитимности, как показывает опыт других авторитарных режимов, во многих случаях ведет не к реформам и демократизации, а к диктатуре, по меньшей мере, — к попыткам ее установления. Именно такую траекторию движения мы видим у путинизма после осенней «рокировки» 2011 года. Кремлевская политика провокаций беспорядков и раскола Украины закрепляют эти тенденции, но уже в виде тупикового национального нарциссизма. Концентрация негативных трендов эволюции России — скатывание к черносотенной идеологии, православному мракобесию, антизападничеству и антилиберализму ведет к отторжению от мировых процессов и гарантирует следующему поколению состояние рессантиментной самоизоляции.

Основной сценарий должен исходить из посылки, что «Путин надолго». Не только до 2018-го, но и до 2024 года. Хотя поднятая патриотическая волна через полгода спадет, обеспеченная ею массовая поддержка Путина позволит режиму надолго законсервировать настоящую ситуацию, используя весь репрессивный аппарат органов госбезопасности, суда, прокуратуры, а также и институты массовой социализации и обработки общественного мнения — СМИ, систему образования и культуры, церковь. Наиболее вероятные последствия этой политики — усиление геронтократии, сокращение вертикальной

мобильности, негативная селекция кадров управления, а также архаизация массового сознания. Приоритет политики над экономикой, подчинение ее целям сохранения режима и финансово-полицейского контроля над экономикой в руках правящих кланов рано или поздно вызовет если не острый кризис, то, во всяком случае, автаркию экономики, характерную для мобилизационных режимов, слабость, а затем — и паралич общероссийского рынка; в отдаленной перспективе — полный крах национального хозяйства. Либерально настроенные группы будут вытеснены в эмиграцию (за рубеж или внутреннюю) и лишены средств какого-либо воздействия на моральное состояние общества; они обречены на состояние интеллектуальной протрации или эпигонство западных идей и культурных образцов (но с принципиальным запаздыванием и бесплодием). Конец (отдаленный, через десять лет) — национальная катастрофа и деградация. Но также нет сомнения в том, что концентрация цинизма и некомпетентности в ключевых точках политики и государственного управления вызовет через поколение — у детей нынешней молодежи — радикальный протест и неприятие оппортунизма ныне живущих, который может привести к некоторым изменениям системы, но только в том случае, если выводы из сегодняшней ситуации будут сделаны уже сегодня. ■

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ Цинический расчет на то, что западные страны ограничатся лишь возмущенными декларациями, которые можно не воспринимать всерьез, на то, что наглость и решительность в геополитических играх эквивалентны силе, — характерный стиль мышления тоталитарных и авторитарных диктатур. Каждая уступка им со стороны международного сообщества лишь подтверждает подобные установки. Исключение СССР

из Лиги наций в декабре 1939 года после нападения на Финляндию и радикальное ухудшение имиджа России после войны с Грузией не останавливали ни Сталина, ни Путина от дальнейших шагов в реализации своей политической стратегии.

² Противодействие демократизации в соседних странах, бывших частью СССР, и их освобождению от советского наследия — часть стратегической программы Путина, которую он проводит со вре-

мени «цветных революций» в Грузии и Украине и вступления стран Балтии в ЕС и НАТО. — см.: *Общественное мнение 2013: Ежегодник Левада-Центра*, М., 2013. С. 219, табл. 21.8; с. 207, график 20.2 и с. 213, график 20.3.

³ Для понимания эффективности пропаганды следует принимать во внимание практически полное — добровольное — отключение абсолютного большинства населения от альтернативных источников информации и интерпретации украинских событий. Для 94 проц. опрошенных главным каналом сведений об этих событиях является российское ТВ, интернет выступает в качестве значимого (но не альтернативного) канала для 16 проц. опрошенных, социальные сети — для 9 процентов. См. Пресс-выпуск Левада-Центра от 12 мая 2014 (<http://www.levada.ru/12-05-2014/rossiyane-ob-ovshchenii-ukrainskikh-sobyti-i-sanktsiyakh>).

⁴ Показатели протестных настроений, готовности к участию в митингах или демонстрациях с политическими лозунгами и протестами сегодня находятся на самом низком уровне за все время измерений.

⁵ Это обстоятельство указывает на то, что отсутствуют механизмы, позволяющие поставить политические цели развития; отсутствует собственно даже такая задача, если не считать таковой перевооружение армии или отстаивание геополитических интересов, возвращение на международную арену в роли супердержавы.

⁶ Нельзя сказать, что предупреждения о возможности тоталитарного рецидива или негативных сценариях будущего не появлялись раньше. Суждения в духе «и вам в России предстоит столкнуться с явлениями “лукашенизации режима”» не раз высказывались белорусскими социологами и политологами (после разгона оппозиционных демонстраций на последних президентских «выборах»), ныне живущими в Литве, Польше, России, Европе, но уже не в Белоруссии. Но они, как правило, воспринимались как явное преувеличение со стороны тех, кто пострадал от собственного диктатора.

⁷ Достаточно сравнить объемы аудиторий негосударственных газет и радиостанций (независимые ТВ практически исчезли зимой этого года) с аудиториями ведущих федеральных каналов ТВ, чтобы понять несоизмеримость влияния на население тех и других: Первый, Второй каналы и НТВ охватывают от 90 до 70 проц. (в последнем случае) насе-

ления (то есть от 90 до 110 млн зрителей); у «Новой газеты», «Ведомостей», «Эха Москвы» — совокупная еженедельная аудитория (включая посетителей сайта) составляет 6–7 млн максимум, преимущественно это Москва и крупнейшие города.

⁸ Имеет смысл также учитывать смену собственников в ведущих медиахолдингах, включая и интернет-издания, олигархами из ближайшего окружения Путина — процесс, который продолжается и до настоящего времени, а также — отключение под разными предлогами влиятельных независимых каналов и сайтов.

⁹ Именно в ходе второй чеченской войны и была впервые в постсоветское время установлена цензура на ТВ.

¹⁰ По оценке агентства Блумберг, в России на господприятия приходится более 50 процентов ВВП — в 1999-м их доля составляла 30 процентов (<http://www.bloomberg.com/news/2014-01-29/putin-uses-oil-giant-rosneft-to-tighten-grip-on-economy.html>); отношение доли госрасходов в ВВП России к доле госсектора в общей занятости увеличилось с 0.69 (1999) до 1.32 (2009) и 1.29 (2012) — рассчитано по: *Российский статистический ежегодник. Статистический сборник. 2013. М.: Росстат, 2013: Табл. 1.1 и 12.2.*

¹¹ До Горбачёва, поскольку последний ассоциируется с программой реформирования страны, выхода из изоляции, сближения с Западом.

¹² *Общественное мнение — 2013*. С. 85 и далее, графики 8.1.1–8.1.2, табл. 8.1.1.

¹³ В своей мягкой форме патернализм (государственническая идеология) сохраняется даже в среде городского класса мегаполисов, который формируется под влиянием рыночных реформ и предшествующих институциональных изменений. Под моральным протестом оппозиции, неприятием авторитаризма, зажима прессы и т. п. скрывается смесь из социал-демократических установок, либеральных идей, имперского наследия, которая накладывается на слой советских государственно-традиционалистских предстателей о России как Великой державе и о ее героическом прошлом. Гордость за великую Россию здесь сочетается со стыдом за жалкое положение, в котором находится сегодня страна.

¹⁴ Как показывают социологические исследования Левада-Центра, к осени 2013-го показатели ксенофобии и этнонациональной неприязни достигли максимума за все время наблюдений. В октябре

2013-го 62 проц. опрошенных заявили, что в России в настоящее время возможны кровопролитные столкновения на национальной почве (в ноябре 2009-го такие ответы давали лишь 23 проц.), 43 проц. респондентов подтвердили, что там, где они живут, усиливается межнациональная напряженность. Причем рост этой ксенофобии вызван не какими-то внешними причинами, например, резким увеличением конфликтов с приезжими, а внутренним состоянием населения. 63 проц. россиян поддерживают лозунг «Россия для русских», 71 проц. — «хватит кормить Кавказ». Примечательно, что более выраженные ксенофобские реакции обнаруживают те группы, которые еще несколько лет назад отличались низким уровнем агрессии — высокообразованные респонденты, жители Москвы и мегаполисов, чиновники, специалисты и т. п.

¹⁵ Соотношение позитивных и негативных реакций на присоединение Крыма составляет 18:1 в марте, 20:1 в апреле. Готовность признать законным и оправдать присоединение Крыма настолько велико, что всякие иные версии происходящего априорно отвергаются, информация отечественных СМИ абсолютным большинством принимается в качестве «правильной» и «объективной» (при том, что «разбираются в происходящем» на Украине, по их собственному признанию, меньшая часть опрошенных — 43 проц. в марте, 35 проц. в апреле; «не разбираются», соответственно, 55 и 62 процентов. Зарубежные СМИ — страстны и необъективны (так считают 66 проц. опрошенных россиян), хотя с представляемой ими информации практически никто не знаком. Характерно, что на патриотическую пропаганду

и политику Путина в Украине с большей эйфорией, раньше других и быстрее всего откликнулась «индустриальная Россия» (в категориях Натальи Зубаревич, «Россия 1»), а поддержка ее была сильнее в крайних социальных группах — в среде самых обеспеченных (аффилированных с властью или коррумпированных ею) и самых бедных и обделенных, испытывающих сильнейший социальный рессантимент по отношению к обеспеченным и успешным представителям среднего класса. Именно в этих слоях особенно сильна потребность в подтверждении легитимности власти и — обратным светом — в утверждении своего национального статуса. При разных обоснованиях потребность в компенсаторном патриотизме у этих двух групп ощущается наиболее остро.

¹⁶ См. пресс-выпуск Левада-Центра: <http://www.levada.ru/15-10-2013/putin-v-obshchestvennom-nenii-do-i-posle-politicheskoi-rokirovki> от 15 октября 2013 года, табл. 4 «Мотивы голосования за Путина». Главные причины того, почему люди голосуют за нынешнего президента, сводятся к патерналистским иллюзиям и искусственной безальтернативности («люди надеются, что Путин в дальнейшем сможет справиться с проблемами страны» — доля подобных ответов практически не менялась на протяжении десятилетия — в среднем составляя 38 проц. на протяжении 2001–2013 годов; «люди не видят, за кого еще можно было бы проголосовать» — 36 проц. в среднем за тот же период). Вариант: «люди убедились, что Путин успешно и достойно справляется с решением проблем страны» набирал 14–15 проц., за исключением 2007 года (тогда он составил 33 процента).

Неполитический активизм в России¹

Вопреки представлению о полном подавлении общественной инициативы, в России бурлит общественная жизнь. Ее центром становятся неформальные группы активистов и всевозможные неформальные сети | **КСЕНИЯ ДЕМАКОВА, СВЕТЛАНА МАКОВЕЦКАЯ, ЕЛЕНА СКРЯКОВА**

Самоорганизованные, самостоятельные группы граждан выходят в публичное пространство, в первую очередь, оттого, что этого требуют «залежи» острейших, прежде всего местных, проблем. Кроме того, людьми движет потребность в самореализации, стремление собственными усилиями улучшить качество своей жизни и добиться перемен в жизни важного для них сообщества.

Среди многообразных общественных занятий выделяется неполитическая активистская деятельность, направленная на решение конкретных проблем. Сами активисты называют себя «общественниками», «волонтерами», «добровольцами», «членами инициативной группы» и т. д.; самоназвание «активист» встречается гораздо реже. «Активистские методы не радикальные, это просто форма, которая направлена в открытый социум. Активизм делает какую-то проблему публичной и предполагает вовлечение какого-то значимого количества людей» (Алексей Козлов, Воронеж).

В нашем исследовании мы выделили следующие характеристики активизма: гражданский поступок (конкретное, активное, осознанное *действие*, которое является знаком выхода в «субъектное состояние»), групповая самоорганизация, публичность, способность к ситуативной мобилизации при наличии острого повода, а также нацеленность на решение конкретной проблемы.

В качестве активистских в рамках данного исследования были рассмотрены следующие общественные практики:

- защита «общественных территорий» (борьба с уплотнительной застройкой, с перепрофилированием рекреационных зон и пр.)²;
- краеведческие группы и градозащита³;
- защита интересов социальных групп со специфическими нуждами: женщины в кризисной ситуации, люди с цифровыми фобиями, дети, инвалиды, ЛГБТ, ВИЧ-инфицированные, члены нетрадиционных конфессий и пр.⁴;
- социальная и гуманитарная нефинансовая помощь уязвимым группам (адресная помощь сиротам, больным, старикам, бездомным, пациентам детских стационаров, работа по социализации меньшинств, маргинальных групп и т. д.)⁵;
- сбор средств на помощь больным, детям-сиротам, детям с серьезными заболеваниями и пр.⁶;
- сопротивление «реструктуризации и оптимизации» бюджетных учреждений (школ, больниц, интернатов и пр.) и борьба за этические профессиональные стандарты⁷;
- общественная активность перед лицом стихийных бедствий (пожары, наводнения и пр.)⁸;

- поиск пропавших детей ⁹;
- «зеленые движения» (группы, продвигающие экологичный образ жизни) и защита животных (бездомные, дикие, исчезающие виды и пр.) ¹⁰;
- создание инфраструктурных интернет-платформ ¹¹;
- движения автомобилистов (борьба с «мигалками», с шумом, с плохими дорогами и пр.) ¹²;
- движения активных родителей, отстаивающих интересы семьи и детей ¹³;
- борьба с невыполнением государством ранее взятых на себя социальных обязательств и за предоставление качественных услуг и государственных сервисов ¹⁴;
- движения за соблюдение конституционных норм (в том числе движение наблюдателей на выборах) ¹⁵;
- досуговые и субкультурные практики, содержащие элементы освоения и настройки городской среды в интересах своих групп ¹⁶;
- неполитическая деятельность идеологизированных объединений (движения, сети, группы, клубы и др.) ¹⁷.

Деятельность активистов имеет ряд особенностей, которые нередко затрудняют выявление новых гражданских акторов:

1. Активисты необязательно ставят перед собой четкие цели и не всегда действуют по заранее составленному плану; они совсем не всегда прибегают к научному, юридическому, гражданско-политическому, лоббистскому набору аргументов для легитимации деятельности в глазах власти, общественного мнения, СМИ и др.) Активисты не обязательно стремятся к публичности — к признанию, привлечению внимания и др.; их работа может иметь форму индивидуального гражданского подвижничества, а не коллективного усилия) и т. п.
2. В некоторых случаях группы используют настолько «технологизированную»

или специализированную «модную» активность (с большим количеством информационно-коммуникационных технологий или профессиональных художественных действий), что ее трудно отличить от просто профессионального творчества или досуговой деятельности.

3. Новые акторы не используют «ключевые слова» из традиционного словаря гражданских активистов; вместо этого они предлагают неконвенциональный для сложившейся среды общественников язык, публичный жест, инструментарий, способ самоидентификации и самопрезентации.

4. Новые активисты действуют на новых или очень ограниченных участках социального пространства; возникающие там конфликты могут быть непонятны или невидны большинству «толкователей». Причиной конфликта — и поводом для протеста — может быть «жизнь и работа, в которой нет игры», «город, все менее пригодный для жизни», «интервенции, ломающие публичный характер мест общего пользования и публичных пространств» или «жизнь вне истории».

5. Контакты и обмен информацией могут происходить вне массовых коммуникаций: через блогерские сообщества и форумы, «малую прессу», листовки и издания различных микросообществ, только через очные встречи и т. д.

Активистские инициативы — это не сложившийся, статичный объект, а потому их нужно рассматривать с учетом динамики их развития; в ряде случаев такие инициативы носят проектный, незавершенный, открытый характер. Наши наблюдения свидетельствуют о том, что активистская деятельность происходит через определенные этапы, своего рода «жизненный цикл». Каждый этап характеризуется достижением специфических результатов и требует определенных ресурсов (материальных, человеческих, экспертных,

коммуникационных, то есть доступа в публичную сферу и т. п.), дефицит которых может оказаться фатальным¹⁸. Наибольшего успеха и известности, как правило, добиваются те инициативы, которые прошли несколько этапов жизненного цикла и сумели расширить спектр своей деятельности и линейку создаваемых общественно полезных «продуктов и сервисов».

Примеры инициатив, прошедших несколько этапов жизненного цикла

Градозащитное движение «Архнадзор» (город Москва) — добровольное некоммерческое объединение граждан, желающих способствовать сохранению исторических памятников, ландшафтов и видов Москвы. Образовано в начале 2009 года как коалиция ранее существовавших московских градозащитных проектов. Участники движения работают безвозмездно. Архнадзор успешно добивается сохранения конкретных объектов. Кроме того, благодаря его деятельности тема сохранения архитектурного наследия приобрела значительную популярность. Успех и эффективность Архнадзора связаны с объединением ресурсов и способностью работать сразу по нескольким направлениям, а также с профессионально выстроенной медиаполитикой.

Затяя «Дедморозим» (город Пермь) — инициатива обычных пермяков, которые не имели отношения ни к НКО, ни к политическим структурам. Неформальным лидером и лицом проекта стал Дмитрий Жебелев, молодой журналист, активист движения пермских автомобилистов. Изначально затея «Дедморозим» заключалась в исполнении Новогодних желаний детей, живущих в детских домах. Затем добавился еще один вид деятельности — сбор средств на лечение тяжелобольных детей из Перми. Далее развернулись дополнительно конкретные действия, помогающие детям в детских домах ориентироваться в «открытом мире»,

потом — помощь одиноким старикам в интернатах и так далее. Затея «Дедморозим» считается успешной потому, что инициаторам удалось создать «активистский сервис для обывателей», то есть инфраструктуру для тех, кто хотел бы принять участие в гражданской деятельности, но не может потратить на это много времени. Важным фактором успеха стало участие большого количества людей и горизонтальная система организации акций и мероприятий: основную часть организационной работы выполняет группа координаторов (около 50 человек).

Виды деятельности

В публичной общественной активности одновременно действуют несколько поколений активистов, представляющих разнообразие тематических предпочтений, стилей деятельности и масштабов работы. Активистские инициативы можно разделить на «мейнстримные» и «субкультурные», «модернизационные» и «традиционалистские», «сельские» и функционирующие в промышленных или столичных городах. Также существует территориальная и «отраслевая» специфика. Есть виды деятельности, такие как благотворительный сбор средств на помощь детям и больным, защита животных, охрана или возрождение рекреационных зон и пр., которые типичны для многих регионов России, где ими занимаются значительные группы активистов. Встречаются и уникальные практики, которые выбирают для себя подвижники-одиночки или микрогруппы. Например, в Перми молодой человек несколько лет в одиночку добивался создания в городе «окон жизни» — специальных мест, куда могли бы анонимно прийти и оставить новорожденного ребенка матери, попавшие в безвыходную ситуацию.

Активисты в столичном городе и активисты в селе по-разному реализуют свой общественный потенциал.

Городской активист, как правило, противопоставляет себя административной бюрократии (в ряде случаев находится в оппозиции) и ментально независим, даже если он занимается вполне «вегетарианской» тематикой. В столичных и крупных промышленных городах бурно развиваются современные формы и темы активизма, в которых значительную роль играют интернет и гражданское творчество (например, городской партизанинг: изменение пространств города без специальной санкции — ремонт, улучшение или украшение

нывших условиях. Но в одном согласны и участники, и наблюдатели, и благополучатели активности: важнейший результат гражданской инициативы — ее влияние на самого активиста. Подобная деятельность трансформирует, расширяет горизонты самоидентификации, вводит в новый круг общения, информационное поле, обогащает участника новым опытом самореализации и т. д.

В описанных практиках присутствуют два типа активизма: устойчивый и продуктивный (когда деятельность обдуманна, происходит

“Наибольшего успеха добиваются те инициативы, которые прошли несколько этапов жизненного цикла и сумели расширить спектр своей деятельности”.

проблемных зон). В целом формы активистской деятельности в современном российском городе созвучны общеевропейским.

Гражданский активист в селе или малом городе — иной. Он может быть одновременно и активистом, и, например, сотрудником местной администрации или депутатом сельского поселения. Молодые активисты нередко являются членами молодежных парламентов. Такое пересечение на уровне конкретных судеб связано с тем, что круг активных людей и просто «необывателей» в сельской местности чрезвычайно узок. Сельский активизм и активизм малых городов чаще всего концентрируются вокруг местных клубов, библиотек, музеев, школ, а сами активисты так или иначе связаны с деятельностью этих учреждений. В малых городах и селах преобладают традиционные темы общественных инициатив, такие как уход за памятными местами или природными объектами, социальная помощь детям и старикам, работа с подростками «группы риска», краеведение.

Рассказывая о достигнутых результатах, кто-то из активистов говорит о проблемах, которые удалось решить, а кто-то о поме-

регулярно, результативно воспроизводится и пр.) и ситуативный (протестный или благотворительный активистский поступок). В составе участников инициативных групп оказываются не только сами инициаторы, но и пассивные исполнители и даже развивающаяся группа «квазипотребителей» — людей, готовых присоединиться к уже существующей инициативе «на пару часов», когда есть свободное время или средства. Например, можно прийти на конкретное мероприятие в качестве участника или купить подарок к новому году ребенку из детского дома.

Среди инициаторов активности выделяется категория людей, которые практически постоянно находятся в мобилизованном состоянии. Способность к мобилизации, с одной стороны, позволяет им лидировать и добиваться успеха, а с другой — держит их в состоянии стресса. Как правило, таких людей отличает широкий кругозор, практические навыки и специальные (иногда теоретические) знания, позволяющие ориентироваться в смежных областях, важных для реализации инициативы. Они собраны, креативны, открыты к изменениям, про-

являют готовность рисковать, адаптивность и гибкость — и часто оказываются в лидирующей группе более широких общественных коалиций «за модернизацию» или «против модернизации».

Последняя имеет важное значение: рассмотрение большой массы «низовых общественных инициатив» показывает, что большинство активистов, независимо от типа деятельности, стремятся к сохранению консервативного статус-кво и выступают против изменений и нововведений. Примером могут служить многообразные активистские практики противодействия «несправедливым» реформам, реструктуризации бюджетной сферы и т. п. Однако, начиная с лета 2010 года, наблюдалось нарастание активистского творчества в новых тематических областях и в новых формах, предполагающих инициативную деятельность, направленную на обновление: социальное, экономическое, коммунальное, эстетическое и т. п. Эти инициативы делают акцент на том, что объектом гражданской модернизации является не только государство, административные органы, бюрократия, но и — прежде всего! — само общество (его институты, привычки, стереотипы общественного мнения, обычаи и т. д.) и, в первую очередь, группы потенциально активной общественности.

Новые явления в сфере активизма

Прежде всего следует остановиться на самостоятельной роли интернет-активизма и заметном присутствии интернет-коммуникаций в традиционных общественных практиках.

Интернет сделал более сложными социальные пространства всех уровней, предоставил большую свободу и гибкость для гражданских неполитических активистов, обеспечил доступ к новым аудиториям, специалистам, стал эффективным каналом получения и распространения информации. Для части молодых активистов вне столиц и

больших городов снизились географические и структурные ограничения человеческого общения и прямого гражданского участия, коллективного действия, расширились горизонты культуры гражданственности. В центре активистской деятельности оказались феномены «электронной демократии», «открытого государства», «виртуальной общины», «on-line политики», краудсорсинга предложений и сервисов для последующих обсуждений, фандрайзинга и взаимопомощи в новых, возросших масштабах. Одновременно появились инициативные группы и активисты, которые заговорили не о выгодах, а об издержках информационной революции и о том, что она представляет угрозу для общественной безопасности, социально-экономической стабильности, культурной идентичности и национально-государственного суверенитета (например, группы православных активистов развернули кампанию против внедрения универсальной электронной карты)¹⁹.

Интернет изменил самих активистов и среду общественных инициатив. Часть активистов уже не просто присутствуют в сети, но заботятся о создании своего виртуального имиджа; их деятельность становится прозрачнее и оперативнее. Огромное количество активистских инициатив стало интенсивно использовать социальные сети и форумы для координации деятельности. Гражданские активисты прибегают к интернету для распространения информации и для поиска сведений и документов; как механизм рекрутинга, привлечения новых активистов, как инструмент коммуникации с целевой аудиторией, а также как пространство координации деятельности и межгруппового общения. В какой мере используются возможности интернета, напрямую зависит от величины территориального образования, содержания активистской деятельности. Кроме того, существует и поколенческая специфика.

Интернет до сих пор слабо распространен в селах и малых городах; для местных активистов в возрасте старше 45 лет он не стал ежедневно используемым ресурсом. Кроме того, некоторые типы гражданской активности (например, создание среды через очные клубные встречи) осуществляются через традиционные каналы коммуникации и взаимодействия и легко обходятся без интернета.

В городах же факт присутствия в интернете во многом уже стало элементом имиджа, благодаря чему люди больше узнают об акти-

мационные проекты, направленные на социализацию и формирование положительного мнения о необычных, странных людях, в том числе разного рода активистах. Примером может служить пермский видеопроект «Люди наизнанку». В течение трех минут люди рассказывают на видеокамеру про то, от чего они «горят», о своих главных увлечениях и событиях, которые их изменили. Затем отснятые материалы выкладывают в Youtube и социальную сеть «ВКонтакте». Смысл проекта: борьба со стереотипами, заражение

“Огромное количество активистских инициатив стало интенсивно использовать социальные сети и форумы для координации деятельности”.

вистах. «Социальные сети сегодня стали важнее, чем сайты. Они являются инструментом для работы с информацией, но еще имеют и имиджевое значение. Люди видят, что мы делаем, как мы себя ведем, как мы пишем, какое у нас чувство юмора, какой вкус. Это очень важно» (*Мария Середя*, Москва).

Наконец, появились виды гражданской деятельности, полностью реализуемые в интернете (например, диспетчерские платформы для обращения в органы власти, карты помощи, сбор средств и т. д.). Интернет создал среду для разнообразных активистских сообществ и проектов, существующих только в виртуальном виде. Они используются, когда другой вид самореализации невозможен (высокие потребности в анонимности, низкая способность к коммуникации «вживую», невозможность найти партнеров «поблизости» и т. д.). Благодаря интернету появились виды активности, которые ранее были бы просто невозможны (например, мониторинг выборов по *web*-камерам).

Возможности интернет-среды позволяют организовывать просветительские и инфор-

вдохновением зрителей через рефлексию людей, рассказывающих о себе. Таким образом, интернет играет роль «площадки», где можно выставить на обсуждение что угодно.

Выделим следующие типы активистских интернет-площадок:

- Сервисы «жалоб» представляют собой виртуальные общественные приемные, которые экономят время потребителей на написание обращений, мотивируют обращаться в органы власти, предлагают современные и простые способы обращения (игровая форма — «сфотографируй нарушение и пришли») ²⁰.
- Сервисы, организованные для сбора средств, создают инфраструктуру для тех, кто хотел бы принять участие в гражданской деятельности, но не может потратить много времени. Их главные достоинства: удобство для потенциальных жертвователей, наглядность результата (фото и видеоотчеты, возможность вступить в переписку с получателями благотворительной помощи посредством социальных сетей и т. д.), обеспечение анонимности. Подобные сетевые проекты — так называ-

емый краудфандинг, развиваются очень активно. Финансирование по схеме краудфандинга применяется для помощи пострадавшим от стихийных бедствий, для благотворительности, финансирования бизнес-идей и многого другого²¹.

- Сервисы по сбору открытых данных формируют онлайн-справочники по самым разным темам²².

- Сервисы для координации деятельности – активистские социальные сети, которые просто организованы (карты, путеводители, инструкции, очень популярные активистские календари мероприятий и т. д.), понятны каждому и обеспечивают работу инфраструктуры²³.

- Сервисы для обсуждений позволяют собирать мнения людей по тем или иным вопросам.

- Сервисы «гражданских развлечений»: библиотеки, видеоролики, клипы, музыка на гражданскую тематику и пр.

Активистская интернет-среда характеризуется разнородностью и динамизмом. При этом интернет-активизм зависит от ответственной позиции инициатора, поскольку часто виртуальное сообщество или группа не готовы разделить бремя организационных издержек.

Пространство города как базовая территория для новых гражданских инициатив.

Традиционные социально ориентированные группы горожан Традиционный костяк городского гражданского сообщества составляют инициативные группы, которые на местном уровне добиваются справедливости, равенства и законности. Они объединяют наиболее активных людей из товариществ собственников жилья, соседей по «благополучному» квартирному дому, жильцов проблемных общежитий и др., которые помогают наладить работу социальных сервисов города, заставляют

местные органы власти соблюдать закон, быть более открытыми, внимательными к потребностям местных жителей. Таким горожанам интересна экономика города: бюджет, городское хозяйство. Они прекрасно разбираются в программах капитальных ремонтов, обязательствах муниципальной власти в социальной сфере и даже местных правилах землепользования и застройки. Среди них часто встречаются «сутяжники-самоучки», которые могут в суде заткнуть за пояс юристов местной администрации. Из таких сутяжников нередко вырастают городские эксперты, которые профессионально анализируют городские проблемы и решения и благодаря этому пользуются популярностью у местных журналистов.

К такой деятельности близки городские «инфраструктурные» общественные инициативы: объединения людей, которые формируют общий взгляд горожан на город и самоуправление на уровне «корней травы» (примерами могут служить Пермское городское собрание, городское гражданское жюри, народная счетная палата и др.), а также многочисленные инициативы городского гражданского контроля (сообщества автомобилистов, занимающиеся контролем состояния дорог, «Архнадзор», общественный контроль общественного транспорта и т. п.)

Новые городские активисты Новые городские гражданские практики присутствуют повсеместно, но при этом они «скрыты» от традиционных гражданских исследователей, организаторов муниципальных конкурсов по поддержке НКО и некоммерческих организаций, работающих с инициативными группами. На смену городским группам, борющимся за свои права, пришли группы современного типа, решающие творческие гуманитарные проблемы, связанные с состоянием городской среды и ее пригодностью для человеческой жизни в широком смысле, иногда даже в экзистенциальном. При этом они могут

вступать в коалиции и сотрудничать с более традиционными социальными инициативными группами.

В качестве мотива, побуждающего к современной «модной», социально-творческой деятельности, сами активисты часто называют преодоление отчужденности, свойственной успешным людям индивидуалистического склада. В жестких внешних условиях отчужденность уступает место кооперации и объединению усилий. К жестким внешним условиям носители подобных практик относят

скукой, однообразием. Отсюда творческая направленность их деятельности и способы действия: граффити, разного рода «партизанские» акции по озеленению, мелкому ремонту, благоустройству городского пространства и его «возвращению» горожанам. Творческие городские группы самовольно назначают себя ответственными за свой дом и двор: организуют книгообменники в подъезде, обвязывают деревья под окнами цветными нитками, обследуют близлежащие территории, организуют фотопрогулки и квесты, игры на мест-

“Интернет-активизм зависит от ответственной позиции инициатора, поскольку часто виртуальное сообщество не готово разделить бремя организационных издержек”.

«город, все менее пригодный для жизни», «интервенции (административные или коммерческие), ломающие публичный характер мест общего пользования и публичных пространств», «жизнь и работу, в которой нет игры», «офисное рабство», «жизнь вне истории» и т. п. Модный креативный активизм присущ «путешествовавшим по Европе» молодым людям в возрасте от 15 до 30 лет, студентам и людям с высшим образованием, творчески направленным «околохипстерам», интеллектуалам, «интернет-завсегдатаям». Группы сторонников имеют неиерархическую структуру, либо слабо структурированы вокруг наиболее вовлеченных деятелей, которые успели завоевать репутацию благодаря своей гражданской активности.

Такие группы в первую очередь стремятся установить социальные связи внутри города — сообщества соседей, любителей разных видов досуговой деятельности (садоводство, огородничество, чтение книг, фотографирование и др.), создать социальную ткань, основанную на личных знакомствах и взаимодействиях. Одна из важных целей — гуманизация городского пространства, борьба с серостью,

они осуществляют самодельный ландшафтный дизайн, устраивают уличные танцы, выставки и кинопоказы. Пространство города становится «своим» благодаря использованию инструментов, соразмерных одному человеку или небольшой группе людей.

Другая цель городских гражданских практик — возвращение гуманитарных ценностей во взаимоотношения между людьми, создание нового лица традиционной соцзащиты. Бесплатные ярмарки, благотворительные магазины по типу петербургского «Спасибо», гаражные распродажи, раздача еды для бездомных и нуждающихся — все эти мероприятия направлены на помощь не социальной группе, а конкретному человеку, выстраивание социальных связей («я знаю того, кому помогаю»). Подобные практики отвергают казенные форматы социальной помощи и заменяют их взаимопомощью, не унижаящей того, кто является объектом поддержки. Такая помощь восполняет не столько материальные, сколько социальные дефициты: личное взаимодействие, совместный досуг с разными людьми, которых не встретишь в поле социальной исключенности. Отсюда

возникает мода на посещение детских домов, домов престарелых, организация там самодельных праздников «люди — людям», которые не требуют больших бюджетов и дорогих подарков; массовые новогодние поздравления (открытки) и поздравления с днем рождения заключенным, старикам в домах престарелых и т. д., безвозмездная аренда автомобиля и т. д. К числу новых гуманитарных практик относятся также зоозащитные акции разного формата, частные городские приюты для бездомных животных, благотворительные распродажи для их под-

циальными предпочтениями, например, вегетарианский и сыроедческий общепит;

- ресоциализация заброшенного городского пространства (волгоградский дебаркадер как неформальный клуб для местной молодежи, сквотирование Варшавского вокзала в Санкт-Петербурге), мода на новые места для публичной жизни: антикафе²⁴, коворкинги, форматы «магазин плюс» (по типу московского «Фаланстера» и пермского «Пиотровского») и пр.;
- места, где развиваются и формируются новые виды городской светской жизни,

“Гражданские группы являются носителями нового гражданского опыта, который не опирается ни на конкретную идеологическую платформу, ни на противостояние власти”.

держки, регулярные субботники, противостояние догхантерам, модные показы одежды из искусственного меха и т. п.

Еще одним видом деятельности городских активистов является создание дефицитных или новых сервисов для города и горожан:

- самозанятость, самообучение: мода на многочисленные и тематически разнообразные мастер-классы вроде обучения пенсионеров созданию «музыки ветра» или поделкам вроде кошельков из тетрапакетов; Уличный университет в Петербурге и Свободный университет в Тюмени;
- создание дефицитных инфраструктур: вторичное использование предметов, внедрение технологий ресурсосбережения (от мастер-классов по энергосбережению до инициативы «Дару Дар»);
- развитие и гуманизация инфраструктуры для детей и подростков: например, специально оборудованные места для детей в торговых центрах), «безбарьерный» город (группы велосипедистов, мам с колясками и др.), безопасный город — инициатива «брат за сестру», город для людей со спе-

такие как, например, ресторанный день²⁵, *freemarket*²⁶, фотокросс, новые сообщества книголюбителей и книголюбов (по типу пермского *txt-club*) и т. д.

Городские гражданские группы имеют огромный потенциал, потому что создают «дефицитные» социальные практики и услуги, которые не могут обеспечить ни муниципалитет или государство в силу обезличенности и «казенности» их помощи, ни бизнес — поскольку даже социально ориентированный бизнес имеет свои ограничения. При этом гражданские группы не только создают соответствующие сервисы, но и являются носителями нового гражданского опыта, который не опирается ни на конкретную идеологическую платформу, ни на противостояние власти. Даже если идеологический или политический элемент и присутствует, он не является стержневым для сообщества. Такие сообщества объединяются на более широкой мировоззренческой платформе самостоятельности, продуктивности и гуманитарности, но при этом четко отмежевываются от провластных инициатив,

использующих похожие технологии и стилистику деятельности. Внеполитичность, внеопозиционность — одно из тех качеств, которые в последние два года помогли таким сообществам не только сохраниться, но и значительно расшириться. Стремление к автономности, к деятельности вне формально разрешенных практик и зарегистрированных организаций дает им возможность сохранить гуманистическую направленность, сформировать ответственных новых субъектов городского управления (в широком смысле), способных оппонировать формальным, косным, «темным»²⁷ практикам гражданского участия. Сейчас, помимо утилитарных сервисных дефицитов, подобные сообщества производят новые виды социальной солидарности, которой так не хватает в сегодняшней России. Солидарность, которая строится помимо политических предпочтений, расширяет возможности коалиционных действий городских творческих групп.

Творческие акции демонстрируют гражданам, как можно «легко и играя» менять город, участвовать в подлинном самоуправлении, которое не сводится к выдержке из закона о местном самоуправлении, хотя, при случае, может использовать институциональные возможности «вмененного» гражданского участия. Жители города узнают, что гражданская деятельность — совсем не то, что заседания «общественников» в чиновничьих кабинетах.

Новые городские активисты чрезвычайно чувствительны к стилю и языку. Они активно бегут от любой административной скуки и, как правило, избегают участия в местном самоуправлении, не считая его пригодным инструментом. Для того, чтобы использовать возможности местного самоуправления, активисты должны иметь серьезную мотивацию.

Как правило, они нуждаются в «переводчиках» с чиновничьего языка, которым обычно принято говорить с представителями граж-

данского общества, а еще более им нужны люди (в том числе из гражданских организаций), которые смогут быть посредниками между городскими активистскими группами нового типа и муниципалитетом. Кроме того, новым городским активистам требуется помощь в формировании и поддержке «зон контактов» (совместные рабочие группы, общие городские гражданские выходные, фестивали, общественные газеты и т. п.), где представители разных инициативных групп могли бы встречаться и взаимодействовать друг с другом.

Помимо описанных гуманистических гражданских практик, формируются также и инициативы другого рода, сжимающие, а не расширяющие публичное пространство, — догхантеры, оккупайпедофилия и др. Публичная сфера «перекашивается»: по мере того как сокращается число негосударственных СМИ, в интернет-сетях появляются дискуссионные площадки и «узлы», пропагандирующие неприятие «Другого», социальную нетерпимость и агрессию. В результате повышается градус взаимного неприятия, меняется восприятие гражданской деятельности в городе: симпатизирующие скатываются к равнодушию, равнодушные — к неприязни, а недолюбливающие — к радикализму по отношению к «врагам».

При этом инициативные группы охранительной направленности используют те же современные технологии и приемы (политическая сатира, интернет-активизм и т. п.), что и активисты гуманистического толка. Кроме того, и те и другие сталкиваются с одинаковыми проблемами: административные органы и городские власти не желают мириться с автономностью самоорганизованных сообществ — независимо от их идеологической и политической ориентации.

Участие идеологизированных и субкультурных групп в гражданской активности и «политике малых дел» Идеологизированные

группы (политические или субкультурные) — это небольшие сообщества близких друзей, хороших знакомых, которые причисляют себя к последователям той или иной политической идеологии (зачастую маргинальной — от радикальных левых троцкистов и анархистов до националистов) или считают себя частью какой-либо идеологизированной субкультуры. Они слабо связаны с крупными политическими и гражданскими организациями — политическими партиями или официальными профсоюзами и не оказывают влияния на политическую повестку в стране в целом. Для большинства граждан их идеология выглядит слишком вычурной и фантастической: троцкисты заумны, анархисты утопичны, националисты слишком радикальны.

В России принято изучать такие группы в контексте социологии молодежи, но, хотя молодежь преобладает, в действительности там встречаются люди всех возрастов.

Деятельность идеологизированных групп мало отличается от активистской, но у них другая мотивация. Их интересует не столько решение конкретной проблемы, сколько изменение ситуации в целом (в той мере, в какой это заложено в программе конкретной политической субкультуры), расширение числа сторонников, выдвижение собственных лозунгов в коалиционных кампаниях и т. д. Однако при определенных условиях они способны отказаться от «политической» повестки дня в чистом виде и принять участие в решении гражданских проблем, например, в борьбе за сохранение местного леса или возвращение студентам права на бесплатный проезд, в гражданском контроле над местной полицией, восстановлении памятников архитектуры и т. п. Гражданские акции помогают им проводить в жизнь свои идейные принципы (например, всеобщее участие в принятии решений) через «политику малых дел». Члены идеологизированных групп играют роль «записных активистов» в городских

кампаниях и коалициях, они посещают многие уличные акции, круглые столы, собрания практически по любым поводам. У них есть минимальный опыт организации акций, взаимодействия со СМИ, поиска ресурсов для своей деятельности. Они знают, как подать заявку на пикет, написать пресс-релиз, нарисовать плакаты, скинуться в общую кассу на чай и бутерброды для участников субботника и пр., и тем самым могут быть полезны местным социально ориентированным инициативным группам.

Такие группы практикуют самые разнообразные формы деятельности: организуют зоозащитные акции; ведут пропаганду вегетарианства и веганства, отказа от ношения меха; протестуют против службы в армии, алкоголя, наркотиков и табакокурения; устраивают ситуативные экозащитные акции, просветительские лекции (в том числе — неидеологического характера), раздачу бесплатной еды бездомным и малоимущим, волонтерские акции (восстановление церквей, кладбищ, уборка мусора) и т. п. Деятельность такого рода (чаще всего не системная, а разовая) оценивается активистами подобных групп как часть большой стратегической работы по внедрению определенных ценностей и поддержке инициатив, которые совпадают с их идеологией. Любопытно, что нередко радикальные левые и радикальные правые инициатируют акции, сходные по тематике и технологиям, — одним из примеров является пропаганда здорового образа жизни в виде разного рода турниров, соревнований, совместных тренировок и т. п.

Активистам из идеологических субкультур близки технологии городских творческих групп: они — специалисты по перформансам и хеппенингам, стрит-активности, уличным концертам, выставкам и фестивалям. Если они могут хотя бы частично отказаться от своего субкультурного языка и идеологических догматов, выбрать общественно полезную тему,

а также — если ядро их микрогрупп не деструктивно и способно к компромиссам, они становятся эффективными участниками городских гражданских коалиций, сотрудничают с местными НКО. При непереносимом условии, что те, в свою очередь, лояльны к их «идейной необычности» и могут предложить соответствующие их темпераменту и опыту роли.

«Самовозбуждающиеся» сети волонтерской и благотворительной деятельности Наше исследование показало, что мощным толчком для развития гражданской активности в иссле-

в личном качестве. «Добровольцы непосредственно, собственными руками и ногами действовали: брали отгулы на работе и шли тушить пожары или помогать восстанавливать разрушенное; участвовали в приеме, расфасовке, отправке и распределении на местах гуманитарной помощи; использовали свои автомобили для безвозмездной доставки гуманитарных грузов в места, пострадавшие от пожаров; шили перчатки и готовили еду для добровольцев и пр. Благотворители участвовали опосредованно, направляя на

“Природные катаклизмы, повлекшие за собой крупные пожары и наводнения, способствовали массовой мобилизации добровольцев и благотворителей”.

дуемый период становятся стихийные бедствия и иные события, требующие срочной помощи пострадавшим. К концу «нулевых» благотворительность и добровольчество приняли массовый характер. «Впервые за долгое время слова волонтер, активист стали ассоциироваться не с чем-то сумасшедшим, чем-то непонятым, ненужным, а напрямую с чем-то спасающим людей, замещающим государство, власть с ее нерасторопностью и безразличием к судьбам людей» (*Юрий Бобров*, журналист, активист движения многодетных родителей, активист поискового отряда, Пермь).

Природные катаклизмы, повлекшие за собой крупные пожары (лето 2010-го) и наводнения (лето 2012-го), способствовали массовой мобилизации добровольцев и благотворителей по всей стране. Люди разного возраста, социального статуса и благосостояния стали помогать пострадавшим: собирали вещи, деньги, лекарства, ехали на место трагедии бороться со стихией и ее последствиями.

В обоих случаях инициаторами и участниками общественной помощи стали не институционализированные организации, а люди, включившиеся в эту деятельность

нужды пострадавших и добровольцев денежные и вещевые пожертвования»²⁸.

Важная координационная и направляющая роль в этом процессе принадлежала виртуальным сетевым группам и стихийно образовавшимся «блогерским командам». «...Я решил поехать в Крымский район помочь ликвидировать последствия. Пытался дозвониться по официальному телефону — не дозвонился. Тогда я зашел в социальную сеть, нашел там контакт человека, у которого даже фамилия не была указана, только имя. Он мне сказал, что ехать нужно туда-то, контакты такие-то, необходимо то-то... И я поехал» (*Аркадий Кац*, депутат городской Думы, экс-сити-менеджер, Пермь)

Одновременно большую социальную ценность приобрели разнообразные инициативы, направленные на помощь детям (большим, сиротам, социально неблагополучным), поиск пропавших детей и пр. Вокруг детской темы стали разрастаться активистские добровольческие и благотворительные инициативы во всех российских городах. Среди успешных «детских» проектов можно назвать акцию «Сухая папа» (сбор подгузников

и средств на подузники для грудных детей, оставшихся без попечения родителей), которая, начавшись в Москве, за два-три года стала практически повсеместной, уже упомянутая затея «Дедморозим» в Перми (благодарительность для детдомовцев, поиск средств на лечение тяжелобольных детей), московский поисково-спасательный отряд «*Liza Alert*», аналоги которого распространились по всей стране.

Таким образом, буквально за два-три года участие в благотворительности стало модным и престижным, а термин «доброволец» стал синонимом определения «хороший человек» (неравнодушный, правильный и пр.). Речь идет не о любой благотворительности, а, в первую очередь, об участии в сборе средств в социальной и гуманитарной сфере на помощь слабым членам общества²⁹. Рост интереса к добровольчеству подтверждается не только мнением респондентов, но и контент-анализом текстов СМИ (в том числе официальных) за 2011–2012 годы. В средствах массовой информации стало существенно больше публикаций о добровольчестве и добровольцах с положительными оценками как самого явления, так и людей в этом участвующих. В интернет-СМИ и социальных сетях появилось множество сюжетов, статей и зарисовок на тему «как я поехал на пожар добровольцем», «почему я стал добровольцем» и т. д. Если в предыдущие 10–15 лет публичное упоминание добровольчества обычно перетекало в обсуждение мотивации волонтеров, то теперь участников обсуждения скорее интересует «как это было».

Существующие некоммерческие организации (НКО) часто действуют на одном поле с новыми «низовыми гражданскими инициативами», но наладить систематическое, эффективное взаимодействие, как правило, не получается — у НКО иная культура и иные способы принятия решений.

Во взаимодействии НКО и активистских групп особое значение имеет практический сервис «сопровождения инициатив»³⁰, который предлагает некоммерческая организация, ее репутация, авторитет лидеров или лиц, публично ассоциирующих себя с деятельностью и принципами гражданских организаций. Коммуникация НКО с активистскими группами может быть успешной, если сотрудники НКО проявляют готовность говорить на другом языке, если в организации присутствуют элементы «универсальной» коммуникации, если она не замкнута в собственном профессиональном и тематическом пространстве, а имеет выход в иные коммуникационные площадки (блоги, сети, дискуссионные площадки, клубы и т. п.).

Всплеск публичных протестов в конце 2011-го оказал влияние на неполитическую гражданскую активность. На протяжении 2012-го можно было наблюдать:

- а) приход новых людей, которые от политизированных тем перешли к низовым общественным инициативам или традиционным общественным практикам;
- б) появление нового стиля публичной презентации, в частности, творческих форм общественной сатиры, гражданского просвещения, уличных мероприятий и т. п.;
- в) изменение общественной атмосферы и расширение общероссийского поля публичности и др.

Тем временем со стороны государственных органов ответом на рост протестной активности стало ужесточение законодательства о некоммерческой деятельности, а также принятие целого ряда новых норм, урезающих права и свободы граждан, и общий сдвиг в сторону консерватизма и традиционализма. В результате часть гражданских активистов, по-прежнему ориентированных на решение локальных (в основном, социальных) проблем, стремятся дистанцироваться от новой («модной») оппозиционной активности, в

которой им видится политический подтекст. Возникли новые «охранительные» или «традиционалистские» объединения граждан, которые в протестах увидели угрозу дестабилизации и роста уличного насилия, а также вызов традиционным культурным и державным ценностям и т. п.

Обнаруженные нами практики дополняют картину состояния гражданского общества в России, включая в нее элемент, который не всегда заметен. Несмотря на то что такие практики многочисленны и разнообразны, их дальнейшие перспективы пока не ясны. Присущая им автономность (ответственная самостоятельность, а не деструктивная изоляция) помогает им быть эффективными, гибкими, что делает их деятельность ценной. Но они не помышляют о разработке некоей общероссийской стратегии развития гражданских инициатив или об их институционализации. Организационное закрепление, по мнению самих активистов, не всегда означает развитие; у незрелых практик все ресурсы могут быть потрачены на регистрацию общественной организации, и на деятельность не останется ни сил, ни времени, ни энтузиазма. Речь также не идет о перерождении неполитических инициативных групп в политическую силу, поскольку они стремятся максимально дистанцироваться от политической деятельности.

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ Материал подготовлен на основе исследования неполитического активизма в России, проведенного экспертами пермского Центра гражданского анализа и независимых исследований (Центр ГРАНИ) в 2012 году. Исследованием было охвачено 20 регионов РФ, в трех из которых (Пермский край, Саратовская и Новосибирская области) объектом изучения была не только городская, но и сельская активность граждан. В основе исследования лежит анализ активистских кейсов (около 100 углубленных

описанный нами социальный феномен свидетельствует о становлении в России гражданской самостоятельности. Однако на сегодня невозможно ответить на вопрос о том, предпочтут ли активисты остаться в поле гражданских развлечений и защиты локальных интересов в пределах отдельного города, региона или станут постепенно «взрослеть». Смогут ли они сохранить свою самостоятельность и мотивацию и открыть новые ниши для гражданской активности? Смогут ли обновить традиционные гражданские институты, настроить их под себя, или будут по-прежнему взаимодействовать с НКО лишь в случае крайней необходимости?

Как бы то ни было, распространение активистской деятельности в России ведет к развитию социального капитала, который способствует расширению доверия за пределами собственного круга родных и близких и формированию широких общественных коалиций солидарного действия. Одновременно накапливается и закрытый социальный капитал, где доверие повышает эффективность взаимодействия узкой группы единомышленников. Несмотря на противостояние «охранительной» и «модерной» повесток дня, можно говорить о постепенном развитии гражданской культуры как чувстве сопричастности к общественным делам и личной ответственности за положение дел в обществе. ■

интервью, фокус-группы, экспертные дискуссии и т. д.). Приводимые цитаты, там, где не указано иное, взяты из интервью с активистами. Подробнее с материалами исследования можно ознакомиться на сайте Центра ГРАНИ (http://www.grany-center.org/catalog/analiz/details_849.html).

² Например: Инициативная группа «Защитим город-лес Академгородок» (Новосибирск) (<http://vk.com/club2492115>).

³ Например: Движение «Архнадзор» (Москва) (<http://www.archnadzor.ru/>).

⁴ Например: Общественное движение «Колясочки Питера» (<http://vk.com/club30298691>).

⁵ Например: Межрегиональный проект «Больничная клоунада» (<http://new.medclown.ru/>).

⁶ Например: Затея «Дедморозим» (Пермь) (<http://dedmorozim.ru/>).

⁷ Например: Общественное движение в защиту больницы № 31 в Санкт-Петербурге.

⁸ Например: Общественное движение «Гражданский корпус» (<http://www.civilcorps.ru/>).

⁹ Например: Общественный поисковый отряд «Liza Alert» (Москва) (<http://lizaalert.org>).

¹⁰ Например: Межрегиональное позитивно-креативное экологическое движение «Мусора. Больше. Нет.» (<http://musora.bolshe.net>).

¹¹ Например: Интернет-ресурс «Дом. Двор. Дороги». Сайт о наведении порядка в сфере ЖКХ (Москва) (<http://domdvordorogi.ru>), Платформа благотворительного краудфандинга «Тугеза» (<http://together.ru/>).

¹² Например: Движение «Общество “Синих ведерок”» (Москва) (<http://ru-vederko.livejournal.com/>).

¹³ Например: Региональное общественное движение «Класс родителей» (Екатеринбург) (<http://www.klassrod.ru/>).

¹⁴ Например: Общественная кампания «Заливает СПб» о проблемах протечки кровли (Санкт-Петербург) (<http://zalivaet.spb.ru>), Инициативная группа студентов, аспирантов и сотрудников МГУ (Москва) (<http://www.igmsu.org/>).

¹⁵ Например: Общероссийское движение «Гражданин наблюдатель» (<http://nabludatel.org/>).

¹⁶ Например: Клуб «Нежная мама» (Пермь) (<http://vk.com/id66929020#/tendermama>), Проект «Партизанинг» – партизанские городские перепланировщики (<http://partizaning.org>).

¹⁷ Например: группы современных «левых» и «националистов», проводящих «уличную зарядку» и т. п. в разных регионах РФ.

¹⁸ В дальнейшем учет этого обстоятельства позволяет разнообразить ассортимент содействия инициативным группам, создавая благоприятные условия или предлагая конкретные меры поддержки в актуальный момент жизни инициативы. Это особенно важно, поскольку активисты (чаще новые акторы) нередко уклоняются от публичного взаимодействия с НКО, партиями, учреждениями, опасаясь, что связь с такими организациями, нередко имеющими негативный имидж, может

нанести урон их репутации. Кроме того, инициативные группы иной раз подозревают, что потенциальные партнеры «используют» новую инициативу (организационно абсорбируют, припишут себе ее заслуги, «пропиарят за счет...» и т. д.), будучи равнодушными к ее содержанию, мотивации и прочему.

¹⁹ Сайт Координационного комитета против внедрения универсальной электронной карты (<http://protivkart.org/o-saite>).

²⁰ Например, проект «Заливает. СПб» (<http://zalivaet.spb.ru>) – сайт о протечках кровли в Санкт-Петербурге.

²¹ Например, сайт Затеи «Дедморозим» (<http://dedmorozim.ru>) – сбор новогодних подарков детям, оставшимся без попечения родителей, а также средств на лечение детей со смертельно опасными заболеваниями.

²² Например, проект «Открытые данные» (<http://www.opengovdata.ru/>), задача которого сделать доступной информацию, раскрываемую государством для граждан.

²³ Например, сайт общественного поискового отряда «Liza Alert» (<http://lizaalert.org/>).

²⁴ Общественные пространства, куда приходят пообщаться, отдохнуть, поиграть в настольные или видеоигры, посетить мероприятие. В антикафе оплачивается время пребывания. Как правило, антикафе представляет собой один большой зал или несколько комнат с уютным домашним интерьером, где посетители свободно перемещаются и сами делают себе напитки (чай, кофе). Еду и напитки можно приносить с собой, алкоголь и курение запрещены.

²⁵ Городской фестиваль еды, где каждый желающий может открыть ресторан на один день. Идея заключается в том, чтобы хорошо провести время, пообщаться, получить новые гастрономические впечатления и сделать свой город (район, микрорайон и пр.) лучше и интереснее.

²⁶ Абсолютно Бесплатная Ярмарка – мероприятие, организуемое городскими активистами, на котором вещи, предметы и услуги предоставляются без какого бы то ни было денежного вознаграждения.

²⁷ К «темным» мы относим агрессивные практики, допускающие демонстративное публичное унижение людей, применение иных форм символического насилия, провокации против конкретных людей или организаций (инициативы «Стопхам», «окупай-педофилия»), «Хрюши против», родитель-

ские группы сопротивления ювенальной юстиции, группы публикующие «позорящие» списки людей с персональными данными и т. п). Обозначение «темное» – в противовес «светлому» использовал ряд наших респондентов, видимо, вслед за Игорем Аверкиевым, который ввел понятие «темного гражданского общества» для обозначения агрессивных, экстремистских групп и субкультур. См., например: pgpalata.ru/reshr/grow/02.shtml

²⁸ Люди на пожарах: Экспресс-анализ по остывшим следам. Пермь: ППП, 2011.

²⁹ Например, интервью с лидерами Затеи «Дедморозим» в Перми показывает, что число

благотворителей с каждым годом увеличивается. Они объясняют этот факт не только собственной качественной работой по продвижению идеи и безупречностью репутации лидера данной инициативы, но и тем, что тема помощи детям стала одним из модных трендов в стране в целом.

³⁰ Под «сопровождением инициатив» имеется в виду помощь адвоката при формулировании запроса в орган власти или предоставление помещения на 2–3 часа для встречи группы или помощь редактора при формулировании текстов публичного мероприятия и т. п.

The Thaw: Soviet Society and Culture in 1950s and 1960s / D. Kozlov, E. Gilburd (eds). Univ. of Toronto Press, 2013. 512 p.

Воистину, бывают странные сближения. Одновременно с тем как в Университете Торонто готовилась к печати коллективная монография «Оттепель: Культура и общество СССР в 1950–1960-е», в Москве и Минске проходили съемки практически одноименного телесериала. Естественно, у картины Валерия Тодоровского нет академического подзаголовка: «Я снимал не документальный фильм, а миф!» — говорит он¹. С любовью и аккуратностью, со вниманием к деталям, достойным документалиста, режиссер реконструировал на экране стилистику, образы и сюжеты мифа, созданного поколением своего отца, Петра Тодоровского. В том же 2013-м в России был переиздан ставший классическим «путеводитель» по мифологии Оттепели — книга Петра Вайля и Александра Гениса «60-е. Мир советского человека»². В процессе подготовки — новый том документального проекта Леонида Парфенова «Намедни. Наша эра», посвященный 1946–1960 годам³. Повышенное внимание отечественной массовой культуры и медиа к «оттепельным» темам на рубеже 2000–2010 годов (безусловно, связанное с поиском параллелей между реформами Никиты Хрущёва и временем правления Дмитрия Медведева) — тема отдельного исследования. При этом рост популярности 1950–1960-х годов в *public history* не привел к сопоставимому ажиотажу в отечественной академической историографии, в то время как за рубежом история послевоенного советского общества становится в последние десятилетия едва ли не более популярной, чем исследования «классического сталинизма» 1930–1940 годов⁴.

Коллективная монография под редакцией Дениса Козлова и Элеоноры Гилбурд — еще одно тому подтверждение. Смысловым стержнем рецензируемой книги является поиск нового взгляда на Оттепель, позволяющего дистанцироваться от мифологизированных представлений об этом периоде. Методологическую опору своим изысканиям составители обнаружили в дискуссии французских историков 1950–1960-х годов о «длинных» и «коротких» исторических периодах. Вместо более известной отечественному читателю позиции Фернана Броделя, призывавшего изучать социально-экономические структуры и циклы, заметные только в рамках исторического времени большой длительности (*longue durée*), Козлов и Гилбурд обратились к идеям его оппонента, Мишеля Вовеля, реабилитировавшего событийную историю (*l'histoire événementielle*). В центре внимания исследователя в таком случае оказывается «конкретное событие», короткая временная рамка, «разрыв преемственности». Событие — не «пена истории», а самодостаточный феномен. Особое внимание Вовель уделяет «конституирующим событиям» (*constitutive events*), рождающим новые процессы, практики и традиции.

Опираясь на убеждение французского историка в «созидательной способности... внезапных резких изменений, когда прошлое и будущее как бы сливаются, а настоящее бывает исключительно насыщенным», составители монографии предлагают вместо «Периода Оттепели» говорить о «Событии Оттепели» (*the Thaw as an Event*) — последовательности конкретных событий, изменивших культурный и общественный ландшафт Советского Союза⁵. Такой подход позволяет

по-новому взглянуть на дискуссии, ведущиеся в отечественной и западной историографии Оттепели, которые зачастую сводятся к попыткам уточнения и переосмысления хронологических границ исторического периода

Российская традиция во многом исходит из противопоставления 1953–1964 годов предыдущему и последующему историческим периодам. Составители сборника, сосредоточив свое внимание на одном из источников этой традиции — мемуарах советской либеральной интеллигенции (шестидесятников), почему-то упустили из виду другой, не менее, если не более важный — тексты, принадлежавшие перу «архитекторов» Оттепели⁶. Хотя именно эти люди целенаправленно конструировали мифологию новой эпохи, противопоставляя ее «периоду культа личности». Скептическое отношение к Оттепели как к периоду неудавшихся реформ, укрепившееся в отечественной историографии после 1991 года, в свою очередь, наследует идее брежневского поколения номенклатуры, со второй половины 1960-х стремившегося маркировать Оттепель как эпоху волюнтаризма.

Слабые места противопоставления Оттепели сталинизму были отмечены западными советологами еще в годы, когда Оттепель была актуальной политической реальностью. Парадигма «преемственности и изменений» в советской политике отмечала как сохранение при Хрущёве родовых черт сталинистского государства, так и некоторые либеральные сдвиги во внутренней политике и культуре, происходившие на рубеже 1940–1950-х годов, еще до смерти «вождя народов». Однако этот подход не отвечал на вопрос, почему люди, жившие в то время, согласились целый период своей жизни ассоциировать с предложенной Ильей Эренбургом метафорой.

Составители сборника не только предлагают рассматривать событие Оттепели в контексте близлежащих исторических периодов,

но и настаивают на необходимости проанализировать ее взаимосвязь с более отдаленными эпохами (в первую очередь, с дореволюционным прошлым). Второй своей задачей они называют определение места Оттепели в контексте послевоенной мировой истории. Ведь многие проблемы, традиционно понимаемые как нерв эпохи (осмысление недавнего травматического прошлого, формирование общества потребления, новые тенденции в искусстве), были актуальны и для других европейских государств. Для того чтобы решить эти задачи, необходимо серьезно переосмыслить традиционный взгляд на историю 1950–1960-х. Это подразумевает отказ от политической истории государства в пользу социальной и культурной истории; усиление внимания к региональным сюжетам; преодоление представлений об исключительной роли либеральной интеллигенции в изменении общественного климата эпохи.

Сборник разделен на две части: «Оглядываясь назад» и «Глядя вперед» — такое деление едва ли можно назвать оригинальной находкой составителей, но оно дает возможность рассматривать событие Оттепели в тесной связи с предыдущими и последующими историческими периодами⁷. Тем более что риторика эпохи была проникнута, с одной стороны, пафосом приближения коммунистического будущего, а с другой — решимостью преодолеть ошибки периода «культа личности» и восстановить историческую связь с эпохой Октябрьской революции и Гражданской войны.

Уже первая статья сборника — работа Катарини Кларк — предлагает скорректировать генеалогию идей Оттепели. Говоря об основных категориях оттепельной культуры — подлинности, искренности и лирике — она обращает внимание читателя на то, что все эти концепты активно использовались советской литературной критикой и при жизни Сталина. Непосредственными пред-

шественниками борьбы против омертвления соцреализма, развернувшейся в 1953–1956 годах благодаря статьям Фёдора Абрамова, Ольги Берггольц, Владимира Померанцева, по мнению Кларк, были критические статьи, направленные против «теории бесконфликтности» в драматургии, опубликованные еще в 1952-м. Более того, призывы вернуть в советскую литературу лирическое «Я» поэта звучали уже в 1930-х годах не только в стихах поэтов-ифлийцев и статьях Константина Симонова, но и в выступлении Николая Бухарина на I Съезде Союза писателей СССР. Хотя автор и отмечает, что дискуссии 1930-х и 1950-х велись в разных условиях и в годы оттепели литераторы не рисковали быть обвиненными в бухаринском уклоне со всеми вытекающими последствиями, их концептуальное родство имеет первостепенную важность для Кларк. Призывы к искренности и подлинности, по ее мнению, — это категории бинарного словаря чисток, то есть инструменты формирования советской субъективности, использовавшиеся на протяжении всего советского периода.

Не менее сложную диалектику отношения Оттепели со сталинской эпохой демонстрирует в своей статье Марк Эли. Обращаясь к одному из главных событий периода — прекращению массового террора, он наглядно показывает, что на институциональном уровне реформа ГУЛАГа происходила в высшей степени нелинейно, поскольку затрагивала интересы разных ведомств. Демонтаж лагерной империи начался еще в короткий период между смертью Сталина и низложением Берии: ГУЛАГ был переведен в ведение Министерства юстиции; экономические управления МВД были переданы соответствующим министерствам; были прекращены экономически нецелесообразные лагерные «стройки социализма» (Главный Туркменский канал и «Дорога Смерти» Чум — Салехард — Игарка). Хрущёв, стремившийся

покончить с лагерной системой как главным символом сталинского времени, считал основной задачей реформы пенитенциарной системы переход от решения экономических проблем силами заключенных к их перевоспитанию в региональных исправительно-трудовых колониях. Это начинание, главным проводником которого был министр внутренних дел Николай Дудоров, столкнулось с идеологическим сопротивлением со стороны КГБ. На экономическую сложность перевода системы исполнения наказаний с режима самокупаемости на баланс бюджета обращали внимание сотрудники Госплана. Полностью отказаться от использования заключенных в народном хозяйстве не удалось: после ряда разнонаправленных реформ управления лагерями и колониями, которые сказались, в первую очередь, на режиме содержания заключенных, была сформирована гибридная система мест исполнения наказаний, сочетавшая перевоспитание с принудительным трудом. Тем не менее главным результатом этих реформ действительно стал демонтаж системы ГУЛАГа, поглощавшей людей и ресурсы, и освобождение из лагерей миллионов заключенных.

Проблема освобождения из лагерей является центральной для Алана Баренберга. В своей статье он объясняет, почему вышедшие на волю узники лагерей республики Коми предпочитали начинать «новую жизнь» в непосредственной близости от мест своего заключения. На основе анализа документов местных партийных организаций и промышленных предприятий, локальной прессы и серии интервью, записанных с бывшими заключенными, Баренберг реконструирует те проблемы, с которыми сталкивались бывшие жители империи ГУЛАГа. Стигматизация освободившихся из лагерей как «зеков» происходила вне зависимости от того, сидел ли человек по уголовной или политической статье. Вся жизнь бывшего узника происходила

в атмосфере отторжения со стороны «вольных», перепуганных бериевской амнистией уголовных преступников. Местные власти (особенно после закрытого письма ЦК КПСС «Об усилении политической работы партийных организаций в массах и пресечении вылазок антисоветских враждебных элементов»), напротив, опасались, что бывшие «политики» развернут антисоветскую работу. Недоверие к освободившимся из лагерей оборачивалось разными формами дискриминации. Жилплощадь и работу им предоставляли «по остаточному принципу»; устроившись на службу, бывший заключенный рисковал потерять место во время чисток коллектива от подозрительных элементов; его карьерный рост был ограничен «стеклянным потолком» — допустить зека к руководящим должностям могли только в случае абсолютной нехватки квалифицированных кадров. Стигматизации подвергались и члены семей заключенных. Отвергнутые обществом, бывшие узники старались держаться друг друга и, по мере возможности, помогать друг другу в решении насущных проблем. Неформальные социальные сети было проще выстраивать там, где было больше людей, объединенных общей бедой, и там, где был ослаблен контроль со стороны властных органов. Именно поэтому даже те из заключенных, кто пытался вернуться к месту своей прежней жизни, зачастую через некоторое время возвращались обратно к стенам своих лагерей.

Иным образом решалась проблема интеграции в общество бывших политических заключенных в западных регионах СССР (Западные Украина и Белоруссия, Молдавия, Прибалтийские республики). Амир Вайнер задается вопросом: не было ли просчетом со стороны центральных властей разрешение вернуться на родину тем, кто еще недавно с оружием в руках боролся против советской власти? Тем более что в тех областях, через которые дважды прошла война — сначала с

запада на восток, а потом с востока на запад — социально-экономические проблемы стояли как минимум не менее остро, чем в остальных регионах СССР. С одной стороны, мягкое отношение к бывшим «бандитам» и «партизанам» было пропагандистским ходом, демонстрирующим отказ от сталинского стиля решения проблем и переход к новой социалистической законности. С другой стороны, на интеграцию освободившихся из лагерей (в первую очередь на их трудоустройство) были брошены дополнительные средства. Наконец, даже во время протестных выступлений молодежи, спровоцированных польскими и венгерскими событиями 1956 года, власти стремились представить их «хулиганскими выходками» и не делать акцент на их националистическом характере⁸. Бывшие заключенные, как правило, не принимали участие в молодежных акциях — сказались и усталость от войны, и лагерный опыт, и тот факт, что, вернувшись в деревни, еще недавно расколотые партизанской войной, они боялись неосторожными действиями вызвать недовольство односельчан. Показательные суды над бывшими партизанами демонстрировали, что подобные опасения оправданы и народный гнев может быть не менее опасен для них, чем сила советского правосудия. Отказ советской власти от политического террора в пользу перевоспитания преступников не только способствовал стабилизации положения в западных республиках СССР, но и привел к изменению тактики участников национально-освободительного движения. Новое поколение борцов за независимость и некоторые старшие участники сопротивления отказались от вооруженной борьбы и перешли к диссидентскому сопротивлению, основанному на апелляции к советской законности.

На пересечение интересов центральной и региональной власти обратила свое внимание Микаэла Польш (Michaela Pohl), чья статья посвящена судьбе целинной кампании

1953–1965 годов. По мнению автора, традиционная оценка «освоения целинных земель» как неудавшейся инициативы Хрущёва является риторическим ходом брежневского времени, призванным очернить предшественника. Хотя, вопреки обещаниям хрущёвской пропаганды, Казахстан не превратился в цветущий край, тем не менее, чтобы оценить эффективность реформы, необходимо понимать, что представляла собой республика до ее начала. Целинная кампания не ограничивалась только распахкой новых земель — была проведена реформа убыточных колхозов (за несколько лет до начала освоения целины Казахстан страдал от голода).

Стычки между целинниками и местным населением, которые ставят в вину Хрущёву его критики, по утверждению Микаэлы Поль — естественные фронтирные конфликты, возникавшие вследствие интенсивного развития приграничных земель. Гораздо более существенным считает она тот факт, что серьезные этнические беспорядки не возникли в среде депортированных народов (ингуши, чеченцы, немцы) — их возвращение из мест ссылки прошло практически безболезненно. Заглавным же сюжетом статьи является судьба Целинограда (до 1961-го — Акмолинск).

В качестве столицы автономного Целинного края, Целиноград был напрямую подчинен Москве и получал интенсивные финансовые вливания; в результате из областного центра, знаменитого, в первую очередь, окрестными лагерями, он превратился в один из наиболее развитых городов советской Средней Азии.

Не менее острые проблемы поднимают и статьи, посвященные культуре хрущёвского времени. Так, Денис Козлов, анализируя письма, поступившие в редакцию «Нового мира» после публикации мемуаров Ильи Эренбурга «Люди, годы, жизнь» (1960–1963; 1965) и повести Александра Солженицына «Один день Ивана Денисовича» (1962), показывает, сколь остро и неоднозначно воспри-

нимали читатели обращение авторов к темам политических репрессий 1930–1950 годов. Уже короткие упоминания Эренбурга об аресте Исаака Бабеля и Всеволода Мейерхольда пробудили к жизни вопрос об ответственности, в том числе и «простых людей», за государственные преступления. Публикация «Ивана Денисовича» резко повысила градус полемики. В архиве «Нового мира» хранятся как письма, приветствующие гражданское мужество писателей, так и отклики читателей, категорически несогласных с позицией авторов. Однако и те и другие, как считает Козлов, демонстрируют ощущение личной связи читателей со сталинским режимом, что затрудняло какие бы то ни было действия по проработке травмы. Уже сам язык участников дискуссии демонстрировал, что возможности осмысления недавнего прошлого серьезно ограничены. Для обозначения эпохи расстрелов, ссылок и лагерей в советском лексиконе не было других слов кроме эвфемизмов вроде «тридцать седьмой (год)» или «период культа личности». То, что с трудом давалось конкретным читателям — дистанцироваться от прошлого и вынести ему оценку, — было категорически невозможно для советской государственной власти. Это неизбежно поставило бы вопрос об отношении к террору государственных лидеров, как досталинской, так и послесталинской эпох⁹.

Полли Джонс анализирует дискуссии о сталинском прошлом в среде советских писателей, также отталкиваясь от полемики вокруг «Одного дня Ивана Денисовича». До сих пор внимание историков литературы привлекали в основном фигуры авторов, приветствовавших десталинизацию. Полли Джонс, напротив, интересуется формированием консервативного направления советской литературы. Несмотря на то что ярлык сталинистов, благодаря мемуарам либеральной интеллигенции, намертво прикреплён к таким фигурам, как Всеволод Кочетов,

Николай Грибачёв или Анатолий Софронов, их консервативное кредо включало в себя помимо личной симпатии к сталинскому прошлому ортодоксальность эстетической позиции, а также стремление к формальной власти и авторитету. Эти черты могли проявляться как вместе, так и по отдельности, тем более что Сталин сам по себе оставался в советском публичном дискурсе отсутствующим персонажем. Поэтому не только авторы, но и положительные герои консервативной литературы не эксплицировали свои политические взгляды (это, в первую очередь, не сталинисты, а противники десталинизации). Размежевание советских писателей по двум лагерям представляло собой скорее реакцию взаимного отторжения от этической и политической позиции «противника», чем формулирование оригинальных программ. Постоянное противоборство «либералов» и «сталинистов», происходившее в институционализированных рамках официальной советской культуры, было на руку партийным властям: поочередно поддерживая то одну, то другую сторону, они добивались сохранения культурного *status quo* в течение всего периода позднего социализма.

Статья Элеоноры Гилбурд, напротив, посвящена интернационалистским тенденциям советского государства 1950-х. Начиная с 1955 года советские лидеры демонстрировали несравнимо большую открытость Западу, обмениваясь визитами с зарубежными коллегами. Официальные дипломатические мероприятия сопровождались укреплением «культурных связей»: проведение выставок и концертов, издание статей и книг о стране-партнере. Культурные десанты Запада вызывали огромный интерес у советских граждан — достаточно вспомнить всесоюзную популярность Ива Монтана или ажиотаж вокруг выставок Пикассо в Москве и Ленинграде. Какое-то время «народная дипломатия» (*public diplomacy*) — установле-

ние личных контактов между советскими и западными гражданами — воспринималась на государственном уровне как важное дополнение к традиционной международной политике. Символом этого поворота, безусловно, стал VI Международный фестиваль молодежи и студентов (1957), когда тысячи молодых людей со всех концов света общались прямо на улицах Москвы. Еще в начале 1950-х во время борьбы с космополитизмом такое было просто немыслимо. Однако уже к 1960 годам от идеи «народной дипломатии» постепенно стали отказываться, поскольку она стала серьезным препятствием для контроля за межличностными контактами. Интернационалистский поворот 1950-х не исчерпывался улучшением имиджа СССР на международной арене и колоссальным интересом к западной культуре внутри страны. Менее заметным, но не менее важным, было формирование новой для советской международной политики идеи «общечеловеческих ценностей», которая стала противовесом алармистской риторике противостояния двух мировых систем.

Конкретным примером мирного сосуществования Советского Союза и «капиталистического окружения» предлагает считать развитие советской модной индустрии (*fashion*) Лариса Захарова. Под *fashion* она понимает «разработку, производство, распространение и потребление модных вещей» (с. 402), поэтому ее статья посвящена не столько восприятию мировых модных тенденций в советском обществе, сколько тому, какие практики использовали жители СССР в своем стремлении красиво и современно одеваться. В условиях плановой экономики и государственного понимания хорошего вкуса как феномена, который можно не просто регулировать, но и воспитывать, отечественная швейная промышленность была неспособна своевременно и в полной мере удовлетворять «растущие потребности советского человека

в товарах народного потребления». Импорт одежды из социалистических и даже капиталистических стран был призван заполнить прорехи в советской системе снабжения. Экономика дефицита приводила к развитию черного и серого рынков (фарцовка, частные портные, система неформального доступа к товарам в сети государственной торговли). Несмотря на то что индивидуальная предпринимательская деятельность (равно, спекуляция и частный пошив) карались советским уголовным законодательством, эта сфера жизни советских граждан регулировалась достаточно слабо. Более того, изготовление одежды для себя поощрялось. Советские журналы мод не только воспитывали хороший вкус, но и предлагали советским женщинам модели, вдохновленные западными образцами. Проникновение в советское общество модных трендов и развитие практик, позволявших удовлетворять спрос на современную одежду, дает основания говорить о возникновении в 1950–1960 годы в Советском Союзе общества потребления, пусть и в весьма специфическом виде.

Интерес к западной культуре в СССР находится в центре внимания Оксаны Булгаковой, посвятившей свою статью новым тенденциям в отечественном кинематографе периода Оттепели. Автор не сводит проблему влияния зарубежного искусства на работу советских режиссеров только к заимствованию художественных приемов западных коллег. Она предлагает рассматривать историю советского кино 1950–1960-х в контексте развития мирового послевоенного кинематографа. Неореалистический поворот, происходивший в 1940–1950 годах в итальянской, французской, польской кинематографических школах, был вызван не только эстетическими предпочтениями режиссеров. Благодаря техническому прогрессу можно было, с одной стороны, быстрее и с меньшими затратами снимать

и монтировать картины, а с другой — работая вне павильона, обеспечивать почти документальную достоверность съемки. Эти тенденции проявились и в советских фильмах, снятых в 1950–1960-х как мэтрами (Михаил Калатозов, Михаил Ромм, Григорий Козинцев), так и новым поколением режиссеров (Андрей Тарковский, Элем Климов, Лариса Шепитько). Стремление к достоверности (внимание к деталям, естественный грим и подлинные костюмы, предпочтение черно-белой пленки) изменило выразительный язык отечественного кино и через него повлияло на стиль жизни целого поколения. При этом нельзя не отметить обращение режиссеров к творческому наследию театрального и киноавангарда 1920 годов, наиболее ярко воплотившееся в «Интервенции» Геннадия Полоки. Возможность снимать разные (как в стилистическом, так и содержательном плане) картины формировала индивидуальный почерк режиссеров, что радикально отличает ситуацию Оттепели от «эпохи малокартинья» 1940-х. Учитывая, что главной проблемой фильмов становится история конкретной личности, можно утверждать, что в советском кинематографе 1950–1960-х произошел поворот к индивидуальности, сопоставимый с открытием человека в искусстве Возрождения.

Послесловие к книге, написанное Шейлой Фитцпатрик, возвращает читателя к проблеме, поднятой в самом начале коллективного труда — соотношению мифа об Оттепели с событием Оттепели. Рассуждая о методологии, избранной составителями, Фитцпатрик отмечает, что понимание события как поворотной точки истории характерно для немецкой традиции трактовки этого понятия (*Ereignis*), предложенной Леопольдом фон Ранке и развитой в работах Карла Маркса, посвященных революции. Использование такого подхода к политическому феномену, чье метафорическое определение связано с цикличностью природ-

ных явлений (оттепель подразумевает не только предшествующие холода, но и грядущие заморозки), может, по ее мнению, показаться несколько странным. Однако, продолжает Фитцпатрик, само определение периода 1950–1960-х через метафору оттепели имплицитно содержит в себе позитивную характеристику этого времени и нейтрализует ее негативные «метеорологические» коннотации. Те же, кто подвергает ревизии историю Оттепели, как правило, не называют ее так, или, по крайней мере, закавычивают определение. Иными словами, в основе шестидесятилетнего мифа об Оттепели и лежит ее понимание в качестве события (*Ereignis*) – радикального поворота истории.

Авторам сборника под редакцией Козлова и Гилбурд действительно удалось представить Оттепель в качестве события, радикально изменившего многие стороны советской культуры и общественной жизни. Тем не менее приходится признать, что практически все статьи (за исключением работы Микаэлы Поль и, отчасти, Амира Вайнера)

посвящены культуре и общественным проблемам, характерным, в первую очередь, для крупных городов. Свидетельства о жизни малых городов и деревень позволили бы проверить, насколько проанализированные в книге события были универсальны в своем влиянии на население Советского Союза в целом. В фокус исследователя попали бы иные феномены, не менее жестко и необратимо менявшие жизнь в регионах СССР. Однако период 1950–1960 годов настолько насыщен событиями, что, хотя и с сожалением, приходится смириться с невозможностью в рамках одной книги «объять необъятное». Разнообразие проблем, привлечение уникальных источников (в первую очередь, необходимо приветствовать использование регионального архивного материала), глубокий анализ выбранных для исследования сюжетов уже делают данный труд не только важным событием в современной историографии Оттепели, но и в высшей мере увлекательным чтением. ■

ДМИТРИЙ КОЗЛОВ

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ *Ефимов С.* Сегодня «Оттепель», а завтра – холода... // Комсомольская правда. 2013. 3 дек. (<http://www.kp.ru/daily/26167.2/3054154/>).

² *Вайль П.Л., Генис А.А.* 60-е: Мир советского человека. М.: Corpus, 2013.

³ *Голубева А.* Персона COLTA. Леонид Парфенов: «Эфирной ностальгией не страдаю»: Телемаэстро о своей новой работе и новых настроениях // <http://www.colta.ru/articles/media/439?page=3>

⁴ *Bittner S.* The Many Lives of Khrushchev's Thaw: Experience and Memory in Moscow's Arbat. Ithaca, 2008; *Dobson M.* Khrushchev's Cold Summer: Gulag Returnees, Crime, and the Fate of Reform After Stalin. Ithaca, 2009; *Hornsby R.* Protest, Reform and Repression in Khrushchev's Soviet Union. Cambridge, 2013; *Kozlov D.* The Readers of Novyi Mir: Coming to Terms with the Stalinist Past. Harvard, 2013; *LaPierre B.* Hooligans

in Khrushchev's Russia: Defining, Policing, and Producing Deviance During the Thaw. Wisconsin, 2012; *The Dilemmas of De-stalinization: Negotiating Cultural and Social Change in the Khrushchev's Era* / P. Jones (ed.). L., 2006; *Tromley B.* Making the Soviet Intelligentsia: Universities and Intellectual Life Under Stalin and Khrushchev. Cambridge, 2014; *Zubok V.* Zhivago's Children: The Last Russian Intelligentsia. Harvard, 2009.

⁵ *Вовель М.* К истории общественного сознания эпохи Великой французской революции // Французский ежегодник. 1983. М.: Наука, 1985.

⁶ *Аджубей А.И.* Те десять лет. М.: Советская Россия, 1989; *Бурлацкий Ф.М.* Вожди и советники: О Хрущёве, Андропове и не только о них. М.: Политиздат, 1990; *Хрущёв Н.С.* Воспоминания: Избранные фрагменты. М.: Вагриус, 1997.

⁷ См. например: *Уль К.* Поколение между «героическим прошлым» и «светлым буду-

шим»: Роль молодежи во время «оттепели» // Антропологический форум. 2011. № 15. С. 270–326.

⁸ Тем не менее документы Особого архива Литвы свидетельствуют о том, что органы госбезопасности со всей серьезностью относились к националистическим выступлениям молодежи. Более того, в каждом случае молодежных выступлений участие родственников в вооруженной борьбе против советской власти в 1940–1950-х или иная связь с деятельностью подполь-

ных националистических организаций тщательным образом проверялась как возможный источник анти-советских идей. См. напр.: <http://www.kgbveikla.lt>

⁹ Отсутствие однозначной оценки сталинского прошлого продолжает влиять и на современную культуру памяти в России. См. об этом: *Плат К.М.Ф.* Идти в науку – терпеть муку: травма и дисциплина в российской школе // Новое литературное обозрение. 2013. № 6 (124).

АЛЕКСАШЕНКО СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ — директор по макроэкономическим исследованиям института «Центр развития» Национального исследовательского университета — Высшей школы экономики, кандидат экономических наук.

БАЕВ ПАВЕЛ КИМОВИЧ — профессор Института исследований проблем мира (Осло, Норвегия), кандидат исторических наук.

ВОРОЖЕЙКИНА ТАТЬЯНА ЕВГЕНЬEVНА — политолог, независимый исследователь.

ГОЛЬЦ АЛЕКСАНДР МАТВЕЕВИЧ — заместитель главного редактора интернет-издания «Ежедневный журнал».

ГУДКОВ ЛЕВ ДМИТРИЕВИЧ — директор Левада-Центра, доктор философских наук.

ДЕМАКОВА КСЕНИЯ ВЛАДИМИРОВНА — исследователь фонда «Центр гражданского анализа и независимых исследований» (Центр ГРАНИ), Пермь.

ЗУБАРЕВИЧ НАТАЛЬЯ ВАСИЛЬEVНА — директор региональной программы Независимого института социальной политики, профессор географического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, доктор географических наук.

КОЗЛОВ ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ — научный сотрудник Школы актуальных гуманитарных исследований РАНХиГС, кандидат исторических наук.

МАКАРЕНКО БОРИС ИГОРЕВИЧ — председатель правления Центра политических технологий, профессор Национального исследовательского университета — Высшей школы экономики.

МАКАРКИН АЛЕКСЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ — первый вице-президент Центра политических технологий.

МАКОВЕЦКАЯ СВЕТЛАНА ГЕННАДЬEVНА — директор фонда «Центр гражданского анализа и независимых исследований» (Центр ГРАНИ), Пермь.

ПЕТРОВ НИКОЛАЙ ВЛАДИМИРОВИЧ — заведующий Лабораторией методологии оценки регионального развития, профессор Национального исследовательского университета — Высшей школы экономики, кандидат географических наук.

СКРЯКОВА ЕЛЕНА ВИТАЛЬEVНА — аналитик фонда «Центр гражданского анализа и независимых исследований» (Центр ГРАНИ), Пермь.

ФЕСЕНКО ВЛАДИМИР ВЯЧЕСЛАВОВИЧ — глава Центра прикладных политических исследований «Пента» (Киев, Украина), кандидат философских наук.

Vol. 18, No 3–4 (63)

COVER STORY

THE UKRAINIAN CRISIS AND RUSSIA

Ukraine: Illusions Not Lost

TATYANA VOROZHEYKINA

The Kiev Maidan is clearly unique when contrasted with global trends. The Ukrainian protesters were actually able to change their country's political regime. Kiev became the place where people decided to fight till the end, which in fact became the decisive element in their struggle against the Yanukovych regime. Ukraine is facing a number of obstacles on its path to democratic transformation; however, the drive that led to the Maidan's victory is one of the factors that will spur democratic change.

The Crisis through the Eyes of Ukrainians

VLADIMIR FESENKO

The mass protests in Kiev triggered a deep social and political crisis in December 2013. The first phase of the crisis culminated in the fall of the Yanukovych regime following the street protests against it. The second phase resulted in the loss of Crimea orchestrated with the help of Russian troops, which threatened to break up the country and escalate the Russian aggression to the rest of its territory. However, sociopolitical sentiments inside Ukraine have also caused the spiraling of the crisis.

Patriarch Kirill and the Post-Maidan Ukraine

ALEXEI MAKARKIN

The Ukrainian crisis became a serious test for the Russian Orthodox Church, whose hierarchs found themselves between the rock and the hard place. On one side is the Ukrainian Orthodox Church, which falls under the ecclesiastical jurisdiction of the Moscow Patriarchate but enjoys considerable autonomy. Its leadership spoke against Russia's involvement in the Ukrainian crisis, thus expressing its support for Ukraine's territorial

integrity. The Kremlin, which Patriarch Kirill traditionally supports, is on the other side.

The Fourth Conquest of Crimea

ALEXANDER GOLTZ

The military component of the Crimean operation has presented the researcher with an important question: how can a liberal military reform continue to be carried out while the country itself remains authoritarian? Does it mean that Russia can also expect the rise of a "new militarism" in which a modern military coexists with an ideology of mass mobilization? A "correct" reform in a particular sphere, be it military affairs or taxation, does not ensure the evolution of an authoritarian regime in a positive direction. It may even strengthen such a regime by providing it with modern financial institutions or modernized armed forces.

Russia in 2014: Sliding Down the Funnel

NIKOLAY PETROV

In the absence of powerful external shocks, the regime's longevity is likely to be determined by three major downward trends: a) decreasing administrative efficiency; b) cumulative effect of technological and social degradation; c) aging business and political elite and loss of its functional efficiency. The situation can be likened to a continuous slide down the funnel, in which the movement trajectory resembles a narrowing spiral, while the system itself can be compared to a plane in a tailspin.

Geopolitics of Self-Isolation

PAVEL BAEV

Modern Putinologists failed to promptly diagnose the regime's mutation that made Russia's rejection of the Western rules of the game inevitable and marked its turn to the state of confrontation. This article discusses certain aspects of international political climate that helped to accelerate this mutation and will

determine the risks at its final stages. Lacking serious resources to increase its power, Russia repudiated the core trend of the emerging multipolar world, which considers economic dynamism the main criterion for success.

The Post-Crimea Political Regime

BORIS MAKARENKO

The annexation of Crimea have raised the regime's legitimacy as a protector from external threats. This increased "symbolic legitimacy" will offset the discontent with the regime's day-to-day performance for a certain period of time. However, the conflict between these two trends remains unresolved: "patriotic mobilization" does not solve any of the urgent socioeconomic problems. How the conflict between these two components of regime legitimacy evolves will to a large extent determine the prospective development of the entire political system.

The Russian Economy by the Start of the Post-Putin Era

SERGEI ALEKSASHENKO

The baseline scenario provides for the inertial development of the Russian economy; however, some new external factors will emerge. Two deviations from the baseline scenario will be discussed: a) "the new Cold War," which will incorporate the West's economic sanctions and the Russian leaders' attempts to ensure the country's self-sufficient development, and b) "change of priorities" – if approximately midway through the projection period the Russian leaders realize the seriousness of the problems that the country faces and start solving them.

The Russian Space: After Crimea and in the Midst of the Crisis

NATALIA ZUBAREVICH

Scenario analysis reveals mostly bleak results: regions will not become engines of positive change in Russia; they lack economic resources and powerful elite interests to make an impact.

More modernized large cities will bear the brunt of the growing selective political repressions, which will allow the regime to stay in power until the next presidential elections. Under the most extreme scenario, the North Caucasus will become Russia's main engine of change. In case of the seriously weakened Center, China may exert a disproportionate influence over the eastern regions of the country. However, their secession from Russia is unlikely.

Putin's Totalitarian Backslide

LEV GUDKOV

Historical evidence from around the world suggests that weakened legitimacy frequently leads to dictatorial rule or attempts to establish it rather than to democratization. The Kremlin's policy of fomenting instability in Ukraine only strengthens these trends, but now in the guise of pointless national narcissism. This concentration of negative evolutionary trends leads to Russia's alienation from global processes and guarantees to engender the feelings of resentment and self-isolation for the next generation of Russians.

Non-political activism in Russia

KSENIA DEMAKOVA, SVETLANA MAKOVETSKAYA,
YELENA SKRYAKOVA

The growth of civic activism in Russia helps to create "bridging social capital" which contributes to building trust outside of the immediate circle of one's relatives and friends, thus facilitating the formation of broad public solidarity coalitions. At the same time, "bonding social capital," which helps to build greater trust within smaller groups of like-minded individuals, is also being created. Despite the clash between the "conservationist" and "modern" agendas, we are witnessing gradual development of civic culture.

Book Reviews

Our Authors

